

Министерство образования, науки
и молодежной политики Республики Алтай
ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова»

А. Н. МАЙЗИНА

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ
С МОНГОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ)**

Горно-Алтайск
2008

УДК 811.51
ББК81.2Алт-3-4
М14

Утверждено к печати Ученым советом
ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова»

Ответственный редактор
д.ф.н., проф. А. Т. Тыбыкова

Рецензенты:
к.ф.н. А. Р. Тазранова, к.ф.н. Д. М. Токмашев

ISBN 978-5-903693-10-8

Майзина А.Н.

Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Монография. – Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. – 264 с.

Монография посвящена системному описанию семантического поля цветообозначений в алтайском языке в сопоставлении с монгольским языком. В работе впервые проведена инвентаризация и систематизация цветовых терминов в алтайском языке; осуществлен сопоставительный анализ семантических структур слов-цветообозначений в алтайском и монгольском языках. Работа представляет интерес в том отношении, что через сопоставление материалов разнотипных алтайского и монгольского языков выявляются универсальные и специфические черты этих языков.

Монография рассчитана на тюркологов, специалистов по урало-алтайским языкам, специалистов по общему и сравнительно-типологическому языкознанию.

УДК 811.51
ББК81.2Алт-3-4

ISBN 978-5-903693-10-8

© Майзина А.Н., 2008
© ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
§ 1. Основные направления в истории изучения цветообозначений в лингвистике	9
1.1. Изучение цветообозначений в зарубежной лингвистике ..	11
1.2. Изучение цветообозначений в русистике	14
1.3. Изучение цветообозначений в тюркологии	15
§ 2. Классификация цветообозначений	19
§ 3. Семантическое поле цветообозначений	22
§ 4. Семантическая структура слова	33
§ 5. Типы лексических значений слова	37
Глава II. СИСТЕМА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ	45
§ 1. Особенности цветовой номинации в алтайском и монгольском языках	45
§ 2. Словообразовательные типы цветообозначений в алтайском и монгольском языках	59
2.1. Простые наименования	59
2.1.1. Наименования, называющие основные и оттеночные цвета	59
2.1.2. Модификации имен цвета, выражающие неполноту цветового признака	60
2.2. Сложные наименования	68
2.2.1. Наименования, выражающие интенсивность цветового тона	68
2.2.2. Наименования, выражающие яркость цветового тона	70
2.2.3. Наименования, выражающие гомогенность цветового тона	74
2.2.4. Наименования, называющие смешанные цвета	74
2.2.5. Парные слова, обозначающие близкие по цветовой гамме цвета	75
2.3. Компаративные конструкции с цветовыми компонентами	76
2.4. Цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики.	79

§ 3. Синонимия в системе цветообозначений алтайского языка	87
3.1. Синонимический ряд <i>ак</i> – <i>кажагай</i> ‘белый’	87
3.2. Синонимический ряд <i>кара</i> – <i>бараан</i> ‘черный’	88
3.3. Синонимический ряд <i>јажыл</i> – <i>ногоон</i> – <i>көк</i> ‘зеленый’	88
3.4. Синонимический ряд <i>чоокыр</i> – <i>солоон</i> – <i>ала</i> – <i>өлө</i> ‘пестрый’	89
3.5. Синонимический ряд <i>боро</i> – <i>сур</i> ‘серый’	93
3.6. Синонимический ряд <i>күрен</i> – <i>күргүл</i> – <i>коныр</i> ‘коричневый’	93
3.7. Синонимический ряд <i>кызыл</i> – <i>јеерен</i> ‘рыжий’	95
3.8. Синонимический ряд <i>сары</i> – <i>салаа</i> ‘желтый’	95
3.9. Синонимический ряд <i>куба</i> – <i>куу</i> ‘бледный, блеклый’	97
3.10. Синонимический ряд <i>ак</i> – <i>боро</i> – <i>буурыл</i> – <i>көк</i> – <i>куу</i> ‘седой’	99

Глава III. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТ, В АЛТАЙСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

§ 1. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова <i>ак</i> и монгольского слова <i>цагаан</i> ‘белый’ ..	100
1.1. Семантическая структура алтайского слова <i>ак</i> ‘белый’	100
1.2. Фразеологически связанные значения слова <i>ак</i>	107
1.2.1. ФТГ «Лицо»	108
1.2.2. ФТГ «Не -лицо»	109
1.3. Семантическая структура монгольского слова <i>цагаан</i> ‘белый’	111
1.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова <i>ак</i> и монгольского слова <i>цагаан</i> ‘белый’	115
§ 2. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова <i>кара</i> и монгольского слова <i>хар</i> ‘черный’	116
2.1. Семантическая структура алтайского слова <i>кара</i> ‘черный’	117
2.2. Фразеологически связанные значения слова <i>кара</i>	138
2.2.1. ФТГ «Лицо»	138
2.2.1.1. Фразеологизмы, характеризующие индивидуальные свойства человека	138
2.2.1.2. Фразеологизмы, характеризующие психоэмоциональное состояние человека	144
2.2.1.3. Фразеологизмы, характеризующие физиологическое состояние человека	146

2.2.2. ФТГ «Не -лицо»	153
2.3. Семантическая структура монгольского слова <i>хар</i> ‘черный’	156
2.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова <i>кара</i> и монгольского слова <i>хар</i> ‘черный’	161
§ 3. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова <i>кызыл</i> и монгольского слова <i>улаан</i> ‘красный’	165
3.1. Семантическая структура алтайского слова <i>кызыл</i> ‘красный’	165
3.2. Фразеологически связанные значения слова <i>кызыл</i>	171
3.3. Семантическая структура монгольского слова <i>улаан</i> ‘красный’	177
3.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова <i>кызыл</i> и монгольского слова <i>улаан</i> ‘красный’	180
§ 4. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова <i>көк</i> и монгольского слова <i>хөх</i> ‘синий’	182
4.1. Семантическая структура алтайского слова <i>көк</i> ‘синий’	182
4.2. Фразеологически связанные значения слова <i>көк</i>	190
4.3. Семантическая структура монгольского слова <i>хөх</i> ‘синий’	192
4.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова <i>көк</i> и монгольского слова <i>хөх</i> ‘синий’	194
§ 5. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова <i>боро</i> и монгольского слова <i>бор</i> ‘серый’ ..	196
5.1. Семантическая структура алтайского слова <i>боро</i> ‘серый’	197
5.2. Фразеологически связанные значения слова <i>боро</i>	201
5.3. Семантическая структура монгольского слова <i>бор</i> ‘серый’	202
5.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова <i>боро</i> и монгольского слова <i>бор</i> ‘серый’	203
Заключение	205
Библиографический список	210
Приложение I	235
Приложение II	240
Приложение III	242
Приложение IV	247

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена системному описанию семантического поля (далее СП) цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком.

Достаточно компактная группа наименований цвета, выделяющаяся в лексико-семантической системе алтайского языка, относится к наиболее древним атрибутивным словам. Вырабатываемые языковым сознанием, они принимают активное участие в репрезентации языковой картины мира и наиболее ярко характеризуют особенности мировосприятия и лингвокреативного мышления алтайского народа.

В тюркологической науке хроматическая лексика остается недостаточно изученным сегментом лексики, в то время как в индоевропеистике и русистике по данной проблеме имеется большое количество работ, выполненных в рамках разных лингвистических школ и направлений: Б. Берлин, П. Кей [1969], В. Г. Гак [1977], Дж. Лайонз [1978], Р. М. Фрумкина [1984], А. Вежицкая [1995] и многие другие. Цветообозначения здесь изучались с целью моделирования семантических полей, для составления различных языковых таксономий, в связи с верификацией так называемой гипотезы относительности Сепира-Уорфа и др.

Семантическое поле цветообозначений алтайского языка до настоящего времени развернутому описанию не подвергалось, чем определяется актуальность предлагаемого исследования. Работа представляет интерес и в том отношении, что через сопоставление материалов алтайского языка с материалами других близкородственных тюркских языков, а также языков других систем, в частности, монгольского, выявляются общие и специфические черты этих языков. Межязыковое изучение лексических полевых моделей в целом способствует решению проблемы соотношения идиоэтнического и универсального в языке.

Цель исследования – структурно-семантическое описание СП цветообозначений алтайского языка; анализ семантической структуры слов-цветообозначений в алтайском языке

в сопоставлении с монгольским языком. В связи с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные задачи:

- 1) выявить возможно полный состав цветowych терминов в алтайском языке;
- 2) определить особенности цветовой номинации в алтайском и монгольском языках;
- 3) выявить словообразовательные типы алтайских и монгольских цветowych наименований;
- 4) определить и описать семантические структуры алтайских и монгольских слов-цветообозначений;
- 5) выявить сходства и различия семантики цветообозначений в алтайском и монгольском языках.

Фактический материал исследования извлекался методом выборки анализируемых слов из словарей – «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (1884) В. И. Вербицкого, «Ойротско-русский словарь» (1947) Н. А. Баскакова, Т. М. Тоцаковой, «Русско-алтайский словарь» (1964) под редакцией Н. А. Баскакова, художественной и публицистической литературы на алтайском языке, а также из фольклорных и этнографических источников. Регулярно фиксировалась устная речь носителей алтайского языка, проживающих в разных районах Республики Алтай. Семантика цветообозначений уточнялась у мастеров слова – алтайских писателей, мастериц по шитью алтайской национальной одежды и др.

Основным источником материала для выявления цветообозначений в современном монгольском языке послужили данные следующих словарей: «Монгольско-русский словарь» (1957) под общей редакцией А. Лувсандэндэва, «Русско-монгольский словарь» под редакцией Ц. Дамдинсүрэна, А. Лувсандэндэва (1982), «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах (2001–2002) под редакцией Г. Ц. Пюрбеева.

Экспликация семантики монгольских цветообозначений осуществлялась также путем перевода и толкования их значений носителями монгольского языка.

Научная новизна предлагаемой работы заключается в том, что работа явилась первой попыткой инвентаризации и систематизации имен цвета в алтайском языке. В ходе исследования в алтайском языке было обнаружено 177 лексических единиц – наименований цвета и 109 фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями. В монгольском языке при незакрытом списке было обнаружено 88 цветowych терминов и 44 фразеологических единиц, имеющих в своем составе цветообозначения. Словарь алтайских цветowych терминов приведен в Приложении III, список фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями в алтайском языке приведен в Приложении IV. Помимо этого в работе впервые анализируется семантическая структура слов-цветообозначений в алтайском языке. В имеющихся словарях по алтайскому языку у слов-цветообозначений отражены далеко не все значения.

Теоретическая и практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты могут послужить материалом для составления различных словарей по алтайскому языку, а также могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии, лексической семантике, фразеологии, этнолингвистике и лингвокультурологии, в преподавании родного языка в школах Республики Алтай.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю – д.ф.н., проф. А. Т. Тыбыковой, рецензентам к.ф.н. А. Р. Тазрановой и к.ф.н. Д. М. Токмашеву, а также своим информантам.

Глава I ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Основные направления в истории изучения цветообозначений в лингвистике

Проблема цвета, цветовой перцепции и цветовой символики давно привлекает внимание представителей разных отраслей науки – антропологов, этнографов, философов, психологов и т.д. Изначально в русле гносеологических и онтологических изысканий исследователей волновал вопрос о природной сущности цветowych категорий, о том, как они отражаются в человеческом сознании и как коррелируют друг с другом. В связи с такой постановкой проблемы появилась целая наука о цвете – цветоведение или хроматология (от гр. *chrōma* (*chrōmatos*) – цвет, *logos* – понятие, учение). В последнее время, учитывая достижения современной науки о цвете, исследователи условно стали говорить о такой междисциплинарной области знания, как «Антропология цвета» [Самарина 2007: 279].

В традиционном понимании термин «цвет» определяется как физическое свойство света, измеряемое в длинах волн: «Цвет – это свойство света вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения. Свет разных длин волн возбуждает цветowe ощущения при λ : при λ ок. 460 нм* – фиолетовое, 470 нм – синее, 460 нм – голубое, 520 нм – зеленое, 580 нм – желтое, 600 нм – оранжевое, 640 нм – красное, 700 нм – пурпурное...» [СЭС: 1459].

В психологии проблема цвета рассматривается на уровне восприятия и ощущений. Известно, что нормальный человеческий глаз различает огромное количество цветowych оттенков, но феномен цвета заключается в том, что каждый человек видит и вос-

* нм – нанометр (1 нм = 10^{-9} м).

принимает цвета по-своему. По мнению психологов, цвета могут оказывать влияние на психику человека: они влияют на настроение и состояние здоровья человека. К примеру, М. Люшер полагает, что, анализируя цветовые предпочтения людей, можно многое узнать о личности человека, его психологическом состоянии и умственных способностях. Психологом разработан специальный тест, названный его именем – «тест Люшера», на основе которого и выявляется психологическое состояние человека [Люшер 2005].

В этнографии «цвет» понимается не только как неотъемлемое свойство среды, природной или искусственной, но и как своеобразная, существенная сторона духовного опыта человечества, одна из первичных форм его фиксации и систематизации [Тернер 1983; Самарина 1992: 47]. Этические и эстетические ассоциации, вызываемые цветами, рассматриваются этнографами прежде всего как элемент традиционной этнической культуры.

В культурологии феномен цвета рассматривается в рамках проблемы изучения межкультурных сходств и различий в цветовосприятии разных народов, как результат деятельности визуального и креативного мышлений. Национальные особенности цветовой символики находят отражение в различных культурологических словарях символов, как например, «Энциклопедия знаков и символов» (1997) Дж. Фоли.

В лингвистической науке обозначения цвета рассматриваются с разных позиций: изучается происхождение цветовых наименований, их семантика, вызываемые ими ассоциативные связи; составляются семантические (идеографические, лингвокультурологические и др.) поля; анализируется применение цветовой лексики в текстах художественной литературы, публицистики, СМИ и многое другое. Цветообозначения рассматриваются в свете таких фундаментальных лингвистических проблем, как проблема соотношения языка и мышления, языка и культуры, реконструкции «языковой картины мира» и «цветовой картины мира», выявления универсального и национального в различных языках и т.д.

В совокупности всех проблем, касающихся изучения цветообозначений в лингвистике, выделяются сопоставительный, эво-

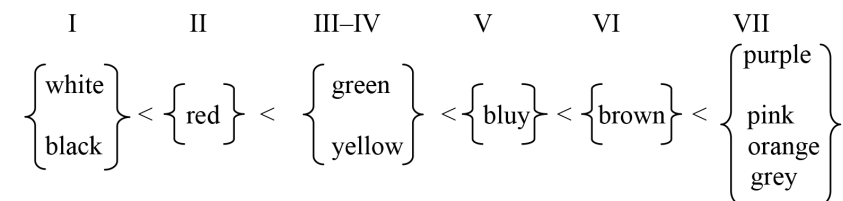
лютивный, психолингвистический, лингвокультурологический, когнитивный и феноменологический аспекты исследования.

1.1. Изучение цветообозначений в зарубежной лингвистике

Наиболее подробное изучение цветообозначений с лингвистической точки зрения началось в зарубежной лингвистике в связи с верификацией гипотезы американских ученых Б. Берлина и П. Кея об эволюционном происхождении цветовых категорий. Основные положения своих исследований, выполненных на основе анализа 98 языков, они изложили в совместной работе «Basic colour terms: their universality and evolution» [Berlin, Key 1969]. В их концепции можно выделить следующие моменты.

1. Основой формирования и развития цветовых терминов всех народов мира служат 11 базовых категорий (моноксем), которые являются универсальными, переводимыми с одного языка на другой.

2. По своему происхождению эти цветовые категории занимают семь стадий по очередности появления. Если в языке есть только два основных цветотермина, то это названия *белого* и *черного* (I стадия); если в языке имеется три термина, то третьим должен стать *красный* (II стадия); на III стадии появляются *зеленый* или *желтый*; на IV стадии появляется термин, который отсутствует в предыдущей стадии (либо *желтый* либо *зеленый*); на V стадии – *синий*; на VI стадии – *коричневый*; на VII стадии – *фиолетовый*, *розовый*, *оранжевый* и *серый*. Иерархию эволюционного происхождения основных цветотерминов авторы представили в следующей схеме:

3. Количество и состав цветовых категорий зависят от исторического уровня развития той или иной этнической культуры. По набору цветовых терминов можно определить стадию развития рассматриваемой культуры.

В свое время теория Б. Берлина и П. Кея в науке имела большой успех и нашла многих сторонников. Однако из-за некоторых недостатков она неоднократно подвергалась критике со стороны своих противников. Так, многие исследователи не приняли тезис об универсальности цветовых категорий. К примеру, А. Вежбицкая на основе концептуального анализа цветообозначений в языках разных систем постулирует, что имена цвета не универсальны, есть лишь «универсалии зрительного восприятия». Но при этом она не отрицает, что в разных языках воплощены различные цветовые концепты, а фундаментальные концептуальные модели, основанные на общечеловеческом опыте, одинаковы [Вежбицкая 1993: 232, 284]. Несмотря на все имеющиеся недостатки, работа Б. Берлина и П. Кея по данной проблематике считается классической, и исследователи до сих пор обращаются к ней.

Цветообозначения изучались в связи с верификацией другой, не менее актуальной в настоящее время, гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно теории американских этнолингвистов Э. Сепира [1993] и Б. Уорфа [1960], язык выступает как деятельное начало: он не только участвует в членении мира на элементы, но и влияет на поведение людей. Мир людей строится ими на бессознательном уровне с помощью языка или языковой системы. В зависимости от культурной среды, различные общества могут иметь разные языковые системы, в том числе и разные системы цветообозначений. Каждый язык имеет свою собственную концептуальную картину мира, а языковая система оказывается равнозначной понятийной картине мира. Принято считать, что информация о модели действительности варьирует от языка к языку и дополняет в той или иной форме логическую картину мира. В этом и заключается «принцип лингвистической относительности».

Таким образом, две разные теории – теория Берлина и Кея и теория Сепира-Уорфа в некоторой мере послужили отправной

точкой для сопоставительного изучения цветовых наименований в языках разных систем. Изучение цветообозначений, сопряженное с проблемой идиоэтнического и универсального в языке, стало популярным направлением в лингвистике.

С момента выхода в свет книги Б. Берлина и П. Кея «Basic colour terms: their universality and evolution» (1969) современная наука о цвете шагнула далеко вперед. В зарубежной лингвистике по исследуемой теме имеется огромное количество работ. Наиболее известными и цитируемыми авторами являются М. Сводеш, Г. Конклин, Р. Мак-Лори, С. Харгрейв, Л. Маффи, К. Хардин, В. Меррифильд, С. Харкнесс, Э. Рош и многие другие. Подробный обзор зарубежных исследований по проблеме цвета приведен в работах Л. В. Самариной [1992: 147–156; 2007: 279–315], А. Вежбицкой [1996: 231–230]. Анализ работ польских ученых дан в работе В. Г. Кульпиной «Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках» [2001].

Относительно недавно за рубежом стали проводиться научные конференции, посвященные изучению цвета. Так, в октябре 1992 г. в Асиломаре (США, штат Калифорния) состоялась конференция, в которой принимали участие психологи, работающие в области психофизики и электрофизиологии видения цвета; антропологи, нейропсихологи, лингвисты, психолингвисты, философы. Материалы конференции были изданы в сборнике «Color Categories in Thought and Language» (Cambridge, 1997). Содержание статей, включенных в данный сборник, освещено в работе О. Т. Молчановой [2000: 275–284].

В апреле 1996 г. в Стокгольмском университете был проведен научный форум «Шведско-польская лингвистическая конференция: семантика цвета и размера». Конференция представляет собой один из этапов реализации проекта сопоставительных исследований в области лексической семантики, инициированный польскими лингвистами Варшавского университета. Материалы конференции были опубликованы в сборнике «Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms» (Stockholm, 1997). Детальный анализ статей этого сборника дается в работе В. Г. Кульпиной [2001].

1.2. Изучение цветообозначений в русистике

В русистике, так же как и в зарубежной лингвистике, изучению цветообозначений посвящено большое количество работ. Исследования отечественных лингвистов по данной проблеме отличаются своей многогранностью. Большое внимание здесь уделяется истории формирования цветообозначений в русском языке (Л. М. Грановская, М. А. Суровцова, Н. Б. Бахилина, И. Г. Добродомов и др.), рассматривается семантика цветообозначений (А. А. Брагина, Р. В. Алимбиева, В. А. Пищальникова, Е. В. Рахилина и др.).

Многие работы посвящены описанию цветообозначений в составе фразеологизмов и устойчивых сочетаний (Т. С. Свешников, Л. А. Качаева, Л. Е. Кругликова, Я. Мерзук и др.).

Не менее интересны исследования, посвященные изучению хроматической лексики на материале других языков. Система цветообозначений в английском языке рассматривалась В. А. Московичем [1960: 83–87]. Историческое развитие терминов цвета во французском языке прослеживалась в работе М. А. Бородиной, В. Г. Гак [1979]. Символика цвета и семантика цветообозначений в арабском языке стали предметом исследования В. С. Морозовой [1999: 300–304].

В соответствии с возникающими интересами и достижениями современной лингвистической науки, цветообозначения изучались в рамках различных научных парадигм. В психолингвистическом аспекте цветообозначения рассматривались в трудах Р. М. Фрумкиной [1979: 149–174; 1984 и др.], А. В. Михеева [1983], А. П. Василевича [1987; 2003] и др.

В рамках лингвокультурологического и феноменологического аспектов осуществлялось сопоставительное изучение систем цветообозначений разных языков. В русле данных подходов исследованию терминов цвета в польском и русском языках посвящена работа В. Г. Кульпиной [2001]. Красный цвет в русском и английском языке рассматривала М. И. Баева [2004]. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках исследовались О. В. Праченко [2004].

В лингвокогнитивном аспекте выявлялось место того или иного цветового концепта в общей концептосфере русского язы-

ка (И. В. Макеев 1999; И. В. Белобородова 2002; В. Г. Кульпина 2007: 126–185; Н. С. Братчикова и др.).

Важным событием в истории развития отечественной науки о цвете стало появление самостоятельной научной дисциплины «Лингвистика цвета» с уже сформировавшейся теоретической и методологической базой исследования и метаязыком описания. Основоположителем этого направления является В. Г. Кульпина [2001].

Кроме того, в последнее время наблюдается тенденция к проведению комплексных исследований цвета. Ведется работа по созданию «Русской энциклопедии цвета» [Косых 2002]. Издан «Каталог названий цвета в русском языке» (М., 2002) А. П. Василевича и др., в котором представлено более 2 тысяч цветообозначений, приведены цветовые карты с образцами более сотен цветов. Стало популярным также проведение научно-исследовательских проектов и мероприятий по проблеме цвета, результаты которых опубликовываются в сборниках научных статей: «Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола» (М., 2004), «Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ» (М., 2007).

1.3. Изучение цветообозначений в тюркологии

В тюркологии проблема изучения цветообозначений освещена не так широко, как в зарубежном языкознании и русистике. Хроматическая лексика здесь изучалась под разными углами зрения. Классической работой по данной проблематике можно назвать статью А. Н. Кононова «Семантика цветообозначений в тюркских языках» [1978: 159–179]. Автором подробно проанализирована семантика общетюркских цветообозначений *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *көк* ‘синий’, *сары* ‘желтый’, *кызыл* ‘красный’, *ала* ‘пестрый, пегий, полосатый’. В работе также представлена древняя цветовая геосимволика тюрко-монгольских кочевников, где красный цвет обозначал юг, черный – север, голубой – восток, белый – запад, желтый – зенит.

Позднее цветообозначения в тюркских языках рассматривались И. В. Кормушиным. В работе проведен детальный анализ

семантики слов *qara* 'черный', *a:q* 'белый', *saryu* 'желтый', *qyzyl* 'красный, золотистый', *kök* 'зеленый, голубой, синий', *bo:z* 'серый, бурый; серовато-коричневый', *jaŋuz*. Так, у слова *кара* в тюркских языках исследователем приведено 31 значение. По мнению ученого, пласт хроматической лексики в тюркских языках «можно отнести не только к праязыку, но и к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского языка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий» [Кормушин 2001: 592].

В сопоставительном аспекте семантическую структуру английских прилагательных *white*, *black* и туркменских *ак*, *кара* рассматривал А. Гурдов [1972]. В казахстанском языкознании сравнительно-сопоставительный анализ семантики и структуры цветообозначений в русском и казахском языках проводила К. Досмухамедова [1976: 28–35]. Изучению репрезентации цветовых концептов в русском и казахском языковом сознании посвящены работы Ш. К. Жаркынбековой [2003; 2006: 190–191]. К вопросу о специфике цветообозначений в русском и якутском языках на основе ассоциативного эксперимента обращалась В. М. Тобурокова [1994: 125–131]. Объектом диссертационного исследования Р. Р. Закирова [2003] стали фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках. Подобного рода сравнительно-сопоставительные исследования позволяют выявить специфику тюркских языков на фоне языков других систем, и, напротив, выявить их общие черты.

Цветовая лексика изучалась и на материале отдельных тюркских языков. К примеру, устойчивые сравнения с цветом «белый» в якутском языке рассматривались Ю. И. Васильевым [1978: 113–119]. Цветовая лексика в якутском эпосе олонхо анализировалась в работах Л. Л. Габышевой [1984: 27–30; 1994: 3–23]. В чувашском языке названия цвета исследовала Е. Ф. Васильева [1980: 145–164]. В культурно-историческом аспекте семантику чувашских цветовых обозначений рассматривала Е. А. Лебедева [1992: 115–117]. Система цветообозначений в хакасском языке исследовалась О. В. Субраковой [2005: С. 36–38]. Этнокультурные

особенности цветообозначения в современном башкирском языке освещены в работе З. С. Файзуллиной [2005].

Особого внимания заслуживают исследования, в которых цветообозначения рассматриваются в таком разделе лингвистики, как ономастика. Описанию семантики слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии посвящена работа А. Н. Кононова [1954: 83–85]. Топонимы с прилагательными *ак* и *кара* на территории Республик Тыва и Хакасия анализировались Б. К. Ондар [2001: 120–124]. Роль цветовых обозначений в башкирских этнонимах рассматривал З. Г. Ураксин [1987: 127–132]. Тюркские фольклорные антропонимы с компонентами-цветообозначениями стали объектом исследования Д. М. Токмашева [2007: 109–113].

В изучении цветообозначений в тюркском языкознании не остались без внимания и названия мастей лошадей. В данном направлении известны работы К. И. Федоровой [1980: 123], Л. Л. Габышевой [1984: 27–30], М. А. Толубаева [1985: 56–61], Ф. Г. Хисамитдиновой [2005: 115–118] и др.

В некоторых исследованиях рассматриваются названия мастей лошадей в русском языке, относящиеся к тюркизмам [Сетаров 1974: 229–238; 1981: 16–32; Дыбо 2004: 14–16]. Например, утверждается, что термин *игреневый* в русском языке восходит к древнетюркскому слову *jegrap* 'рыжий, гнедой', а термин *чалый* – к тюркскому *чал* 'седой' [Сетаров 1974: 229–238].

Особый интерес представляют работы, посвященные изучению хроматической лексики в алтайских языках. Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений в нанайском языке описывались Т. Г. Петровой [1954: 115–117]. Исследователями рассматривались общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак «красный» в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках [Петрова, Бугаева 1971: 191–202]. Изучению этимологии цветообозначений «зеленый – синий» в корейском и других алтайских языках посвящена работа Т. И. Бугаевой [1984: 178–189]. Цветообозначения в языке совреченских эвенков изучал М. Д. Симонов [1985: 64–76]. Сравнительная характеристика систем базовых цветообозначений

восточной и северной диалектных групп хантыйского языка проведена П. М. Кузнецовым [2007: 113–119].

В монгольском языкознании попытку реконструировать корни некоторых исконных монгольских цветообозначений предпринимал А. К. Кузьменков [1988: 126–127]. Цветовые обозначения и цветовая символика в монгольском языке подробно описаны Е. Баярсайхан [1996: 55–59].

В алтайском языкознании цветовые наименования в составе топонимов Горного Алтая отражены во многих работах О. Т. Молчановой [1981: 113–127; 1988: 89–103; 1991: 115 и др.]. По ее данным 14% всех тюркских топонимов на территории Горного Алтая содержат в своем составе цветовые прилагательные. Из них самыми распространенными являются цвета *кара* ‘черный’ (37,6%), *ак* ‘белый’ (22,3%), *сары* ‘желтый’ (11,2%), *кызыл* ‘красный’ (10,3%), *көк* ‘синий’ (6%) [Молчанова 1981: 113; Molchanova 2003: 21].

Наименования мастей лошадей в алтайском языке были описаны Н. А. Яимовой [2002: 225–229]. Автором проведен детальный анализ наименований мастей лошадей не только по гомогенности и гетерогенности окраски, но и по характеру их оттенков, месту расположения пятен, форме и рисунку.

Помимо перечисленных выше лингвистических исследований, особого внимания заслуживают работы по изучению цветового восприятия алтайцев, выполненные в рамках других смежных наук. В области фольклористики роль цветовых эпитетов алтайских волшебных сказок охарактеризована М. А. Толбиной [1989: 49–72]. О цветовых признаках в алтайской традиции говорится в работе В. П. Ойношева [1995: 195–197]. В области этнографии известны работы Н. В. Екеева «Об этнонимах «Белые и черные калмыки» (к этнической истории алтайцев XVII–XVIII веков)» [1992: 114–119] и С. П. Тюхтеновой «О символике цвета в культуре алтайцев» [1994: 60–65]. В этнокультурологическом аспекте цвет и свет в алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара» рассматривались Е. П. Маточкиным [1995: 11–19]. В данном русле известна также работа А. В. Эдокова «Восприятие цвета в традиционной культуре алтайцев» [2004: 74–80].

Таким образом, обзор лингвистической литературы по теме исследования показал, что цветообозначения изучались и продолжают изучаться с самых различных позиций. Научный интерес к ним не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные ежегодные публикации, в том числе в глобальной сети Internet.

§ 2. Классификация цветообозначений

Классификация цветообозначений – одна из самых трудно-разрешимых проблем как в хроматологии, так и в лингвистике. Исследователи нередко задумываются над вопросом: осуществимо ли полное описание имен цвета. В частности, психолингвисты А. В. Михеев [1983], Р. М. Фрумкина [1984] настаивают на том, что в научной литературе не существует такого описания имен цвета, которое можно было бы назвать «системным». Ученые утверждают, что субстанция цвета не может быть определена какой-либо системой координат, и что оптический спектр континуален: в нем нет границ между отдельными цветами [Лайонз 1978: 455 и др.]. Действительно, не представляется возможным с точностью определить, где заканчивается *голубой* и где начинается *синий*. У главного носителя языка на этот счет может быть свое субъективное мнение. Поэтому вопрос о границах цветового пространства по-прежнему остается открытым. Несмотря на такие трудности в описании имен цвета, в науке осуществлялось немало попыток классифицировать и систематизировать их.

В лингвистической литературе цветообозначения принято подразделять на *основные* (базовые) и *оттеночные*. Понятие *основное имя цвета* впервые в научный обиход ввели американские ученые Б. Берлин и П. Кей. По их мнению, *основное имя цвета* (basic colour term) должно обладать следующими качествами:

- 1) имя цвета должно состоять только из одной морфемы (green, red);
- 2) обозначаемый цвет не должен быть оттенком другого (например, scarlet – оттенок red);

3) он не должен относиться лишь к малой группе объектов (например, blond – описывает только волосы);

4) он должен быть широко употребляемым (ср. yellow и saffron) [Berlin, Key 1969: 37].

Базовые цветообозначения в лингвистике – это слова, которые способны самым обобщенным образом выразить ту или иную цветовую субстанцию, дать самое основное и важное представление о цвете, а потому могут выделить при сочетании с другими лексемами любой оттенок данного цвета [Молчанова 2000: 279].

Основные цветообозначения – это наиболее абстрактные образования, на синхронном уровне наименее мотивированные [Кульпина 2001: 22].

Основные имена цвета делятся на *хроматические* (цветные) и *ахроматические* (бесцветные). К *хроматическим* цветам относятся семь цветов спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. *Ахроматические* цвета представлены черным, белым и серым. Хроматические цвета, в свою очередь, делятся на *теплые* (длинно-волновая часть спектра: красный, оранжевый, желтый, желто-зеленый) и *холодные* (коротко-волновая часть спектра: голубо-зеленый, голубой, зеленый, фиолетовый). Чистый зеленый цвет находится между холодными и теплыми цветами спектра [Алексеев 1962: 65].

По своей природной сущности цвета также делятся на *простые* (несмешанные) и *сложные* (составные, смешанные, переходные, промежуточные) тона. К *простым* тонам относятся такие хроматические цвета, как *красный, синий, желтый и зеленый*, а из нехроматических – *белый и черный*. Остальные тона относятся к *сложным* (составным, смешанным либо переходным) [Бородин, Гак 1979: 132].

В своем учении о цвете И. Гёте *смешанные* цвета подразделяет на две группы: 1) составные цвета первой степени (зеленый, оранжевый, фиолетовый, розовый, серый и др.); 2) смешанные цвета второй степени, полученные путем смешения составных цветов первой степени (коричневый, охра и др.) [Гёте 1957].

Традиционно принято считать, что *зеленый* цвет образован путем смешения желтого и синего, *оранжевый* – это смесь желтого

и красного, *фиолетовый* – синего и красного, *серый* – черного и белого, а *розовый* – красного и белого. *Коричневый* цвет образован смешением составных цветов первой степени – красного и черного, охра – зеленого и оранжевого. Согласно устоявшемуся мнению, в таких «смешанных» цветах один из компонентов всегда преобладает над другим: розовый представляется как разновидность красного, а не белого, фиолетовый – синего, а не красного, серый – черного, а не белого.

В русском языке выделяют *сложные генитивные наименования* типа цвета вишни, цвета меда, цвета морской волны, цвета чайной розы [Брагина 1972: 103]; *наименования вторичной номинации* (сиреневый, молочный); *терминологические единицы* (кобальт, ультрамарин); *сложные* (с формантами ярко-, светло-, темно-, прозрачно- и др.); *двусоставные*, представляющие названия смешанных цветов (оранжево-красный, сине-зеленый, угольно-черный) и др. [Василевич 2003: 45].

В алтайском языке наименования цвета представляют собой организованную систему, состоящую из групп основных, оттеночных и смешанных цветообозначений. В группу *основных* входят ахроматические *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *боро* ‘серый’ и хроматические *кёк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, *јажыл* ‘зеленый’, *күрен* ‘коричневый’. Группа *оттеночных* цветообозначений состоит из наименований: *бараан* ‘темный’, *буурыл* ‘седой’, *куба* ‘бледный; бледно-желтый’, *соознак* ‘сиреневый’ и др. Группу *смешанных* цветообозначений составляют наименования: *чоокыр* ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’, *боро-кызыл* ‘серо-красный’, *кёк-јажыл* ‘сине-зеленый’, *күрен-сары* ‘коричнево-желтый’ и др. Классификация алтайских цветовых наименований в основном соответствует общепринятым в науке таксономиям.

В связи с тем, что разные народы по-разному членят цветовое пространство, в разных культурах и языковых общностях имеются свои определенные цветовые номенклатуры, отнюдь не изоморфные между собой. Обобщая некоторые языковые факты, В. А. Москович в разных языках мира выделил три типа систем цветообозначений: 1) объединяющий цвета *по тону* (индо-

европейские, семитские, кавказские, китайский, японский и др.); 2) объединяющий цвета *по светлоте*: суахили, аравак, баганда, хануно, чукотский, эвенкийский и др.; 3) объединяющий цвета по признаку *холодности – теплоты*: язык басса. Тюркские языки в классификации отнесены к языкам, объединяющим цвета по тону [Москович 1965: 4].

Язык конкретного общества является составной частью его культуры и его лексическое разграничение, проводимое каждым языком, обычно отражает важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности общества, в котором функционируют языки [Лайонз 1978: 456]. Формирование цветовой терминологии в рамках той или иной этнической среды зависит от условий быта и жизнедеятельности народа, особенностей местного ландшафта, климата и т.д. В связи с этим регламентируется и общественная потребность людей в выборе конкретных цветовых обозначений. Поэтому не удивительно, что многие северные народы, как, например, якуты хорошо различают нюансы белого цвета, а у большинства тюркских народов – скотоводов по роду деятельности – сильно развит «цветовой зооморфизм». В частности, в цветовой номенклатуре алтайцев преобладают названия мастей лошадей. Но эта группа слов требует отдельного, более глубокого научного изучения.

§ 3. Семантическое поле цветообозначений

Слова или группы слов в лексикологии традиционно принято делить на тематические группы (ТГ), лексико-семантические группы (ЛСГ) и семантические поля (СП).

Тематическая группа – совокупность лексических единиц, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Слова в такие группы «объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой», но «общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна» [Васильев 1971: 11].

Лексико-семантическая группа – класс слов (лексем) преимущественно одной части речи, объединенных одной общей лекси-

ко-парадигматической семой (общим семантическим множителем, архисемой, классемой) [Васильев 1971: 109; Кузнецова 1988: 73].

Различие между тематическими и лексико-семантическими группами состоит в том, что ТГ основаны на классификации предметов и явлений, а ЛСГ представляют собой объединения слов по их лексическим значениям.

Семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [ЛЭС: 380]. Термин *семантическое поле* применяется к более широкому объединению лексики, чем термин *лексико-семантическая группа*. Общая архисема ЛСГ более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема СП [Абрамов 1992: 41].

В истории изучения теории полей известны два основных подхода – лингвистический и экстралингвистический, основоположниками которых являются немецкие ученые Г. Ипсен и Й. Трир (хронологически второй подход предшествовал первому). В русле экстралингвистического подхода семантическая система языка рассматривается как совокупность концептуальных (понятийных) полей, которым в языке соответствуют лексические (словесные) поля. Исходными при выделении таких СП являются *понятия* (термин логики), а не *слова* (лингвистический термин). Согласно лингвистическому подходу, СП выделяются не на понятийной основе, а на языковой. Семантическая система языка здесь рассматривается как совокупность лексических единиц (далее ЛЕ), объединенных общим значением.

В лингвистике выделяют парадигматические, синтагматические, комплексные, ассоциативные и другие поля. Например, в *ассоциативном* поле элементы СП объединяются реципиентами по их индивидуальным ассоциациям, возникающим в ответ на предложенные слова-стимулы или «слова-идентификаторы» [Балли 1961; Лурия 1998].

В современном языкознании в изучении теории полей доминирующим является функционально-семантический подход. По семантическому принципу слова объединяются на основе общно-

сти значений, а по функциональному – по общности выполняемых ими функций [Бондарко 1984; Шведова 1985; Босова 1997 и др.].

Что касается изучения СП цветообозначений, то в этом направлении сравнительное описание семантического поля цветообозначений на материале английского, французского, русского и других языков проводил В. А. Москович [1960: 83–87; 1965]. Проблема построения семантических полей света и цвета в английском языке (в аспекте теории значений) в сопоставлении с русским освещалась в работе Н. Ф. Пелевиной [1971]. Некоторыми исследователями разрабатывалась методика выделения СП цвета [Лайонз 1978; Фрумкина 1979; 1984 и др.].

В последнее время большое внимание уделяется изучению микрополей цвета в лингвокультурологическом аспекте. Так, например, группа молодых польских ученых (К. Друминский, Г. Милкарек, Р. Ниверович и др.) во главе с О. Т. Молчановой проводила сопоставительное изучение микрополей цветообозначений английского и польского языков [Linguistics across culture 2003].

В общепринятой трактовке *семантическое поле* предстает как лексическое множество элементов, связанных между собой системными отношениями. Оно характеризуется следующими системными связями:

- *вхождение* (включение) – вид связи, в котором лексическая единица входит в группировку, имея хотя бы одну идентичную сему с остальными элементами этой группировки. Вхождение включает гипонимическую (родо-видовую) связь, пересечение, синонимическую, градуальную и партитивную связи;

- *схождение* – вид связи, основанный на близости содержания сем. Схождение включает фазовую связь, тяготение, реминисцентную, темпоральную, локальную и инструментальные связи;

- *расхождение* – вид связи, основанный на контрастности содержания сем. Оно включает антонимическую связь, несовместимость и противодействие [Залевская 1989: 4].

Семантическое поле представляет собой сложную структуру с характерными для него специфическими свойствами. Выделяются следующие перманентные признаки поля:

- облигатным свойством поля является наличие ядра (центра) и периферии. «Поле имеет особую структуру – ядро – периферия – для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» [Залевская 1989: 4];

- одним из релевантных признаков СП является неоднородность структуры, проявляющаяся в неравнозначности семантических отношений, в которых находятся его члены [Босова 1997: 32];

- СП характеризуется относительной автономностью [Кобозева 2004: 99];

- для СП характерно явление аттракции – элементы СП с общим лингвистическим и интегральным признаком способны притягивать к себе новые элементы с таким же признаком [Щур 1974: 101–102];

- СП имеет определенную конфигурацию: внутри существуют микросистемы, обладающие относительной самостоятельностью, которая проявляется в наличии связей между микросистемами внутри поля и вне его [Босова 1997: 32];

- СП обладает неоднородной и сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений. По горизонтали располагаются семантические участки – микрополя, по вертикали располагаются конститuentы этих микрополей, которые в то же самое время являются конститuentами макрополя. Вертикальное строение поля зависит от характера и числа конститuentов и их расположения по отношению друг к другу [Гулыга, Шендельс 1969: 9–10]. Иными словами, конститuentы поля одновременно могут входить в несколько микрополей, в качестве доминанты одного микрополя и периферийного средства другого.

О внутреннем строении поля можно судить по соотношению частотности его элементов: СП цветообозначений может состоять из наиболее частотных слов, слов средней частоты и редких слов. Наиболее частотные слова СП являются и наиболее активными. Они составляют ядро (доминанту) СП, а менее частотные и редкие относятся к периферии. Ядро СП цветообозначений алтайского

языка составляют наиболее частотные и активные наименования – *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *кёк* ‘синий’, *сары* ‘желтый’, *күрен* ‘коричневый’, *жжыл* ‘зеленый’, *боро* ‘серый’. Они удовлетворяют всему комплексу характеристик, существенных для доминанты СП цвета: высокая частотность, свободная сочетаемость, словообразовательная и фразеологическая активность и др., остальные термины группируются вокруг них.

СП цвета алтайского языка структурируется по принципу противопоставления «ядро – периферия», т.е. наименования цвета распределены по принципу интенсивности цветового признака в зоне ядра (центра, доминанты) и убывания – в зоне периферии. Между этими зонами находятся околядерная зона и средняя зона. В околядерную зону входят наименования цвета, тяготеющие к зоне ядра. Сюда обычно относятся термины, характеризующие интенсивность цвета. В среднюю зону входят наиболее частотные имена цвета.

Единство и системность СП основывается на специфических корреляциях, связывающих семантические единицы. К таковым относятся: синонимические корреляции, гипонимические корреляции (например, багровый – красный), корреляции несовместимости (красный – зеленый), антонимические корреляции (черный – белый) [Городецкий 1969: 202]. Эти корреляции составляют суть *парадигматических отношений* в общей системе цветообозначений алтайского языка.

Гипонимическая (гиперо-гипонимическая, родо-видовая) связь предполагает, что все лексические единицы имеют одинаковые семы, а родовая единица включает несколько видовых единиц. Родовую единицу, содержащую архисему цветового признака, обозначают термином *гипероним*, а видовую – термином *гипоним*. Видовые единицы по отношению друг к другу являются *со-гипонимами* или *ко-гипонимами*. Наиболее ярко гипонимические корреляции на примере английских цветообозначений показал Дж. Лайонз. Слова *scarlet* ‘алый’, *crimson* ‘малиновый’, *vermilion* ‘ярко-красный’ и т.д. являются со-гипонимами, а слово *red* по отношению к ним является *подчиняющим* (superordinate) [Лайонз 1978: 478].

На примере СП цветообозначений алтайского языка можно сказать, что гиперониму *кёк* ‘синий’ подчиняются со-гипонимы *чанкыр* ‘голубой’, *соознак* ‘сиреневый’ и т.д.

Благодаря гипонимическим отношениям внутри СП цвета выделяются отдельные микрополя (субполя, микрогруппы, микро-системы) отдельных цветообозначений. Как правило, основное цветообозначение (гипероним) является доминантой или ядром микрополя, а остальные конститuentы микрополя (гипонимы) группируются вокруг него.

В алтайском языке на примере цветообозначений в составе топонимов Горного Алтая О. Т. Молчанова [1989: 29; 2003: 24] выделила 8 микрополей:

- 1) микрополе черного цвета: *кара*, *бараан*, *карануй*;
- 2) микрополе белого цвета: *ак*;
- 3) микрополе серого цвета: *боро*, *буурыл*, *чал*, *кер*, *кула*, *сур*;
- 4) микрополе красного цвета: *кызыл*, *күрен*;
- 5) микрополе желтого цвета: *алтын*, *булан*, *чибит*, *куба*, *куу*, *сары*;
- 6) микрополе синего цвета: *чанкыр*, *кёк*;
- 7) микрополе промежуточных цветов: *конгыр*, *јеерен*;
- 8) микрополе смешанных цветов: *ала*, *чоокыр*, *ёлё*.

Как видно из списка, базовыми терминами в выделенных микрополях являются наименования *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *боро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, *кёк* ‘синий’, *јеерен* ‘рыжий’, *ала* ‘пестрый’. Перечень цветовых терминов в микрополях представлен не только названиями конкретных цветообозначений, но и названиями мастей лошадей.

В данной работе в микрополя отдельных цветообозначений мы относим наименования, содержащие сему базового термина – гиперонима, модификации имен цвета, представляющих собой оттенки, а также синонимы базовых терминов. В СП цветообозначений алтайского языка мы выделяем 8 микрополей.

1. Микрополе белого цвета: *ак* ‘белый’ – базовый термин; *ап-ак* ‘белый-белый’, *апагаиш* ‘беленький’, *кажагай* ‘белый’, *аксымак* ‘беловатый’, *агалтырым* ‘беловатый’.

2. Микрополе черного цвета: *кара* ‘черный’ – базовый термин; *кап-кара* ‘черный-черный’, *кара-кара* ‘черный-черный’;

көд-кара ‘черный-черный’ (букв.: сажа-черный), *ай-кара* ‘черный-черный’ (букв.: месяц-черный), *јес-кара* ‘черный-черный’ (букв.: медь-черный), *јынтыс-кара* ‘блестяще-черный, черный-черный’ (букв.: звезда-черный), *кан-кара* ‘черный-черный, густой черный’ (букв.: кровь-черный), *килин-кара* ‘блестяще-черный’ (букв.: бархат-черный), *кусқун-кара* ‘черный-черный’ (букв.: ворон-черный), *тас-кара* ‘черный-черный’ (букв.: гриф-черный), *бараан* ‘темный’, *каразымак* ‘черноватый’, *каралтым* ‘черноватый’, *карамтык* ‘черноватый, темноватый’.

3. Микрополе красного цвета: *кызыл* ‘красный’ – базовый термин; *кып-кызыл* ‘красный-красный’, *кызыл-кызыл* ‘красный-красный’, *алтын-кызыл* ‘золотисто-красный’, *јес-кызыл* ‘медно-красный’ (букв.: медь-красный), *кан-кызыл* ‘кроваво-красный’ (букв.: кровь-красный), *кызыл-марал* ‘алый, румяный (о цвете лица); цвета красного багульника’, *от-кызыл* ‘огненно-красный’ (букв.: огонь-красный), *кызыл-јалбыш* ‘огненно-красный’ (букв.: огонь-красный), *кызыл-јеерен* ‘огненно-рыжий’ (букв.: красно-рыжий), *кызыл-эт* ‘цвета красного мяса’ (букв.: красный-мясо), *чий-не-кызыл* ‘румяный (о цвете лица); цвета красного пиона’ (букв.: пион-красный), *јишлек-кызыл* ‘румяный (о цвете лица); цвета красной ягоды’, *оошкы* ‘розовый’, *кызылzymaк* ‘красноватый’, *кысқылтым* ‘красноватый’, *кысқылтырым* ‘красноватый’ *кубакай-кызыл* ‘бледно-красный’.

4. Микрополе синего цвета: *көк* ‘синий’ – базовый термин; *көп-көк* ‘синий-синий’, *килин-көк* ‘блестяще-синий’ (букв.: бархат-синий), *көпдөш* ‘синенький’, *көксимек* ‘синеватый’, *көдөлтirim* ‘синеватый’, *чанкыр* ‘голубой’, *чанкырzymaк* ‘голубоватый’, *кысқылтым-көк* ‘сиреневый’ (букв.: красновато-синий), *соознак* ‘сиреневый’, *көк-чанкыр* ‘сине-голубой’.

5. Микрополе серого цвета: *боро* ‘серый’ – базовый термин; *боп-боро* ‘серый-пресерый’, *боро-боро* ‘серый-серый’, *борозымак* ‘сероватый’, *борортым* ‘сероватый’, *буурыл* ‘седой; чалый (о масти)’, *боромтык* ‘сероватый; темноватый’, *сур* ‘серый; светло-серый’, *борортым-сур* ‘светло-серый’.

6. Микрополе коричневого цвета: *күрен* ‘коричневый’ – базовый термин; *күп-күрен* ‘коричневый-прекоричневый’, *күрен-*

күрен ‘коричневый-коричневый’, *күрензимек* ‘коричневатый’, *күрертим* ‘коричневатый’, *күремтик* ‘коричневатый’, *күргүл* ‘карий (о цвете глаз); каштановый (о цвете волос)’, *конгыр* ‘каурий (о масти); каштановый (о цвете волос); коричневый’.

7. Микрополе зеленого цвета: *јажыл* ‘зеленый’ – базовый термин; *јап-јажыл* ‘зеленый-презеленый’, *јажыл-јажыл* ‘зеленый-зеленый’, *јажылzymaк* ‘зеленоватый’, *ногоон* ‘зеленый’.

8. Микрополе желтого цвета: *сары* ‘желтый’ – базовый термин; *сап-сары* ‘желтый-желтый’, *сары-сары* ‘желтый-желтый’, *алтын-сары* ‘золотисто-желтый’ (букв.: золото-желтый), *корон-сары* ‘ядовито-желтый’ (букв.: яд-желтый), *куулы-сары* ‘медно-желтый’ (букв.: медь-желтый) ~ *сары-куулы* ‘медно-желтый’ (букв.: желтый-медь), *чычкак-сары* ‘цвета поноса’ (букв.: понос-желтый), *салаа* ‘светло-желтый’, *сарыzymaк* ‘желтоватый’, *саргылтым* ~ *саргылтырым* ‘желтоватый’, *кубакай-сары* ‘бледно-желтый’, *куба* ‘бледный; бледно-желтый’, *кубакай* ‘бледноватый; бледно-желтый’, *куу* ‘бледный, блеклый, бледно-желтый, белый, серый, седой’, *куумай* ‘бледноватый; бледно-желтый’.

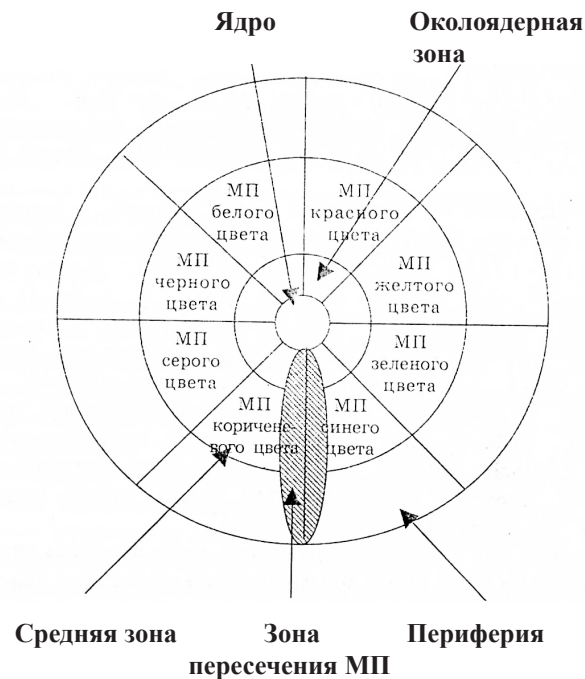
Лексема *куу* в микрополе желтого цвета отнесена условно, поскольку из-за своей неоднозначной семантики она может входить как в микрополе желтого цвета, так и в микрополя белого и серого цветов.

Что касается смешанных цветообозначений, то их место внутри СП цвета отразить довольно сложно, поскольку они находятся на периферии разных микрополей. Они могут плавно переходить из одного микрополя цвета в другое. Например, наименование *кызыл-сары* ‘оранжевый’ (букв.: красно-желтый) может входить как в микрополе красного цвета, так и в микрополе желтого цвета. Поскольку границы этих микрополей весьма размыты и подвижны, невозможно точно определить, к какому именно микрополю в большей степени относится данный цветотермин. Несмотря на это, смешанные цвета являются важным связующим звеном между отдельными микрополями внутри СП цвета алтайского языка.

Структуру семантического поля цветообозначений в алтайском языке можно представить следующим образом.

Схема 1

Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке

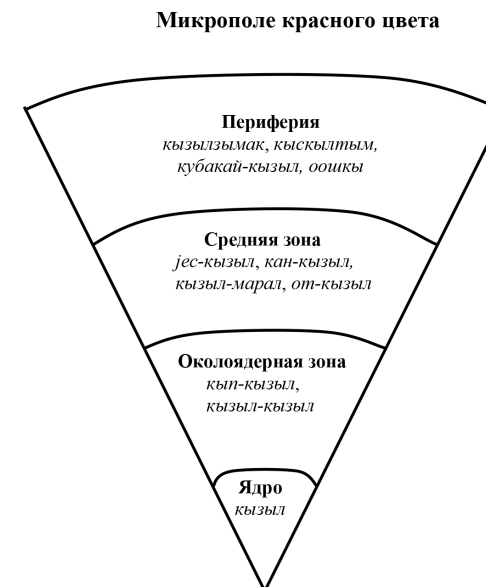
Условные обозначения: МП – микрополе

Согласно схеме 1, СП цветообозначений алтайского языка является четырехмерным. Наименования цвета здесь распределены по принципу противопоставления *центр – периферия*, т.е. они распределены от центра к зоне периферии по убыванию цветового признака. В околоядерную зону входят наименования цвета, тяготеющие к зоне ядра и выражающие его интенсивность. В *среднюю зону* включены наиболее частотные конститuentы микрополя красного цвета. В *зоне периферии* находятся наименования, характеризующие слабые оттенки красного цвета.

Структуру отдельного микрополя на примере красного цвета можно представить в следующей схеме:

Схема 2

Микрополе красного цвета

В схеме 2 ядром микрополя является гипероним *кызыл* ‘красный’. В *околоядерной зоне* помещены наименования, подчеркивающие самую сильную степень цветового качества, его интенсивность. В *среднюю зону* включены наименования, идентифицирующие красный цвет, а на *периферии* находятся наименования, характеризующие слабые оттенки красного цвета.

Несовместимость. В научной литературе бытует устоявшееся мнение, что цвета в оптическом спектре между собой несовместимы. Дж. Лайонз отмечает, что обозначения цвета образуют множество несовместимых лексических единиц. Например, слова *crimson* ‘малиновый’ и *scarlet* ‘алый’ являются со-гипонимами и сходны по смыслу, но между собой они несовместимы [1978: 483–484].

Синонимическая связь. Синонимические корреляции включают в себя отношения слов, близких по значению, но различающихся по форме. В научной литературе принято считать, что

в естественном языке *полных* (точных) синонимов не существует или их очень мало. Гораздо чаще встречаются слова с близкими, очень похожими, но не полностью совпадающими значениями. Синонимы могут заменять друг друга без изменений содержания передаваемой информации, однако «для любой пары синонимов существуют контексты и употребления, в которых они не могут быть заменены друг на друга» [Кронгауз 2005: 141].

Слова достаточно близкие по значению, но имеющие различия, затрагивающие денотативный и сигнификативный слои значения, принято называть *неточными* синонимами или *квазисинонимами* [Кобозева 2004: 100; Кронгауз 2005: 142].

Синонимическая связь предполагает пересечение и гипонимическую связь между единицами, принадлежащими к одному или соседним уровням иерархии. Следует отметить, что именно метод экспликации цветообозначений по сходству значений (испытываемым предлагается классифицировать цветообозначения, объединив их в микрополя по принципу сходства значений) стал одним из самых эффективных методов выделения микрополей. Метод был предложен Р. М. Фрумкиной и впоследствии активно применялся в работах А. В. Михеева [1983], А. П. Василевича [1987; 2003] и др.

В СП цвета алтайского языка синонимами могут быть такие цветовые наименования, как *јажыл* и *ногоон* ‘зеленый’, *ак* и *кажагай* ‘белый’, *сары* и *салаа* ‘желтый’. Более подробно цветовые синонимы в алтайском языке рассмотрены в Главе II, § 3.

Антонимическая связь. Этот вид связи предполагает полярность обозначаемых понятий. Абсолютных антонимов в цветовой терминологии нет, за исключением слов, обозначающих черный и белый цвета. Обычно выделяют еще антонимы второй степени, образованные с помощью различных формантов типа *ясно-*, *ярко-*, *темно-* и т.д.

В алтайском языке антонимические цветовые термины образуются преимущественно при помощи *квалификаторов* (определителей качества цветового тона) *јарык* ‘светлый’ и *карангуй* ‘темный’: *јарык кызыл* ‘светло-красный’ – *карангуй кызыл* ‘темно-красный’ и др. Кроме этого, традиционными антонимическими парами в системе цветообозначений алтайского языка являются термины *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’.

Синтагматические отношения в СП цветообозначений алтайского языка проявляются на основе их широкой сочетаемости. В числе *свободных сочетаний* цветообозначения в алтайском языке употребляются по отношению к человеку: *кара чачту* ‘черно-волосый’, *көк көстү* ‘синеглазый’, *ак чырайлу* ‘белолицый’ и др.; артефактам: *кызыл килин* ‘красный бархат’, *күрен отургыш* ‘коричневый стул’, *јажыл ойынчык* ‘зеленая игрушка’ и др.; натурфактам: *күрен јер* ‘бурая (коричневая) земля’, *чанкыр тенгери* ‘голубое небо’, *јажыл јай* ‘зеленое лето’ и др.

В *синтаксически обусловленных сочетаниях* в алтайском языке употребляются цветовые наименования *кызыл-марал* ‘алый, румяный (о цвете лица)’ – *кызыл-марал качарлу* ‘розовощекий, с румяными щеками’ и *күргүл* ‘карий (о цвете глаз); каштановый (о цвете волос)’ – *күргүл көс* ‘карие глаза’, *күргүл чач* ‘каштановые волосы’.

Во *фразеологически связанных сочетаниях* среди цветовых наименований чаще всего выступают наименования *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *боро* ‘серый’ и реже – *ала* ‘пестрый, пегий’. Например: *кара сөөк* ‘очень худой’ (букв.: черная кость), *көк тарыска* ‘очень худой’ (букв.: синяя тростинка), *кызыл тын* ‘жизнь’ (букв.: красная душа / красное дыхание) и др.

Таким образом, перечисленные выше свойства поля, как ядро и периферия, различные корреляции между его элементами облигатны для любой полевой модели. Они обеспечивают его целостность и системность, что характерно и для СП цвета алтайского языка.

§ 4. Семантическая структура слова

Поскольку одной из задач данного исследования является описание семантической структуры слов-цветообозначений, необходимо определить объем понятий *семантическая структура слова*, *семная структура слова*, *лексическое значение слова* и т.д.

Лексема – основная функциональная единица лексико-семантического уровня языка. Термин *лексема* в настоящей работе ос-

мысливается как «двусторонняя грамматически цельнооформленная лексическая единица, которая может иметь одно или объединять несколько синхронно связанных друг с другом лексических значений, выраженных одной и той же фонографической оболочкой» [Лукьянова 1993: 15]. В работах по лингвистике цвета вместо термина *лексема* широко используется термин *цветолексема*.

В зависимости от количества значений лексемы делятся на однозначные и многозначные (моносеманты и полисеманты).

Полисемия или многозначность как лексическая категория – это «семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям слова» [Новиков 1982: 189]. Такие позиции многозначного слова принято называть лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ).

Термин ЛСВ в научный обиход впервые был введен А. И. Смирницким [1954: 34–36]. Позднее объем понятия ЛСВ уточнялся в трудах И. В. Арнольд [1966], А. А. Уфимцевой [1968], О. Н. Селиверстовой [1975], И. А. Стернина [1979], Ф. А. Литвина [1984] и др.

Полисемия тесно связана с явлением омонимии. Под *омонимией* понимается звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом [БЭС: 344]. Нередко омонимия трактуется как результат распада полисемии. Но с точки зрения синхронии утверждается, что «в случае с омонимией мы имеем дело с разными словами, объединяемыми только общностью звукового комплекса (одинаковым звучанием), а в случае многозначности – с разными значениями (ЛСВ) одного и того же слова» [Татаринцев 1987: 72]. Омонимия связана с полисемией в том случае, когда речь идет об омонимах, которые принимаются за разные слова, развившиеся из полисемантического слова, т.е. когда между двумя или несколькими значениями одного и того же слова утрачена всякая связь [Кокошникова 2004: 16].

Семантическая структура многозначного слова – это множество ЛСВ, которые находятся друг с другом в достаточно сложных иерархических отношениях. Главенствующая роль в структуре

многозначного слова отводится основному (исходному, первичному) значению. Основное значение слова является семантическим центром производных значений, т.е. остальные значения развиваются от основного значения и называются производными.

Под *семной структурой слова* или семантической структурой отдельного значения многозначного слова (ЛСВ) подразумевается единство семантических компонентов или сем.

Лексическое значение слова (далее ЛЗ) – это содержание слова, отображающее в сознании людей и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова представляет собой сложную многокомпонентную структуру, состоящую из элементов двух уровней: микрокомпонентов (сем, семантических признаков) и макрокомпонентов. Макрокомпоненты по соотносительности с референцией ЛСВ как номинативного знака делятся на обязательные и факультативные. К обязательным компонентам относятся: денотативно-сигнификативный, который объединяет соответственно денотативные (предметные, вещественные) и сигнификативные (понятийные, признаковые) семы. Соотнесением этих двух компонентов определяется степень конкретности и абстрактности лексического значения слова.

Факультативные макрокомпоненты ЛЗ представлены:

- 1) коннотативным компонентом, выражающим и закрепляющим в языковых знаках коллективные оценки (положительные или негативные: семы «эмотивность» и «эмотивная оценка»);
- 2) компонентом «образность», связанным с представлениями (образными ассоциациями) говорящих о предметах реальной действительности;
- 3) прагматическим компонентом, соотносительным с человеком как с субъектом речи и социально-коммуникативной (речевой сферой общения); функционально-стилевым компонентом, который предполагает отнесенность слова к определенному стилю [Лукьянова 1996: 28].

Семема – элементарное значение отдельного ЛСВ. Совокупность семем одной многозначной лексемы называют *се-*

мантемой. Количество семем в составе полисемантемы определяется семантический объем слова.

Сема выступает как минимальная, предельная (далее неделимая) единица плана содержания. Она является компонентом семемы. Структура семемы обнаруживается благодаря сведению содержания значения к его простейшим составляющим – семам. Семема выступает как иерархически организованная структура, в которой выделяется интегрирующее родовое значение (архисема, сверхсема), которая отражает признаки, свойственные целым классам объектов [Алефиренко 1999: 143].

В составе семемы выделяют следующие виды сем:

- основные (ядерные) семы, которые определяют данное значение слова;
- неосновные (периферийные, импликационные) семы, которые несут второстепенные признаки денотата;
- описательные семы – семы, отражающие собственные свойства предмета (размеры, устройство, форму, внешний вид и т.п.);
- относительные семы – это семы, отражающие связи объекта с другими в различных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.);
- дифференцирующая (дифференциальная) сема – это сема, которая в своей совокупности составляет ядро значения слова, определяя его как индивидуальную сущность, и отличает его от других, противопоставленных ему значений;
- потенциальные семы отражают побочные свойства предмета, реально существующие или приписываемые ему коллективом;
- коннотативные семы – оценочные, эмотивные, стилистические семы [Гак 1977: 14; Алефиренко 1999: 141–146];
- ассертивные семы, отражающие объективные признаки денотата, и диспозициональные семы, отражающие такие признаки денотата, какими он должен обладать в идеале [Попова, Стернин 1984: 42].

§ 5. Типы лексических значений слова

Типология ЛЗ слова в истории отечественного языкознания впервые была разработана академиком В. В. Виноградовым. Он выделил следующие типы лексических значений: 1) прямые и переносные; 2) основные (или первичные) и производные (или вторичные); 3) прямые номинативные и экспрессивно-синонимические; 4) синтаксически свободные и несвободные: фразеологически связанные и конструктивно-обусловленные значения [Виноградов 1953: 3–29].

Основным значением слова традиционно принято считать то значение, которое первым приходит на ум, когда возникает вопрос о данном слове. Как правило, прямое значение характеризуется своей стилистической нейтральностью, свободной сочетаемостью со словами, а производные значения чаще всего являются переносными, стилистически окрашенными и синтаксически обусловленными (несвободными). Обусловленное значение всегда выступает в определенном контексте и в определенной синтаксической позиции, а фразеологически связанное значение может проявляться только в составе устойчивых сочетаний.

С течением времени классификация лексических значений слова, предложенная В. В. Виноградовым, совершенствовалась многими отечественными теоретиками: Б. Н. Головиным, Н. М. Шанским, Д. Н. Шмелевым, М. И. Фоминой и др.

В тюркских языках Ж. М. Гузеев [1984: 188] и Н. Ф. Суфьянова [1989: 32–33] выделяют следующие типы ЛЗ:

1. По характеру связи значения слова с предметом объективной действительности – прямые (или основные) и непрямые (или переносные). Прямые значения отражают предмет прямо, непосредственно. Непрямые или переносные – отражают предмет не прямо, а косвенно, то есть при участии других значений того же слова. Они возникают в результате переноса названий с одного предмета на другой.
2. По степени семантической мотивированности – непроизводные (немотивированные, первичные) и производные (мотивированные, вторичные).
3. По степени лексической сочетаемости – свободные и несвободные. Свободные значения характеризуются относительно

широкой и независимой сочетаемостью. Несвободные значения реализуются только в определенных контекстах. Они подразделяются на фразеологически связанные, синтаксически обусловленные и конструктивно ограниченные.

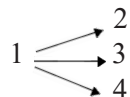
4. По характеру выполняемых назывных функций – номинативные и экспрессивно-синонимические (экспрессивно-эмоциональные). Номинативные лексические значения – это значения, которые называют предметы, явления, действия, они непосредственно связаны с отражением явлений объективной действительности. Экспрессивно-синонимические (экспрессивно-эмоциональные) значения возникают как экспрессивные синонимы имеющих в языке слов с номинативным значением.

В зависимости от принципов сцепления значений (ЛСВ) друг с другом С. Д. Кацнельсон [1965: 58–59] предложил следующие виды схем смысловой структуры многозначных слов:

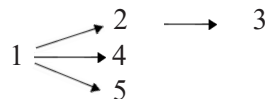
1) последовательное включение, где при наличии одного основного значения каждое из входящих в цепь значений является производным по отношению к последующему:

1 → 2 → 3 → 4 и т.д.

2) параллельное включение, когда все производные значения восходят к одному – основному значению:

3) соединение элементов параллельного и последовательного включения:

Ю. Д. Апресян [1974: 182] и Л. А. Новиков [1982: 206] различный характер соединения частных значений многозначного слова называют по-другому:

а) радиальная полисемия, в которой все частные значения непосредственно связаны с главным и мотивируются им;

б) цепочечная полисемия, при которой каждое значение непосредственно связано только с ближайшими значениями, т.е. вытекает из предшествующего и мотивирует последующее;

в) радиально-цепочечная, смешанная.

В рамках данного исследования мы придерживаемся последней классификации смысловой структуры слов.

Полисемия в области цветообозначающей лексики – явление частое. В разряд многозначных слов обычно переходят самые употребительные цветовые наименования, отличающиеся широкой сочетаемостью, словообразовательной и фразеологической активностью. Как отмечает А.А. Брагина, формирование новых значений у прилагательных цвета осуществляется в результате некоторого «семантического сдвига, скачка», т.е. первоначальное цветовое значение слова переосмысливается и «модифицируется» [1972: 74].

Расширению семантики слов-цветообозначений способствуют прежде всего различные ассоциативные и ситуативные связи. Так, на основе сравнения, метафоризации и т.д. слова с первичным значением цвета приобретают большое количество производных значений. Как правило, основное цветовое значение в этих словах доминирует над остальными, что и позволяет им оставаться в рамках полисемии.

Каждое отдельное значение многозначной цветолексемы, актуализируется в контексте. Именно в контексте раскрываются значения полисеманта и обнаруживаются их различия, а также определяется его семантическая структура. Согласно А. А. Уфимцевой, под определением семантической структуры слова подразумевается выявление порядка внутреннего сцепления и соподчинения неоднородных смысловых элементов в слове, установление языковых средств, с помощью которых осуществляется внутрисловное смысловое разграничение ЛСВ [1968: 91].

В семантической структуре алтайских слов-цветообозначений согласно общепринятой в лингвистике типологии лексических значений слова мы выделяем следующие типы ЛЗ: 1) основное (первичное) номинативное значение; 2) производно-номинативное; 3) переносное; 4) фразеологически связанное значение.

Реализацию этих значений наглядно можно проиллюстрировать на примере многозначной лексемы *күрен*, имеющей следующие значения:

1) коричневый; карий (о цвете глаз); темно-каштановый (о цвете волос); темно-рыжий, бурый (о масти лошади); 2) смуглый; 3) спелый (о цвете травы, злаков); 4) *перен.* молодой; здоровый, крепкий; 5) *перен.* красивый, пригожий.

Основное (первичное) номинативное значение слов-цветообозначений прежде всего связано с обозначением цвета конкретных реалий. В ряду других оно характеризуется как главное. Так, например, в своем основном номинативном значении (*ЛСВ*₁) слово *күрен* в алтайском языке обозначает: а) коричневый, бурый цвет реалий и предметов окружающей действительности: *Јааназы Јантык-Куртты сакып-сакып чөкөйлө, тышкары чыкса, күрен чөйгөн эжиктин јанында турды* (КТ, ТДК, 6) – Бабушка, не дождавшись Дъантык-Курта, вышла на улицу, коричневый чайник стоял возле двери; б) темно-рыжую, бурую масть животных: *Астапей тонкыр кулакту јоон күрен адын ээртеген* (АА, ÖЧК, 287) – Астапей оседлал крупного темно-рыжего коня=своего с обрезанными ушами; в) цвет карих глаз и каштановых волос человека. Примеры: *Чергий кату эрмектенип, баштапкы ла катап мен јаар чике көрди. Көстөри кандый да күрен ле јаан* (БУ, СÖ, 153) – Чергий, строго выговаривая слова, впервые посмотрел на меня прямо. Глаза=его какие-то карие и большие; *Камилла јакшы ла болгон күрен чачын будып, үреп алды* (Самаева) – Камилла, перекрашивая и без того хорошие каштановые волосы=свои, испортила [их].

Производно-номинативное значение слов-цветообозначений образуется от основного по принципу расширения семантики. Данное значение характеризуется тем, что в его структуре присутствует сема «признак цвета / света». Поэтому по способу номинации это значение стоит ближе всех к основному. В алтайском языке производно-номинативными значениями слова *күрен* являются следующие значения:

*ЛСВ*₂ ‘смуглый’. Это значение реализуется при описании цвета загорелой, смуглой кожи человека. Например: *Күлер кырларда*

күндүчи ле күүнзек, күрен чырайлу јоныма туштаарар (СС, Э, 69) – В отливающих бронзой горах встретитесь с гостеприимным и добродушным, смуглолицым (букв.: с коричневым лицом) народом=моим.

*ЛСВ*₃ ‘спелый, созревший’. Данное значение актуализируется при описании цвета спелой травы, злаков (красно-коричневый цвет травы, желто-коричневый цвет злаков). Например: *Күрен буудайдын өңи ошкош јаактар, јаантайын кара чедирген оттор күй-үн јүрер көстөр кайда?* (ЧА, ЧУТ, 7) – Где щеки цвета спелой пшеницы (букв.: цвета коричневой пшеницы) и глаза, в которых всегда сверкают черные искры?; *Өлөң күрен баш једе берген – чапкан бойынча, оболоозо до кемјок* (ЖК, ОЈ, 216) – Трава поспела (букв.: коричневой головы достигла) – [теперь] можно косить и сразу метать стога.

Переносное значение слов-цветообозначений развивается на базе основного или производно-номинативного благодаря различным ассоциативным связям. Как правило, формирование переносных значений слова происходит на основании переноса по сходству предметов и их признаков. Самым распространенным способом является метафорический перенос. Переносными значениями слова *күрен* в алтайском языке являются следующие значения:

*ЛСВ*₄ ‘молодой; здоровый, крепкий’. Данное переносное значение образовано на базе основного путем метафоризации и реализуется при описании молодого возраста человека, крепкого здоровья. Например: *Кайран јаш тужым, качан да, качан да ойто бурылбас, казылгандый кара-күрен тужым кара јерге барды, јодрадый кап-кара көзим соолды* (ЖК, КЈ, 135) – Драгоценное детство=мое, никогда, никогда уже не вернется, цветущая молодость=моя (букв.: как смородина темно-коричневая пора) канула в небытие, как черемуха черные-пречерные глаза=мои иссохли; *Јакшы јүрүм. Озогы ла кара-күрен бойым* (АА, УБТ, 399) – Хорошо живу. По-прежнему такой же крепкий (букв.: такой же темно-коричневый).

*ЛСВ*₅ ‘красивый, пригожий’. Рассматриваемое значение образовано аналогичным образом, на основе метафоризации и актуа-

лизируется при описании внешности человека. Например: *Кара-күрен сен, көөркий, мен келерим, сакып жүр* (песня) – Пригожая (букв.: темно-коричневая) ты [моя], милая, я вернусь, жди.

Фразеологически связанное значение реализуется только в составе неразложимых сочетаний. При разложении фразеологизма на части смысл всего сочетания теряется. Но не все цветообозначения развивают фразеологически связанные значения. Так, например, в семантической структуре слова *күрен* фразеологически связанного значения мы не обнаружили.

В алтайском языке такие цветовые наименования, как *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’ актуализируются в значении ‘очень, совсем, совершенно, абсолютно’, выполняя в тексте функцию усилительных частиц: *куба жыланаш* ‘абсолютно голый’ (букв.: бледный голый), *куу жыланаш* ‘абсолютно голый’ (букв.: бледный голый), *куба шалдан* ‘абсолютно голый’ (букв.: бледный голый), *көк шалдан* ‘абсолютно голый’ (букв.: синий голый), *кызыл тас* ‘абсолютно голый’ (букв.: красный голый). Примеры:

Акпас тенгистин түбинен куба жыланаш бала чыкты (АБ, 9, 78) – Из глубины не вытекающего океана вышел абсолютно голый ребенок; *Тышкары куу жыланаш оок балдар жүгүргилеп ойнойт* (СС, АКС, 130) – На улице бегают, играют абсолютно голые маленькие дети; *Тит, куба шалдан балачак, көөрөп-көкп, сыр каткыда жүгүрүп барала, жымжак ла жылу жерге жыгылып калган* (ЖК, КТ, 199) – Тит, абсолютно голый ребенок, резвясь, подбежав со смехом, упал на мягкое и теплое место; *Агаштын жанында көк шалдан неме турды* (Темденова) – Возле дерева стоял кто-то абсолютно голый.

На наш взгляд, это явление связано прежде всего с таким перманентным свойством цветовых категорий, как проявление интенсивности. По-всей видимости, перечисленные выше цветообозначения, изначально подчеркивали насыщенность цветового признака, а затем стали приобретать нецветовое значение ‘очень, совсем, совершенно, абсолютно’. Довольно прозрачно это видно

по развитию семантики лексемы *куба*. Очевидно, в самом начале данная лексема по отношению к человеку подчеркивала бледный цвет обнаженной человеческой кожи, приобретая новое переносное значение ‘голый, абсолютно голый’ – *куба жыланаш* ‘абсолютно голый’. Затем это значение слова *куба* прочно закрепилось за некоторыми другими денотатами – *куба чөл* ‘абсолютно пустая, голая степь’ (букв.: бледная степь). А в составе сочетания *куба жалтан* ‘очень трусливый’ цветовое значение рассматриваемой лексемы оказалось полностью утраченным.

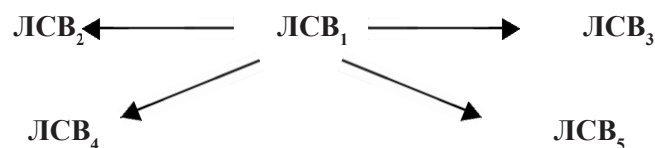
Рассматриваемое явление широко распространено и в других тюркских языках, т.е. цветообозначения здесь также могут функционировать в нецветовом значении ‘очень, совсем, совершенно, абсолютно’. А. Гурдов указанное значение, присущее туркменскому слову *гара*, называет усилительным значением. По мнению ученого, *гара* в подобных случаях обозначает не только признак цвета (черноты), но и количественный признак обильности, густоты. В данной позиции *гара* «семантически и функционально приближается к наречиям степени, к классу так называемых интенсификаторов (усилителей)» [1972: 21].

Б. И. Татаринцев производное значение ‘очень, совершенно; сплошной, один лишь’ тувинских слов *көк*, *кара*, *кызыл*, выражающее сильную степень качества в составе устойчивых сочетаний (*көк дош* ‘очень холодный, замерший’, *кара хөктүг* ‘очень забавный’, *кызыл чанагаиш* ‘совсем раздетый’ и др.), называет «производным значением интенсивности» [1987: 63]. И. В. Кормушин в своем исследовании значение ‘очень, совершенно, совсем’ тюркского слова *кара* называет «абстрактно-наречным» или «обобщенно-адвербиальным» значением [2001: 594].

В рамках настоящего исследования значение ‘очень, совсем, совершенно, абсолютно’ слов *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’ мы называем усилительным значением. Слово *күрен*, как показывают материалы алтайского языка, усилительного значения не имеет.

Итак, семантическая структура слова *küren* в алтайском языке представляет собой иерархически организованную структуру, в которой главенствующая роль отводится основному значению. По способу связей отдельных значений (ЛСВ) друг с другом смысловую структуру данного слова мы относим к радиальному типу полисемии. Все производные значения мотивированы основным значением (см. Схему 3).

Схема 3

Таким образом, в данной главе был представлен краткий обзор работ по проблеме цвета в лингвистической науке, изложены основные теоретические положения исследования и определен понятийно-терминологический аппарат. Отдельные основополагающие понятия и термины по мере необходимости будут вводиться в последующих главах.

Глава II СИСТЕМА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ

Алтайский и монгольский языки относятся к алтайской семье языков. По классификации Н.А. Баскакова [1958: 34] алтайский язык относится к киргизско-кыпчакской группе восточной ветви тюркских языков. Монгольский язык относится к монгольской группе языков. Тесное и продолжительное контактирование этих языков, обусловленное близким соприкосновением алтайского и монгольского народов в прошлом, способствовало обогащению лексического фонда алтайского языка за счет монголизмов. Выявление общих лексических единиц в данных языках, в частности, в хроматической лексике, предполагает выявление как конвергентных, так и дивергентных черт, изучение которых представляет большой интерес при разработке проблемы языковых контактов, а также помогает лучше понять современное состояние алтайского языка. Необходимым условием для такого рода исследований является не только знание особенностей строя сопоставляемых языков, но и наличие глубоких фоновых знаний.

Под термином *языковой контакт* в работе понимается речевое общение между двумя и более языковыми коллективами, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий. Один из контактирующих языков оказывает влияние на структуру и словарь другого [Ахманова 1996: 353].

§ 1. Особенности цветовой номинации в алтайском и монгольском языках

В традиционной культуре алтайского народа с давних времен использовалась богатая цветовая гамма. Еще во второй половине прошлого столетия искусствовед Н. И. Каплан, путешествуя по Горному Алтаю, подчеркивала особую любовь алтайцев к «радужным тонам, к их переходам и переливам, к контрастным цветовым

сопоставлениям». Она отмечала, что в алтайской национальной одежде – в окантовке *чегедеков* (верхняя распахнутая одежда без рукавов замужней женщины), в оторочке рубах и шуб, в подборе бус, лент и тканей для отделки шапок и кисетов встречается сочетание синего, розового, сиреневого, золотисто-желтого, красного и белого тонов [1961: 83]. Такую яркую одежду алтайцы любили надевать по праздникам. Одежда из ткани пестрой расцветки, по словам С. П. Тюхтеновой, считалась некрасивой, безвкусицей [1994: 63].

Распределение цветов в одежде алтайцев имеет свои определенные особенности. В частности, в окантовке женских *чегедеков* и других видов одежды цвета по мере возможности чередуются согласно «радужному» спектру. При этом фиксируется плавный переход одного цвета в другой. Так, например, цветовые тона могут распределяться в следующей последовательности: *чанкыр* ‘голубой’, *көк* ‘синий’, *жарык жажыл* ‘светло-зеленый’, *жажыл* ‘зеленый’, *сары* ‘желтый’, *кызыл-сары* ‘оранжевый’, *оошкы* ‘розовый’ (либо *куушпак-кызыл* ‘бледно-красный’), *кызыл* ‘красный’, *өт-күн кызыл* ‘насыщенный красный’, *куушпак-күрен* ‘коричневый’, *күрен* ‘коричневый’**. По этой раскладке можно судить о том, что «радужный» спектр алтайцев представлен следующими цветами: *көк* ‘синий’, *чанкыр* ‘голубой’, *жажыл* ‘зеленый’, *сары* ‘желтый’, *кызыл-сары* ‘оранжевый’, *оошкы* ‘розовый’, *кызыл* ‘красный’, *күрен* ‘коричневый’. Таким образом, в «алтайском» цветовом спектре отсутствует фиолетовый цвет, вместо него сюда включен коричневый.

Наиболее предпочтительными и важными цветами в жизни алтайского народа являются белый, черный, красный, синий, зеленый, коричневый, желтый и серый цвета. Однако в этическом и эстетическом аспектах, как справедливо отмечают исследователи, данные цвета воспринимаются неоднозначно. Один и тот же цвет применительно к явлению и к ситуации может иметь как положительный, так и отрицательный смысл, отражая тем самым недуг

** Сведения получены от мастерицы по шитью алтайской национальной одежды Серебренниковой Марии Байбаевны, 1937 г.р., с. Онгудай.

альность мировоззрения алтайцев. Наглядно это демонстрируют устойчивые выражения, константно представленные в алтайских поговорках и обиходной речи. Например, относительно красного цвета в алтайском языке говорят – *кызыл-марал качарлу* (букв.: с щеками красный маральник), что соответствует русскому «кровь с молоком», а время после захода солнца называют *кызыл энир* (букв.: красный вечер). Это самое неблагоприятное время суток, так как с закатом солнца появляются обитатели подземного мира, несущие угрозу здоровью и жизни человека [Тюхтенева 1994: 60; Эдоков 2004: 77]. В связи с этим содержание алтайской поговорки *Кызыл энирде сыгырба – сүнөн айрылар* – ‘На закате не свисти – душа улетит’ носит назидательный характер, определяющий надлежащее поведение человека в период солнечного заката.

В настоящее время, благодаря достижениям современной науки и техники в области получения и применения цвета, в изобразительном и декоративном искусстве, а также в других отраслях человеческой деятельности алтайцы используют самую разнообразную цветовую палитру. Однако анализ хроматической лексики алтайского языка показывает, что цветовых терминов здесь не так много, как, например, в русском языке, где их насчитывается более 2-х тысяч [Василевич 2002]. Но, в отличие от русских наименований цвета, алтайские цветообозначения имеют более емкую смысловую нагрузку и характеризуются своей многозначностью.

Система цветообозначений алтайского языка представлена следующими лексическими единицами: *ак* ‘белый’, *бараан* ‘темный’, *боро* ‘серый’, *буурыл* ‘седой; чалый (о масти)’, *жажыл* ‘зеленый’, *кажагай* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’, *куу* ‘бледный, блеклый, белый, серый, седой, бледно-желтый’, *күргүл* ‘карий (о цвете глаз); каштановый (о цвете волос)’, *күрен* ‘коричневый’, *кызыл* ‘красный’, *ногоон* ‘зеленый’, *оошкы* ‘розовый’, *салаа* ‘светло-желтый’, *сары* ‘желтый’, *солоон* ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’, *соознак* ‘сиреневый’, *чанкыр* ‘голубой’, *чоокыр* ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’.

Данные основы служат лексической базой для образования многих двусоставных терминов: *кызыл-күрен* ‘красно-коричневый’, *ак-чоокыр* ‘бело-пестрый’, *жажыл-чанкыр* ‘зелено-голубой’, *көк-жажыл* ‘сине-зеленый’, *кара-көк* ‘темно-синий’, *куу-сары* ‘бледно-желтый’ и др.

Базовыми (ядерными) терминами семантического поля цветообозначений алтайского языка являются названия: *ак* ‘белый’, *боро* ‘серый’, *жажыл* ‘зеленый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’. Остальные термины группируются вокруг них. Так, вокруг ядерных наименований группируются термины, выражающие различные цветовые оттенки: *бараан* ‘темный’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’, *оошкы* ‘розовый’, *соознак* ‘сиреневый’, *чанкыр* ‘голубой’, *ак-сары* ‘светло-желтый’, *кубакай-кызыл* ‘бледно-красный’, *көк-боро* ‘темно-серый’, *солоон* ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’ и др.

Пласт хроматической лексики алтайского языка составляют исконно тюркские наименования: *ак* ‘белый’, *жажыл* ‘зеленый’, *көк* ‘синий’, *кара* ‘черный’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’. Эти названия имеют аналоги в древнетюркском языке: *aq* ‘белый’, *jašil* ‘зеленый’, *көк* ‘голубой, синий, сизый’, *qara* ‘черный’, *quba* ‘цвет между красным и желтым’, *qizil* ‘красный’, *sariγ* ‘желтый’.

Перечисленные наименования являются общими для всех тюркских языков. Лексемы *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’ и *сары* ‘желтый’ считаются общетюркско-монгольскими. Ср. монг. *хар(a)* ‘черный’, *хөх* ‘синий’, *шар* ‘желтый’. По мнению Г. Д. Санжеева, монг. *хар* < *кара* ‘черный’ // тюрк. *кара* ‘черный’; монг. *хөх* < *көке* ‘синий’ // тюрк. *көк* ‘синий’; монг. *шар* < *сіра* ‘желтый’ // тюрк. *сары* ‘желтый’, общие для тюркских и монгольских языков имелись еще в предполагаемом тюркско-монгольском или даже алтайском языке – основе, либо их тюркское или монгольское происхождение не может быть установлено при современном состоянии сравнительно-исторической алтаистики [Санжеев 1960: 33].

Одним из путей пополнения цветовой терминологии во многих языках мира является заимствование. Известно, что в русском языке значительное количество цветowych терминов привнесено из французского, а названия мастей лошадей заимствовались из тюркских языков. В алтайский язык многие цветообозначения перешли из монгольского языка. Основной пласт монгольской лексики в алтайском языке образовался во второй Монгольский период (XII–XIV вв.) [Баскаков 1958: 36].

В алтайском языке из монгольского заимствованы следующие цветотермины: *бараан* ‘темный’, *боро* ‘серый’, *буурыл* ‘седой; чалый (о масти)’, *ногоон* ‘зеленый’, *күрен* ‘коричневый’, *чанкыр* ‘голубой’, *чоокыр* ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’.

Алтайское слово *бараан* ‘темный’ восходит к монгольскому *бараан* ‘темного цвета, темный’. Тувинское слово *бараан* ‘очертания, контуры, силуэт; фигура (отдаленная)’ Б. И. Татаринцев признает монголизмом [2001: 194].

Алтайское *боро* ‘серый’, как и тув., тоф. *бора*, хак. *пора*, як. *борон*, восходит к монгольскому *бор* ‘серый; сивый (о масти)’. В остальных тюркских языках серый цвет обозначается словом *боз*. Предпочтительность монгольского варианта *боро* в тюркских языках Сибири обусловлено прежде всего тем, что в прошлом тюркские племена Алтая и Сибири длительное время находились под властью монголов. Существенную роль сыграло также близкое территориальное соседство с Монголией.

В тюркологии монгольское *боро* и тюркское *боз* традиционно признаются гомогенными. Однако долгое время исследователей волновал вопрос о первичности *r* и *z*. По этому вопросу в научной литературе известны три точки зрения: 1) *r* и *z* считаются гомогенными; 2) *r* признается первичным, а *z* – вторичным; 3) постулируется, что *z* первично, а *r* вторично. Об этом подробно освещено в работах Б. А. Серебренникова [1971: 13–19], А. З. Абдуллаева [1984: 36–42], А. М. Щербак [1997: 43–47] и др.

В пользу последней точки зрения тюркологи, в частности, А. М. Щербак, И. В. Кормушин, приводят мнение Дж. Клосона о том, что в древнетюркском языке не было монголизмов, так как

до XIII в. процесс заимствования был односторонним: из тюркских языков в монгольские [Щербак 1997: 30; Кормушин 2001: 605]. Из этого следует, что форма *boro* в монгольских языках – это раннее тюркское заимствование. Мы придерживаемся мнения о том, что монгольская форма *boro* является тюркизмом, восходящим к древнетюркскому *boz*, которая позднее (после XIII в.) вновь была заимствована тюркскими языками Сибири – тувинским, тофаларским, алтайским, хакасским и якутским.

Алтайское *буурыл* ‘седой; чалый’, как и общетюркское *бурлы* ‘чалый (о масти); рыжий; серый; белый с коричневыми пятнами’, восходит к письм.-монг. *biyuril* ~ *biyura* // *буурал* ‘седой, поседелый; чалый (о масти)’ [ЭСТЯ 1978: 228–229].

Алтайское слово *ногоон* ‘зеленый’ восходит к монгольскому *ногоон* ‘зеленый’ [Рассадин 1980: 11].

Общетюркское слово *күрен* ‘коричневый’ восходит к монгольскому *хүрэн* ‘коричневый, бурый (о масти)’ [ЭСТЯ 1997: 147].

Алтайское *чоокыр* ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’, восходит к древнетюркскому *сохир* ‘чубарый, пятнистый’, которое, в свою очередь, восходит к монгольскому *сõхир* [ДТС: 154].

Алтайское слово *чанкыр* ‘голубой’ мы считаем монголизмом, восходящим к монг. *цэнхэр* ‘светло-голубой, светло-синий, светло-лазурный’ [МРС: 621]. Ср. калм. *цеңкр* ‘голубой, светло-синий’ [КалмРС: 632], бур. *сэнхир* ‘светло-голубой, светло-синий (о море)’ [БМРС: 417]. О монгольском происхождении слова *чанкыр* в алтайском языке свидетельствует его отсутствие в других тюркских языках. Возможно, тувинское *шаңгыр* ‘неспелый, зеленый, светло-зеленый’ [ТувРС: 567] также восходит к монгольскому *цэнхэр* ‘светло-голубой, светло-синий, светло-лазурный’.

К монголизмам в алтайском языке относятся и такие наименования, как *чагаан* ‘белый’ и *улаан* ‘красный’: алт. *чагаан* < монг. *цагаан* ‘белый’, алт. *улаан* ‘красный’ < монг. *улаан* ‘красный, алый; румяный’ [МРС: 450, 601]. По всей видимости, речь идет монголизмах, привнесенных в алтайский язык, согласно В. И. Рассадина [1980: 32], в средневековый период развития монгольских языков

(XIII–XIX вв.), о чем свидетельствует, например, наличие щипящей аффрикаты «ч» в начале слова *чагаан*. Рассматриваемые термины сохранились в названиях оронимов Республики Алтай: *Чага*, *Чаган-Бургазы*, *Чаган-Узун*; *Улан-Даба*, *Улан-Жарык* и др. [Молчанова 1985: 30]. В словарях алтайского языка они не зафиксированы.

Лексема *чагаан* в алтайском языке встречается в названиях календарного месяца *чаган* ‘январь’ (букв.: белый месяц) и праздника Нового года по восточному календарю «*Чагаа-Байрам*» (букв.: Белый праздник). Ср. монг. *Цагаан сар* ‘Новый год’. Встречается она также в составе личных имен: *Чагандай*, *Чагаиш*, т.е. ‘Белый, Чистый’. В качестве цветового термина лексема знакома преимущественно жителям Кош-Агачского района Республики Алтай (сопредельная с Монголией территория).

Лексема *солоон* (< *солонгы* ‘радуга’) ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’ в алтайском языке также является монголизмом. Данное слово восходит к монгольскому *солонго* ‘радуга’ [ЭСТЯ 2003: 303]. Под влиянием сингармонизма, характерного для тюркских языков (особенно для киргизского и алтайского) выпадение интервокального «г» привело к образованию вторичной долготы во втором слоге слова. Таким образом, его фонетический облик в алтайском языке стал соответствовать внешнему облику терминов *улаан* ‘красный’ и *чагаан* ‘белый’.

К числу монголизмов в алтайском языке относится и лексема *оошкы* ‘розовый’. Мы считаем, что данное слово восходит к монгольскому *уушиги(н)* ‘легкое, легкие’ [МРС: 469]. По словам информанта М. А. Демчиновой, слово *оошкы* в алтайском языке изначально обозначало розовый цвет лёгких. Ср. монг.: *уушигин ягаан* ‘розовый, как легкие’ [Баярсайхан 1995: 58].

Думается, по такой же аналогии в хакасском языке на основе метонимического переноса образовано слово *өкпең* ‘малиновый, розовый’ < *өкпең өң* ‘цвета легких’ [ХРС: 322].

Пополнение лексического состава цветовых наименований в алтайском языке осуществляется также за счет собственных лексико-морфологических средств (появление двусоставных слов

типа *кёк-жажыл* ‘сине-зеленый’, *күрен-сары* ‘коричнево-желтый’, *кызыл-күрен* ‘красно-коричневый’ и др.). К примеру, в цветовой номенклатуре алтайского языка не обнаружено специальных терминов для обозначения фиолетового и оранжевого цветов, входящих в традиционный цветовой спектр. Но они представлены терминами более позднего происхождения, а именно сложными словами, образованными путем сложения двух разных лексем: *кёк-кызыл* ‘фиолетовый’ (букв.: синий-красный), *кызыл-сары* ‘оранжевый’ (букв.: красный-желтый) [РАС 1964]. В других тюркских языках, о чем свидетельствуют словарные дефиниции, эти цвета также передаются сложными словами: тув.: *кызыл-сарыг* ‘оранжевый’, *ягаан-көк* ‘фиолетовый’; хак.: *хызамдых кёк* ‘фиолетовый’, *хызыл сарыг* ‘оранжевый’; кирг.: *кызгылт көк* ‘фиолетовый’, *кызгыл сары* ‘оранжевый’. Таким образом, нехватка тех или иных цветовых терминов в тюркских языках восполняется за счет внутренних языковых ресурсов, а именно – словосложением.

В целом, можно сказать, что тюркоязычные народы плохо воспринимают оранжевый и фиолетовый цвета. По всей видимости, у них не было особой надобности различать или обозначать их. Тюрко-монгольские народы хорошо различали естественные цвета, широко представленные в природных реалиях, окружающей среде. А фиолетовый – это как раз тот цвет, который в природе встречается редко. Поэтому мы считаем, что перечисленные выше сложные наименования, обозначающие оранжевый и фиолетовый цвета в тюркских языках, – это термины более позднего происхождения, скорее всего возникшие под влиянием русского языка, в котором есть обозначения этих цветов.

Особенностью цветовой номинации в тюркских языках, в том числе алтайском, является и то, что цветообозначения *ак* ‘белый’, *боро* ‘серый’, *буурыл* ‘седой; чалый (о масти)’, *кара* ‘черный’, *кёк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’ отличаются своей универсальностью. Они могут номинировать как цвет природных реалий, артефактов и т.д., так и масти лошадей (окрас шкуры животных). Например: *ак кар* ‘белый снег’ – *ак ат* ‘белая лошадь’, *буурыл чач* ‘седые волосы’ – *буурыл ат* ‘чалая ло-

шадь’, *сары чечек* ‘желтый цветок’ – *сары ат* ‘соловая лошадь’.

Диффузность семантики проявляется и у слов, являющихся преимущественно обозначениями масти. Например: *ала ат* ‘пегий, крапчатый конь’ – *ала таш* ‘пестрый камень’; *јеерен уй* ‘рыжая корова’ – *јеерен чач* ‘рыжие волосы’; *конгыр ат* ‘буланая лошадь’ – *конгыр чач* ‘русые волосы’; *сур ат* ‘серая лошадь’ – *сур көс* ‘серые глаза’ и др.

Для обозначений мастей лошадей в русском языке такое явление не характерно. Здесь, например, лексемы *вороной*, *гнедой*, *буланый*, *саврасый* и др. имеют ограниченную сферу употребления; цвет чего-либо другого они не обозначают.

Диффузная семантика свойственна и слову *кёк*, которым в алтайском языке обозначают синий, голубой, серый и зеленый цвета. «Обозначение синей части цветового спектра вместе с переходом к его желтой части (‘зеленый’) одним словом *гөк* ~ *көк* является общетюркской чертой. То же можно сказать о значении ‘серый’. Однако для многих современных тюркских литературных языков значения ‘серый’, ‘зеленый’ и даже ‘синий’ являются остаточными, диалектными. Ср., напр., в турецком: ‘синий, голубой’ *mavi* (из ар.), темно-синий *lâcivert* (из перс.), ‘серый’ *gri* (из франц.). Общетюркским обозначением для зеленого цвета стало вместо *гөк* ~ *көк* – *йа:шыл* ~ *йашыл* ~ тур. и др. *йешил* и т.д.» [Севортян 1978: 67–68]. Такое «неразличение» синего, голубого, серого и зеленого цветов в тюркских языках Н. А. Баскаков в свое время называл «тюркским дальтонизмом» [1985: 99].

Почти такая же картина наблюдается и в финно-угорских языках. В частности, в казымском диалекте хантыйского языка термином *wustj* обозначают и зеленый и синий цвет. По мнению П. М. Кузнецова, это связано с тем, что спектрально зеленый и синий находятся ближе друг к другу, чем, например, желтый и зеленый [Кузнецов 2007: 115].

Цветовые термины алтайского языка имеют широкую сферу употребления. Специфика применения цветовых терминов в алтайском языке наглядно отражена в Таблице 1.

Таблица 1

Сфера употребления цветообозначений в алтайском языке

сфера цвет	натур- факты	арте- факты		животные			человек		
		предметы	ткань	лошади	другие живот- ные	птицы	волосы	лицо	глаза
<i>ак</i> 'белый'	+	+	+	+	+	+	+	+	–
<i>бараан</i> 'темный'	+	+	+	–	–	–	–	+	–
<i>боро</i> 'серый'	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>буурыл</i> 'седой; чалый (о масти)'	+	–	–	+	–	–	+	–	–
<i>јажыл</i> 'зеленый'	+	+	+	–	–	+	–	–	+
<i>кажагай</i> 'белый'	+	+	–	–	+	–	+	–	–
<i>кара</i> 'черный'	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>көк</i> 'синий'	+	+	+	+	+	+	+	–	+
<i>куба</i> 'бледный, бледно-желтый'	+	–	–	–	–	–	–	+	–
<i>куу</i> 'бледный, блеклый, белый, серый, седой, бледно-желтый'	+	+	+	+	+	+	+	+	–
<i>күргүл</i> 'карий (о цвете глаз), каштановый (о цвете волос)'	–	–	–	–	–	–	+	–	+
<i>күрен</i> 'коричневый'	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>кызыл</i> 'красный'	+	+	+	+	+	–	+	+	–
<i>ногоон</i> 'зеленый'	+	+	+	–	–	–	–	–	–
<i>оошкы</i> 'розовый'	+	+	+	–	–	–	–	–	–
<i>сары</i> 'желтый'	+	+	+	+	+	+	+	+	–
<i>салаа</i> 'светло-желтый'	+	+	+	+	+	+	–	–	–
<i>соознак</i> 'сиреневый'	+	+	+	–	–	–	–	–	–
<i>чанкыр</i> 'голубой'	+	+	+	–	–	+	–	–	+
<i>чоокыр</i> 'пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный'	+	+	+	+	+	+	+	+	–

Условные обозначения: знаками (+), (–) фиксируется применение конкретного цвета в той или иной сфере.

Система цветообозначений монгольского языка представлена следующими наименованиями: *ал* 'красный', *алаг* 'пегий, пестрый, с пестринами, разномастный (о масти); разноцветный, цветистый,

переливающийся всеми цветами', *бараан* 'темный', *бор* 'серый; сивый', *буурал* 'седой, поседелый; чалый', *нил* 'индиго; темно-синий, фиолетовый', *ногоон* 'зеленый', *орог* 'серый', *оюу(н)* 'бирюзовый', *шар* 'желтый; рыжий; русый', *саарал* 'серый, пепельный; мышастый', *хар* 'черный, темный', *хөх ягаан* 'фиолетовый', *хужгар* 'блеклый, бледный', *хулчгар* 'бледный, блеклый', *цагаан* 'белый', *хүрэн* 'коричневый; бурый (о масти); карий (о глазах и о масти); темно-рыжий (о масти)', *хүрэн эрэн* 'пестрый, разноцветная смесь цветов', *улбар шар* 'красновато-желтый, оранжевый', *улаан* 'красный, алый, румяный', *цэнхэр* 'светло-голубой, светло-синий, светло-лазурный', *цоохор* 'пестрый, пятнистый, рябой; чубарый', *ягаан* 'розовый'.

Классификация цветообозначений в монгольском языке характеризуется своей оригинальностью. Согласно Е. Баярсайхан, монголы, во-первых, объединяют *солонгын долоон өнгө* «семь цветов радуги» понятием *эцэг өнгө* «отцовские цвета», а белый цвет считают «материнским» – *эх өнгө*. Во-вторых, переходные между основными цветами радуги цветовые обозначения подразделяют на два класса: *хүү өнгө* «сыновние цвета» (смешанные, оттеночные) и *туслах (боол) өнгө* «цвета прислуги (рабы)», к которым относят черный и серый цвета и их оттенки. В-третьих, в «монгольском» традиционном цветовом спектре отсутствует фиолетовый цвет, который отнесен к «сыновним» цветам. Вместо него в основные цвета попал коричневый, как, впрочем, и в «алтайском» спектре.

Таким образом, «монгольский» цветовой спектр – *цэцгийн эрхи* (букв.: четки цветов) представлен следующим составом цветов: *хөх* 'синий', *цэнхэр* 'голубой', *ногоон* 'зеленый', *улаан* 'красный', *хүрэн* 'коричневый', *улбар шар (хондон улаан)* 'оранжевый', *шар* 'желтый'.

Основными цветообозначениями в монгольском языке являются: *цагаан* 'белый', *хөх* 'синий', *цэнхэр* 'голубой', *ногоон* 'зеленый', *улаан* 'красный', *хүрэн* 'коричневый', *улбар шар (хондон улаан)* 'оранжевый', *шар* 'желтый'. Эти цвета в культурологическом аспекте считаются основными и наиболее предпочтительными для монголов. Любимым же цветом для них является корич-

невый – *элгэн хурэн* ‘коричневый, как печень’. Верхняя одежда такого цвета у них пользуется большим спросом. В монгольском языке печеночно-коричневый цвет называют также *нүдэн дулаан өнгө* ‘приятный’ (букв.: теплый на глаза) цвет [Баярсайхан 1996: 55–59]. Печень, как известно, у тюрко-монгольских народов является основным функционирующим органом тела,местилищем души (а не сердце, как принято во многих европейских культурах).

Наиболее предпочтительным для монголов является также желтый цвет. По аналогии с цветом солнца и золота желтый цвет олицетворяет духовность, почет и уважение: *шар өргөмжлөл* ‘указ, почетная грамота, написанные на желтой бумаге или шелке’ (букв.: желтое преподношение), *шарын шашин* ‘желтая религия’ [Баярсайхан 1996: 58].

Известно, что «желтой верой» называют ламаистское направление буддизма, принятое в начале XVII в. народами Центральной Азии, в том числе восточными монголами (халка-монголами). Из-за цвета одежды сторонников этой веры называют «желтошапочниками».

Следует отметить, что в религиозном представлении алтайцев желтый цвет тоже считается сакральным. А. Г. Данилин пишет, что в алтайском бурханизме, одном из ответвлений буддизма, в предметах культа наряду с белым и голубым с особой магической определенностью выступает желтый цвет. Желтый и голубой цвета обладают космической семантикой, сопряженной с древними культами солнца и неба, возникшими еще в родовую или дородовую эпоху развития человечества [1993: 163].

Белого, голубого и желтого цветов бывают у алтайцев *дьайыки* – изображения духов из ткани, оберегающих человека, находящиеся в переднем углу *аила*, дома. На перевалах и других святых местах алтайцы привязывают к деревьям ленточки – *дьалама* таких же цветов. Использование ленточек темных цветов строго воспрещено.

Отличительной чертой монгольской цветовой номинации является и то, что в монгольском языке имена цвета бывают мужского и женского рода. В особенности это касается терминов, характеризующих календарный год. Монголы различают года по 5 элемен-

там (дерево, огонь, земля, железо, вода) и 5 цветам, подразделяя их по отношению к мужскому и женскому родам. Термины мужского рода формальных показателей не имеют, а термины женского рода имеют особый аффикс *-гчин*: *хөх* ‘синий’ – *хөхөгчин* ‘синяя’, *улаан* ‘красный’ – *улаагчин* ‘красная’, *шар* ‘желтый’ – *шарагчин* ‘желтая’, *цагаан* ‘белый’ – *цагаагчин* ‘белая’, *хар* ‘черный’ – *харагчин* ‘черная’ [Цолоо 1994: 28]. Данный аффикс употребляется также при обозначении масти самок животных: *ухаа* ‘рыжий, каурый’ – *ухаагчин* ‘рыжая, кауряя’, *хул* ‘саврасый’ – *хулаагчин* ‘саврасая’.

В системах цветообозначений алтайского и монгольского языков выявлены некоторые лексические эквиваленты, которые отражены в Таблице 2.

Таблица 2

Алтайский язык	Монгольский язык
<i>ак</i> ‘белый’	–
–	<i>ал</i> ‘красный’
<i>ала</i> ‘пегий; пестрый’	<i>алаг</i> ‘пестрый’
<i>бараан</i> ‘темный’	<i>бараан</i> ‘темный’
<i>боро</i> ‘серый; сивый (о масти)’	<i>бор</i> ‘серый; сивый’
<i>буурыл</i> ‘седой; чалый (о масти)’	<i>буурал</i> ‘седой, поседелый; чалый’
<i>јажыл</i> ‘зеленый’	–
<i>кажгай</i> ‘белый’	–
<i>көк</i> ‘синий’	<i>хөх</i> ‘синий, голубой’
<i>көк-кызыл</i> ‘фиолетовый’	<i>хөх ягаан</i> ‘фиолетовый’
<i>куба</i> ‘бледный, бледно-желтый’	–
<i>куу</i> ‘бледный, бледно-желтый, белый, серый, седой’	–
<i>күргүл</i> ‘карий (о цвете глаз); каштановый (о цвете волос)’	–
<i>күрен</i> ‘коричневый’	<i>хүрэн</i> ‘коричневый; бурый’
<i>кызыл</i> ‘красный’	–
<i>кызыл-сары</i> ‘оранжевый’	<i>улбар шар</i> ‘красновато-желтый, оранжевый’
–	<i>нил</i> ‘фиолетовый’
<i>ногоон</i> ‘зеленый’	<i>ногоон</i> ‘зеленый’

продолжение таблицы 2

Алтайский язык	Монгольский язык
<i>оошкы</i> ‘розовый’	—
—	<i>орог</i> ‘серый’
—	<i>оюу (н)</i> ‘бирюзовый’
<i>сары</i> ‘желтый; соловый (о масти); светлорусый (о цвете волос)’	<i>шар</i> ‘желтый; рыжий; русый’
—	<i>саарал</i> ‘серый, пепельный; мы-шастый’
<i>салаа</i> ‘светло-желтый’	—
<i>солоон</i> ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’	—
<i>соознак</i> ‘сиреневый’	—
<i>улаан</i> ‘красный’	<i>улаан</i> ‘красный, алый, румяный’
<i>кара</i> ‘черный’	<i>хар</i> ‘черный, темный’
—	<i>хужгар</i> ‘блеклый, бледный’
—	<i>хулчгар</i> ‘бледный, блеклый’
<i>чагаан</i> ‘белый’	<i>цагаан</i> ‘белый’
<i>чанкыр</i> ‘голубой’	<i>цэнхэр</i> ‘светло-голубой, светло-синий, светло-лазурный’
<i>чоокыр</i> ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’	<i>цоохор</i> ‘пестрый, пятнистый, рябой; чубарый’
<i>чоокыр</i> ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’	<i>ягаан</i> ‘розовый’

Согласно данным Таблицы 2, в алтайском и монгольском языках имеется 15 лексических эквивалентов. В алтайском языке 11 цветотерминов являются заимствованными из монгольского языка: *бараан* ‘темный’, *боро* ‘серый’, *буурыл* ‘седой; чалый (о масти)’, *ногоон* ‘зеленый’, *күрен* ‘коричневый’, *чанкыр* ‘голубой’, *чоокыр* ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’, *чагаан* ‘белый’, *улаан* ‘красный’, *солоон* ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’, *оошкы* ‘розовый’.

Монгольские термины *ал* ‘красный’ и *алаг* ‘пестрый’ составляют лексическую параллель с тюркскими *ал* ‘алый’ и *ала* ‘разноцветный, пестрый’. В отношении термина *ал* ‘красный’ в монгольском языке можно предположить, что он заимствован из тюркских

языков. Именно такую точку зрения А. М. Щербака приводит Э. В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» [1974: 126]. Носителям монгольского языка данный термин был незнаком.

Относительно тюркской формы *ала* ‘разноцветный, пестрый’ и монгольской формы *алаг* ‘пестрый’ принято считать, что они независимы друг от друга, но имеют общий источник [ЭСТЯ 1974: 207].

Синонимические термины *хужгар* ‘блеклый, бледный’, *хулчгар* ‘бледный, блеклый’, очевидно, образованы от одной основы и имеют связь с тюркским *куу* ‘бледный’.

§ 2. Словообразовательные типы цветообозначений в алтайском и монгольском языках

Цветовые наименования в алтайском языке образуются, в основном, при помощи аффиксации и словосложения. В структурном отношении они представляют собой *простые* и *сложные* наименования, *компаративные конструкции с цветовыми компонентами* и *цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики*.

2.1. Простые наименования

Простые наименования – слова, состоящие из одной основы (производной или непроизводной). Они образуются синтетическим способом словообразования, а именно – при помощи аффиксации. Простые единицы семантического поля цветообозначений алтайского языка представлены следующими терминами.

2.1.1. Наименования, называющие основные и оттеночные цвета

К *основным* именам цвета относятся: *ак* ‘белый’, *боро* ‘серый’, *жжыл* ‘зеленый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’. К терминам, называющим *оттенки* цвета относятся: *бараан* ‘темный’, *буурыл* ‘седой’,

куба 'бледный, бледно-желтый', куу 'бледный, блеклый, беловатый, серый, седой, бледно-желтый', оошкы 'розовый', солоон 'разноцветный, пестрый; цвета радуги', соознак 'сиреневый', чанкыр 'голубой'.

В монгольском языке простые наименования представлены следующими лексическими единицами: хөх 'синий', цэнхэр 'голубой', ногоон 'зеленый', улаан 'красный', хүрэн 'коричневый', шар 'желтый', бараан 'темный', бор 'серый; сивый', буурал 'седой, поседелый; чалый', нил 'фиолетовый', оюу(н) 'бирюзовый', хар 'черный' и др.

2.1.2. Модификации имен цвета, выражающие неполноту цветового признака

Данные цветотермины образуются путем словообразовательной модификации при помощи специальных аффиксов, соответствующих в русском языке суффиксу -оват. Самым продуктивным из них является аффикс =сымак // =зымак: ак=сымак 'беловатый', јажыл=зымак 'зеленоватый', боро=зымак 'сероватый', буурыл=зымак 'седоватый', кара=зымак 'черноватый', көк=симек 'синеватый', куу=зымак 'бледноватый', күрен=зимек 'коричневатый', кызыл=зымак 'красноватый', сары=зымак 'желтоватый'. В последнем случае наблюдается явление метатезы: =зымак ~ =мзак: сары=зымак ~ сары=мзак 'желтоватый'. Примеры:

Бу ла көк тенгериле биригип калган тайгалардын баитарын чанкырзымак түдүскектер өткүрө көргөн, неге де амадаган, нени де сананган (АА, ÖЧК, 454) – [Он] смотрел сквозь голубоватую дымку на эту самую вершину тайги, слившуюся с синим небом, к чему-то стремился, о чем-то мечтал; Сарызымак та, борозымак та эмес, кап-кара өндү албаа (ЭТ, К, 167) – Не желтоватый и не сероватый, черный-пречерный соболев.

Рассматриваемый аффикс выражает неполноту признака и в составе других «нецветовых» прилагательных: јаан=зымак 'великоватый', чичке=зимек 'узковатый', ачу=зымак 'горьковатый' и т.д. Остальные аффиксы более специфичны и употребляются только при образовании модификаций цветовых имен.

В «Грамматике алтайского языка» [1969: 24] представлены аффиксы =сыман // =су: ак=сыман, ак=су 'беловатый', сары=зыман, сары=су 'желтоватый' и др. В современном алтайском языке эти словообразовательные аффиксы, в частности, аффикс =сыман, непродуктивны.

Аффикс =кылтырым // =гылтырым // =галтырым (=кыл-тыр-ым // =гыл-тыр-ым). С его помощью в алтайском языке образуются только три слова: кыс=кылтырым 'красноватый', сар=гылтырым 'желтоватый', куу=гылтырым 'бледноватый, бледно-желтый'. Примеры:

Чындап та, алтын ошкош уур саргалтырым – јылтырууш буудай болгон (ЖК, КТ, 197) – И вправду, пшеница была, точно золото, тяжелой, желтоватой, блестящей; Күскиде јердин өңи куу-гылтырым боло берет (Елдошева) – Осенью цвет земли становится бледноватым.

Аффикс =кылтым // =гылтым (=кыл-тым // =гыл-тым) является усеченной формой предыдущего аффикса. Он употребляется в образовании двух оттеночных наименований: кыс=кылтым 'красноватый', сар=гылтым 'желтоватый'. Например: Күн текшилей ажа берген, је јангыс ла бу үч сүмердин бажында онын кыскылтым чогы артты (АА, УБТ, 359) – Солнце вовсе село, и только на вершинах этих трех высоких гор оставались его красноватые лучи.

Термины кыскылтым ~ кыскылтырым и кызылзымак 'красноватый' в алтайском языке являются вариативными, поскольку образованы от одной и той же основы (> кызыл 'красный'), но сферы их употребления несколько специфичны. Собранный фактический материал показывает, что лексема кыскылтым в алтайском языке часто характеризует цвет природных явлений: цвет неба при восходе и заходе солнца, цвет солнечных лучей, огня и др. Например: кыскылтым тандак 'красноватый рассвет', күннин кыскылтым чогы 'красноватые лучи солнца', кыскылтым туман 'красноватый туман'. Случаев с таким употреблением лексемы кызылзымак в алтайском языке не найдено. Однако при определении внешности человека употребляется только лексема кызылзымак: кызылзымак јаак 'красноватые щеки', кызылзымак сагалду 'с рыжеватой бородой'. Лексема кыскылтым ~ кыскылтырым в описании внешности человека не участвует.

Аффикс =**алтырым** // =**өлтирим** (=ал-тыр-ым, =өл-тир-им) также является фонетическим вариантом аффикса =**кылтырым** // =**гылтырым** (с выпавшим начальным «к»). Данный аффикс участвует в образовании всего двух слов: *аг=алтырым* ‘беловатый’, *көг=өлтирим* ‘синеватый’. Примеры:

А эртен тура туруп келгенисте, ыраак-ыраак кырлардын бажында билдирер-билдирбес агалтырым ба айса оошкы-кызыл ба тан жангы ла кемзинип кызарып келетен эди (КТ, КЈ, 56) – А когда утром просыпались, на вершинах далеких-далеких гор только начинал «застенчиво» брезжить едва заметный, не то беловатый, не то розовато-красный рассвет; *Ойгор бүдүмдү көгөлтирим мөштөр лө чибилер тымык* (БУ, СӨ, 370) – Мудрые синеватые кедры и ели мирны.

Аффикс =(р)**тым** // =(р)**тим** // =(өр)**тим** // =(өр)**им** в алтайском языке способствует образованию трех слов: *боро=ртым* ‘сероватый’, *күре=ртим* ‘коричневатый’; *көг=өрим* ~ *көг=өртим* ‘синеватый’. Примеры:

Борбок-Каранын бастыра бойы бир жүдрук болуп тыыдынып, чала бербек ле күрертим эриндери ачылып, арга жокто Папайга күжүлдин тиштери ошкош сары-куулы тиштерин көргүсти (БУ, СӨ, 36) – Борбок-Кара весь сжался, точно в кулак, раскрыв слегка полные и коричневатые губы, наконец показал Папаю медно-желтые, как у крота, зубы=свои; *Чек ле баланын кара чачы көгөрүм жаркындап турган* (АКК, 180) – Черные волосы ребенка так и сияли синеватым блеском.

Аффикс =**мтык** зафиксирован при образовании только двух слов: *кара=мтык* ‘черноватый, темноватый’, *боро=мтык* ‘сероватый; тусклый; мутный (о цвете воды); темный’. Например: *Ыраакта та кемнинг де баскындап турган карамтык сомы көрүнип турды* (Тазранова) – Вдали виднелся чей-то двигающийся темноватый силуэт.

Лексема *боромтык* в алтайском языке полисемантична и функционирует в следующих значениях: 1) сероватый: *Сакаш Буудайга кажы ла жанынан түнгей болорго сүрекей күжүренетен, Буудайдын ары-бери секирип, суртулдап турар боромтык көстөрине де өткөнөргө чырмайып туратан* (ЭЯ, ÖT, 59) – Сакаш старался быть похожим на Буудая во всех отношениях, даже старался подражать

тому, как Буудай стрелял туда-сюда сероватыми сверкающими глазами.

2) тусклый: *Күнчыгыш келтегейинде сок жангыс көзнөктөн тамыраган боромтык жаркын карануйды билдирер-билдирбес чейдемдеп жат* (ЖК, ОЈ, 42) – Тусклый свет, исходящий от единственного окна на восточной стороне, незаметно рассеивал тьму.

3) мутный (о цвете воды): *Менинг јумуп алган көзиме Египеттин сары-күрен кызу кумактары, јебрен өйлөрдөн бери чактарды өткүре көргүлөп турган пирамидалары, улу Нилдин боромтык толкузы көрүнип турган* (ЛК, ЈП, 63) – Перед моими закрытыми глазами показались горячие желто-коричневые пески Египта, из древности сквозь века устремившие взор пирамиды, мутные волны великого Нила.

4) темный: *Туулардын баштары тумандарла оронып, тымык ла боромтык болуп, мөңкүликтин түштерин түжсенер* (БУ, Т, 258) – Вершины гор, укутавшись туманом, станут безмолвными и темными, станут видеть вечные сны.

Аффикс =**тимек** участвует при образовании одного слова – *күрен=тимек* ‘коричневатый’. Лексема *күрентимек* синонимична лексеме *күрензимек* ‘коричневатый’, но используется гораздо реже: *Керек-јок чалкойто јадала, тынг тиштенип алган теке мүйүзи эмискектү канзазынан чала күрентимек ышты бурладып жатты* (ПК, ТАП, 159) – Керек-Дьок, лежа на спине, из трубки с мундштуком из козьего рога, крепко стиснутой в зубах, пускал слегка коричневатый дымок.

С помощью аффикса =**имак** // =**ипак** // =**жак** образовано слово *куушмак* ~ *куушпак* ‘бледноватый’. Фонетическим вариантом данного аффикса является аффикс =**как**, способствующий образованию термина *куу=как* ‘бледноватый’. Примеры:

Ононг кичинек куужак жүзин андый ок кичинек куужак колыла сыймай тудуп, саамайынын кылдарын кулагынын кийни јаар кыстап, сурады: «Слер кайда барып јатканар?» (АА, УБТ, 372) – Затем, погладив маленькое бледноватое лицо=свое такой же маленькой бледноватой рукой, убрав бакенбарды за уши, спросил: «Куда вы идете?»; *Мынын учун ол тегин де куукак кижси, айга*

шыку туйук, кўни жок городторго жүрүп, ару гостиницаларда конуп, чырай-кебери чаазынды агарып, жымжак тамырлары көгөрө көрүнип калтыр – бастыра бойы кандый да ап-ару (ЖК, К, 15) – Из-за того, что он, и так бледноватый человек, почти месяц находился в мрачных, без солнца городах, проживая в чистых гостиницах, лицо=его побелело, как бумага, мягкие вены выступили, посинев, – сам весь какой-то чистый-пречистый.

С помощью аффикса =**май** образованы три слова: *кара*=*май* ‘черноватый’, *куу*=*май* ‘бледноватый; бледновато-желтый’, *сары*=*май* ‘желтоватый’. Лексемы чаще всего употребляются по отношению к человеку: *карамай* (черненький; брюнет), *сарымай* (светленький; блондин). От них произошли личные имена *Карамай* и *Сарымай*.

Слово *куумай* ‘бледноватый, бледновато-желтый’ (в отличие от *куузымак*, *куугылтырым*, *куушмак* ~ *куушпак*, *куукак*) используется в основном при обозначении цвета ткани. Например: *Куумай бөстинг алдында курут бар, жи* (Сартакова) – Под бледновато-желтой тканью есть сырчик-курут, ешь.

Аффикс =**кай** // =**кый** способствует образованию двух слов: *куба*=*кай* ‘бледноватый’ (< *куба* ‘бледный’), *барын*=*кый* ‘темноватый’ (< *бараан* ‘темный’). Примеры:

Кубакай он көсти кыйып баштаган (ЖК, КТ, 381) – Бледноватый цвет стал раздражать глаза; *Мынайып көрөр болзо, чек терези кандый да ондый кара, барынкый бала не* (АКК, 154) – Когда удалось разглядеть, ребенок [оказался] с какой-то такой смуглой, темноватой кожей.

Аффикс =**кай** в тюркских языках считается заимствованным из монгольских языков: письм.-монг. *хубахай* ‘сухой, блеклый, ни на что не годный; отвратительный’, монг. *хувхай* ‘побелевший и увядший на воздухе; голый, скудный растительностью’; бур.: *хубхай* ‘белый, бледный; голый, скудный; ненасытный, жадный’ [ЭСТЯ 1989: 95].

Аффикс =**өл** в современном алтайском языке, можно сказать, вышел из употребления. С его помощью образовано слово *көгөл* ‘синеватый’ (*көгөл* < *көк* ‘синий’). Слово функционирует также

в значении ‘сизый’. Например: *Эмди тангла көгөл мүркүт журт-тын үстин дөбөн учуп түшти* (ЖМ, JJ, 82) – Сейчас ранним утром сизый беркут спустился к деревне.

По внешнему облику видно, что алтайское *көгөл* образовано по той же аналогии, что и общетюркские *кызыл* ‘красный’ и *жашыл* ~ *яшыл* ‘зеленый’ (*кыз-ыл*, *яш-ыл*). На современном этапе развития тюркских языков эти лексемы представляют собой сращенные основы. Данный факт позволяет говорить о древнем происхождении словообразовательного аффикса =*өл* // =*ыл*. По-видимому, он существовал еще в период тюркского праязыка, где принимал участие в процессе отграничения имен прилагательных от других частей речи и выделения их в самостоятельную часть речи.

Таким образом, в алтайском языке имеется довольно богатый деривационный фонд формантов, с помощью которых образуются модификации имен цвета. Причем, у каждого цветотермина имеются свои собственные словообразовательные аффиксы. Однако не все названия цвета в алтайском языке могут модифицироваться, как, например, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’, *ногоон* ‘зеленый’, *оошкы* ‘розовый’ и др. Перечень всех модификаций цветовых наименований в алтайском языке представлен в Таблице 3.

Таблица 3

Модификации имен цвета в алтайском языке

Названия цвета	Модификации
<i>ак</i> ‘белый’	<i>ак</i> = <i>сымак</i> ‘беловатый’, <i>аг</i> = <i>алтырым</i> ‘беловатый’
<i>бараан</i> ‘темный’	<i>барын</i> = <i>кый</i> ‘темноватый’
<i>боро</i> ‘серый; сивый (о масти)’	<i>боро</i> = <i>зымак</i> ‘сероватый’, <i>боро</i> = <i>ртым</i> ‘сероватый’, <i>боро</i> = <i>мтык</i> ‘сероватый; тусклый, мутный, темный’
<i>буурыл</i> ‘седой; чалый (о масти)’	<i>буурыл</i> = <i>зымак</i> ‘седоватый’
<i>жашыл</i> ‘зеленый’	<i>жашыл</i> = <i>зымак</i> ‘зеленоватый’
<i>кажагай</i> ‘белый’	—

кара ‘черный’	<i>кара=зымак</i> ‘черноватый’, <i>ка-ра=мтык</i> ‘черноватый’, <i>кара=май</i> ‘черноватый’
көк ‘синий’	<i>көк=симек</i> ‘синеватый’, <i>көг=өл</i> ‘синеватый’, <i>көг=өрим ~көг=өртим</i> ‘синеватый’, <i>көг=өлтирим</i> ‘синеватый’
куба ‘бледный, бледно-желтый’	<i>куба=кай</i> ‘бледноватый; бледно-желтый’
куу ‘бледный, блеклый, беловатый, серый, седой, бледно-желтый’	<i>куу=зымак</i> ‘бледноватый’, <i>куу=как</i> ‘бледноватый’, <i>куу=шмак ~ куу=шпак</i> ‘бледноватый’, <i>куу=как</i> ‘бледноватый’, <i>куу=гылтырым</i> ‘бледноватый, бледно-желтый’; <i>куу=май</i> ‘бледноватый; бледно-желтый’
күргүл ‘карий (о цвете глаз), каштановый (о цвете волос)’	—
күрен ‘коричневый; бурый (о масти)’	<i>күрен=зимек</i> ‘коричневатый’, <i>күре=р-тим</i> ‘коричневатый’, <i>күре=мтик</i> ‘коричневатый’, <i>күрен=тимек</i> ‘коричневатый’
кызыл ‘красный; румяный; рыжий (о масти)’	<i>кызыл=зымак</i> ‘красноватый’, <i>кыс=кылтым</i> ‘красноватый’, <i>кыс=кылтырым</i> ‘красноватый’
ногоон ‘зеленый’	—
оошкы ‘розовый’	—
салаа ‘светло-желтый’	—
солоон ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’	—
сары ‘желтый; соловый, светлорусый (о цвете волос)’	<i>сары=зымак ~ сары=мзак</i> ‘желтоватый’, <i>сар=гылтым</i> ‘желтоватый’, <i>сар=гылытырым</i> ‘желтоватый’, <i>сары-май</i> ‘желтоватый’
соознак ‘сиреневый’	—
чанкыр ‘голубой’	<i>чанкыр=зымак</i> ‘голубоватый’
чоокыр ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’	—

В других тюркских языках, в частности, в хакасском и тувинском, неполноту цветового признака также выражают с помощью аффиксов: хака.: =сымах // =симек, =амдых, =илбей: агамдых ‘беловатый’, харамдых ‘черноватый’, голубоватый’, хызамдых ‘красноватый’, көгилбей ‘синеватый’ [ГХЯ: 93]; тув.: =сымаар // =симээр, =сумаар // сүмээр, =ыл // =ил, =ул // =үл, =ылдыр // =илдир, =улдур // =үлдүр: сарыгзымаар, саргылдыр ‘желтоватый’, көксүмээр, көгүлдүр ‘синеватый’, кызылзымаар ‘красноватый’ [ГТЯ: 185].

В отличие от алтайского и хакасского языков, в тувинском языке синтетическим способом при помощи аффиксов =кыр // =гыр, =ңгыр может выражаться насыщенность цветового тона: аккыр ‘очень белый’, кызылгыр ‘очень красный’, кызыңгыр ‘ярко-красный’ [ГТЯ: 187].

В хакасском и тувинском языках модификации имен цвета образуются и аналитическим способом – при помощи постпозитивной частицы арах (хака.) // аарак (тув. диал.) со значением ‘чуть-чуть’. Например: хака.: көк арах ‘голубоватый’, сарыг арах ‘желтоватый’ [ГХЯ: 93]; тув.: кызыл аарак ‘красноватый’, ‘чуть-чуть красный’ [ГТЯ: 186].

Думается, аффикс =арык ~ =ерик ~ =өрик: агарык ‘беловатый’, саргарык ‘желтоватый’, кызарык ‘красноватый’, көгөрик ‘синеватый’, зафиксированный в «Грамматике ойротского языка» [1940: 76], является сращенным вариантом частицы арак ~ арах в хакасском и тувинском языках. Можно сказать, что данный аффикс в современном алтайском языке вышел из употребления, хотя в большинстве тюркских языков =(i)рак ~ =(y)рак = ~ (i)rāk ~ =(y)rāk считается «самым распространенным классификационным морфологическим показателем тюркских прилагательных, передаваемая им неполнота признака может восприниматься в зависимости от контекста и как его избыточность» [Щербак 1977: 114].

В монгольском языке модификации основных имен цвета образуются так же, как, и в тюркских языках, при помощи аффиксов: =втар // =бтар // =втэр, =втор // =втөр: цагаавтар ‘беловатый, светловатый’, улаабтар ‘розовый’, ногоовтор ‘зеленоватый’; =мдөг: хөхөмдөг ‘синеватый’; =бар: улбар ‘красноватый’; =вир:

шарвир ‘желтоватый’; *=дүү*: *хүрээндүү* ‘коричневатый’; *=га*: *шар-га* ‘соловый (о масти); палевый (о цвете)’; *=йвар, =йвгар, =гээн, =гээхэн*: *цайвар* ‘беловатый, светлый, бледный’; *цэгээн* ‘белый, беловатый, светлый’, *цэгээхэн* ‘светловатый, беловатый’, *цайвгар* ‘беловатый, светловатый; бледный’ и т.д.

В системе цветообозначений алтайского языка особого внимания заслуживают термины *апагаиш ~ апааиш* (*ап-ак* + *=аиш*) и *көпөгөш ~ көпөөш* (*көп-көк* + *=өш*), образованные при помощи частичной редупликации (повторяется первый слог основы с добавлением конечного согласного «п») и диминутивных аффиксов *=аиш // =өш*. В «Грамматике ойротского языка» [1940: 77] они представлены как наименования, имеющие значение усиления качества, а также средней степени качества (голубенький, беленький): *бу кыстын жүзи апагаиш* ‘лицо этой девушки беленькое’, *балдар көпөгөш чечек үзүн алдылар* ‘дети нарвали синеньких цветов’.

Поскольку указанные наименования представляют собой готовые сравненные основы, мы относим их в группу простых наименований.

2.2. Сложные наименования

Сложные наименования – цветовые термины, состоящие из двух разных основ, образованные путем словосложения. В алтайском языке они образуются разными путями: при помощи частичной и полной редупликации, так называемыми «формами интенсива» [Щербак 1977: 120], а также с помощью различных квалификаторов (усилителей цветового качества). В системе цветообозначений алтайского языка выделяются следующие виды сложных наименований.

2.2.1. Наименования, выражающие интенсивность цветового тона

Интенсивность цветового тона в алтайском языке выражается при помощи частичной и полной редупликации, а также формой превосходной степени.

1. Термины, образованные при помощи частичной редупликации: *ап-ак, ап-апагаиш* ‘беленький-пребеленький’,

кап-кара ‘черный-пречерный’, *кып-кызыл* ‘красный-прекрасный’, *сап-сары* ‘желтый-прежелтый’ и др. Например: *А эртен тура барып көрзөң, јердинг үсти сап-сары ла кып-кызыл* (БУ, Т, 32) – А утроммотришь, земля желтая-прежелтая и красная-прекрасная.

2. Термины, образованные при помощи полной редупликации (путем образования сложных слов с удвоенной основой): *ка-ра-кара* ‘черный-черный’, *кызыл-кызыл* ‘красный-красный’ и др. Например: *Эмил дезе кукурузанын ортозы јаар кирбей, кыранын жаказында, тизеге једин турар јажыл өлөңнин ле чанкыр-чанкыр чечектердин ортозында турды* (АА, УБТ, 356) – Эмил, не заходя в заросли кукурузы, стояла на краю поля среди зеленой травы, достигающей колена, и голубых-голубых цветов.

Следует отметить, что в алтайском языке способ частичной редупликации в образовании интенсивности цвета является более распространенным способом, чем полная редупликация. В тюркских языках частичная редупликация осуществляется путем повторения первого слога прилагательных с добавлением конечных согласных «п», «ф», «м». Например: азерб.: *qır-qırımzi* ‘совершенно красный’, *göm-göy* ‘совершенно голубой’, *sağ-sarı* ‘совершенно желтый’, *qaf-qara* ‘совершенно черный’; казах.: *сап-сарі* ‘совершенно желтый’, тув.: *сап-саріг* ‘совершенно желтый’; хак.: *xīn-xīzīl* ‘совершенно красный’, *сап-саріг* ‘совершенно желтый’; шор.: *ап-ак* ‘совершенно белый’ [Щербак 1977: 120]. В некоторых тюркских языках, в частности тофаларском, частичная редупликация весьма неразвита [Рассадин 1978: 95].

Аналогично образуется интенсивность цвета и в монгольском языке – при помощи частичной редупликации (повторяется первый слог основы с добавлением конечных согласных «в», «ф», «д»): *нов ногоон* ‘совершенно зеленый’, *ув улаан* ‘ярко-красный, совершенно красный’, *хав(ф) хар* ‘совершенно черный’, *цэв(ф) цэнхэр* ‘совершенно голубой’, *шав(ф) шар* ‘совсем желтый, желтый-прежелтый’, *јав(ф) јагаан* ‘совершенно розовый, ярко-розовый’, *цав(ф) цагаан* ‘белейший’, *бод боро* ‘совершенно серый’, *эв эрээн* ‘пестрейший’, *хөв(ф) хөх* ‘голубейший’ [Бертагаев 1969: 26].

2.2.2. Наименования, выражающие яркость цветового тона

Сложные слова, уточняющие яркость цветового тона, в алтайском языке образуются при помощи квалификаторов. Причем, последние в составе этих терминов занимают преимущественно препозицию, но встречаются и в постпозиции. Данные названия образуются двумя видами квалификаторов.

1. Термины, образованные при помощи квалификаторов – *жарык* ‘светлый’ – *жарык жажыл* ‘светло-зеленый’; *карангуй* ‘темный’ – *карангуй боро* ‘темно-серый’; *бүрүнкүй* ‘темный’ – *бүрүнкүй көк* ‘темно-синий’; *өчөмик* ‘тусклый’ – *өчөмик күрен* ‘тускло-коричневый’, *жаркынду* ‘яркий’ – *жаркынду жажыл* ‘ярко-зеленый’, *өткүн* ‘яркий, насыщенный’ – *өткүн кызыл* ‘ярко-красный’ и др. Примеры:

Онын учун туулар чоокыр. Алтын-сары ла карангуй жажыл (АА, ÖЧК, JÖO, 144) – Поэтому горы пестрые. Золотисто-желтые и темно-зеленые; *А Бай-Тыттын бүри ончолорынан аңыланып турар. Сыранай ла мөштин бүрине түңей: бүрүнкүй көк лө койу* (БУ, СÖ, 107) – А листва Бай-Тыт (Священной лиственницы) отличается от всех других. Очень похожа на листву кедра: темно-синяя и густая; *Журайла, жаркынду жажыл будукла будып салгандый жаландар, төңдөр, көгөришкен казыр туулар, табышту, табышту суулар* (ЛК, JП, 83) – Луга, холмы, синеющие грозные горы, шумные-шумные реки как-будто окрашены в ярко-зеленый цвет; *Онын [айдын] өчөмик сары жаркыны болчок кийис айылды, койлор жаткан акты, уйуктап турган мөңкүлөрдү араай чалыдып турды* (ЛК, АК, 350) – Ее [луны] тускло-желтый свет слегка освещал маленький войлочный аил, поляну, на которой лежали овцы, спящие ледники.

Интенсивность черного цвета нередко передается с помощью квалификатора *ай* ‘месяц’ – *ай кара* ‘темный-претемный, черный-пречерный’. Этим термином, видимо, изначально обозначалась темная безлунная ночь, затем он стал употребляться по отношению к другим предметам и объектам. Например: *Je оны ыраак жокто отоп жүрген ай кара бука көрүп ийеле, кейди жыткарып, огу-*

рып ийди (АА, УБТ, 261) – Но заметив его пасущийся недалеко черный-пречерный бык, вдыхая [ноздрыми] воздух, замычал.

2. Термины, образованные при помощи квалификаторов, представляющих собой названия цвета. Определителями светлого тона выступают термины *ак* и *сары*. Квалификаторами темного оттенка – *көк*, *кара*, *күрен*, *барынкый*. Определителями бледного оттенка являются наименования *куу*, *кубакай*, а термин *боромтык* – является определителем тусклого оттенка. Подобное словосложение в алтайском языке происходит на особом избирательном уровне: вышеуказанные слова могут сочетаться лишь с ограниченным количеством цветовых названий. Определитель *ак* ‘светлый’ употребляется только с наименованиями *сары* ‘желтый’, *чанкыр* ‘голубой’, *боро* ‘серый’: *ак-сары жалбрактар* ‘светло-желтые листья’, *ак-боро толку* ‘светло-серая волна’, *ак-чанкыр кар* ‘светло-голубой снег’ и др. Примеры:

Кырда турган агаштар ак-сары, кызыл-сары кийимдерди кийип ийдилер (ПК, ТАП, 185) – Деревья, стоящие на горе, надели светло-желтые, оранжевые наряды; *Түште кайылала, тонуп калган кардын өңи ак-чанкыр* (АА, ÖЧК, 418) – Цвет снега, растаявшего днем и [снова] замерзшего, светло-голубой.

Квалификатор *ак* ‘светлый’ в алтайском языке часто используется при обозначении светло-серой масти лошадей: *ак-боро ат*, *ак-сур ат* ‘светло-серый конь’. По отношению к человеку термин *ак* в сочетании с термином *сары* ‘желтый’ подчеркивает цвет белокурых волос: *ак-сары чачту* ‘блондин’ (букв.: со светло-желтыми волосами).

Квалификатор *сары* ‘светлый’ используется только в сочетании с терминами *күргүл* ‘каштановый (о цвете волос)’, *карий* (о цвете глаз) – *күргүл-сары чач* ‘светло-каштановые волосы’ и *конгыр* ‘каурый (о масти)’, *русый* (о цвете волос) – *конгыр-сары* ‘светло-русый’. Примеры:

«Слер бригадир бе?» – деп, Маткачаков Моткочок Баткачакович байагы сары-күргүл кижинин үсти орто келди (ЖК, ОJ, 191) – Со словами «Вы бригадир?» – Маткачаков Моткочок Баткачакович ринулся на того самого человека со светло-каштановыми [волосами]; *Бу конгыр-сары калын чачту, ак чырайлу, тенгирдий чанкыр көстү јиит орус келин Бектирдин ле јыламаштын*

келди (БА, ӨТ, 8) – Эта русская женщина с густыми светло-русыми волосами, светлым лицом, с голубыми, как небо, глазами, невестка Бектира и Дыламыш.

Квалификатор **кара** ‘темный’ в основном употребляется в сочетании с наименованиями *боро* ‘серый’, *көк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, реже – с *жасыл* ‘зеленый’: *кара-боро тенгери* ‘темно-серое небо’, *кара-көк талай* ‘темно-синее море’, *кара-күрен кан* ‘темно-коричневая кровь’, *кара-жасыл суу* ‘темно-зеленая вода’ и др. Примеры:

Мында ылгый ла мөштөр өзүп жат. Тайга эмес, кара-көк талай (БУ, Т, 157) – Здесь растут сплошные кедры. Не тайга, а темно-синее море; *Суу теренгине кара-жасыл болуп көрүнүп жаткан* (ЖМ, JJ, 8) – Вода из-за глубины казалась темно-зеленой; *Эртезинде Ротмир чайныйдын эжигинде кара-көк шинельдү, кызыл погондорлу ары-бери баскындап турды* (ЛК, АК, 321) – На следующий день Ротмир расхаживал туда-сюда возле чайной в темно-синей шинели с красными погонами.

Квалификатор **көк** ‘темный’ употребляется только в сочетании с термином *боро* ‘серый’: *көк-боро таш* ‘темно-серый камень’, *көк-боро туман* ‘темно-серый туман’ и др. Примеры:

Тенгери жабынган улу туулардын чакыларынан көк-боро тумандар табылу чөйшүлгилеп жадар (БУ, Т, 33) – Из вершин (букв.: коновязей) величественных гор, укывшихся небом, медленно тянутся темно-серые облака.

Определитель бледного оттенка **куу** сочетается с терминами *көк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, *сары* ‘желтый’, *жасыл* ‘зеленый’. Причем, в составе этих наименований он занимает место как в препозиции, так и в постпозиции: *куу-сары өлөн* ‘бледно-желтая трава’, *көк-куу чамча* ‘бледно-синяя рубашка’, *күрен-куу жабынчылар* ‘бледно-коричневые крыши’ и др.

Примеры: *Мал жайлаган жердин өлөндөри куу-сары боло берди* (ПК, ТАП, 185) – На месте, где провел лето скот, трава стала бледно-желтой; *Серүүн эзин онын терге суулантыган көк-куу чамчалу жалбак жардын чүрчө ле соодып силкип ийди* (СМ, АК, 152) – Прохладный ветерок мигом проветрил его широкую спину в бледно-синей рубашке, мокрой от пота.

Квалификатор **кубакай** ‘бледный’ употребляется в основном с наименованиями *кызыл* ‘красный’ и *сары* ‘желтый’: *кубакай-кызыл тенгери* ‘бледно-красное небо’, *кубакай-сары чечек* ‘бледно-желтый цветок’ и др. Например: *Кургак жердин кубакай чечектери күски серүүнге тындана түжүп, чөл устин жүк ле тоолу күнге кубакай-сары этире бүркеп ийер* (ЖМ, JJ, 7) – Бледные цветы сухой земли, ожив на осеннем ветру, заполняют степь бледно-желтым [цветом] лишь на несколько дней.

Квалификатор **күрен** ‘темный’ и его дериват *күрертим* ‘темноватый’ подчеркивают только темный оттенок красного цвета: *күрен-кызыл бөс* ‘темно-красная ткань’, *күрертим-кызыл алама* ‘темновато-красное яблоко’. Например: *А эки жаагы дезе сыранай ла ол Эмилдин энезинин аламалары ошкош күрертим-кызыл* (БУ, Т, 21) – А две щеки=ее, точно яблоки матери Эмиля, темновато-красные.

Квалификаторы **барынкый** ‘темный’ и **боромтык** ‘тусклый’ зафиксированы в единичных случаях: *барынкый-чанкыр көс* ‘темно-голубые глаза’, *боромтык-жасыл өң* ‘тускло-зеленый цвет’. Примеры:

Коп-коо сынду, кара чачту, барынкый-чанкыр көстү бала (АА, JTJ, 92) – Девушка с очень стройным станом, черными волосами, темно-голубыми глазами; *А омордын отурган столго кандый да боромтык-жасыл өңдү графин тургузылды* (БУ, Т, 375) – А на стол, за которым они сидели, поставили какой-то тускло-зеленый графин.

Аналогичным способом темные и светлые оттенки цвета передаются в других тюркских языках: казах.: *ак сұр* ‘светло-серый’ (о масти); бледнолицый’ (о человеке), *кара көк* ‘темно-синий’, *кара торы* ‘темно-гнедой’ (о масти); смуглый, брюнет (о человеке) [СКЯ 1962: 199]; тоф.: *ак-бора* ‘светло-серый’; *кара-бора* ‘темно-серый’, *кара-гөк* ‘темно-синий’, *кара-һүрөң* ‘темно-бурый’ [Рассадин 1978: 98].

Рассматриваемый способ образования цветовых терминов распространен и в монгольском языке. Здесь термин *цайвар* ‘беловатый’ является определителем светлого оттенка, а термины *хар* ‘черный’: *цайвар шар* ‘светло-желтый’ (букв.: беловато-жел-

тый), *цайвар бор* ‘светло-серый’ (букв.: беловато-серый); *хар хөх* ‘темно-синий’ (букв.: черно-синий), *хар ногоон* ‘темно-зеленый’ (букв.: черно-зеленый), *хар бор*, *хар саарал* ‘темно-серый’ (букв.: черно-серый), *хар хүрэн* ‘темно-коричневый’ (букв.: черно-коричневый).

Бледные оттенки в монгольском языке выражаются при помощи квалификатора – цветотермина *цэнхэр* ‘голубой, светло-голубой’: *цэнхэр хөх* ‘бледно-голубой, светло-серый’, *цэнхэр бор* ‘бледно-серый с голубоватым оттенком’.

В отличие от тюркских языков, в монгольском языке бледные оттенки передаются при помощи квалификатора *өлөн* ‘голодный’: *өлөн бор* ‘бледновато-серый’, *өлөн хара* ‘чуть темный’ (букв.: голодно-черный), *өлөн хөх* ‘бледно-голубой, бледно-синий’ (букв.: голодно-голубой, голодно-синий).

2.2.3. Наименования, выражающие гомогенность цвета

Данные термины в основном образуются при помощи квалификатора *чокым* ‘сплошь, полностью’ (букв.: четкий): *чокым көк* ‘полностью синий’, *чокым күйрен* ‘полностью коричневый’. Следует отметить, что с помощью слова *чокым* ‘сплошь, полностью’ в алтайском языке чаще всего образуются названия мастей лошадей, уточняющие гомогенность окраса: *чокым жеерен ат* ‘полностью рыжий конь’, *чокым кара ат* ‘полностью черный (вороной) конь’.

2.2.4. Наименования, называющие смешанные цвета

Наименования, обозначающие смешанные цвета, образуются путем сложения двух разных основ. По нашей выборке в алтайском языке смешанные цветообозначения употребляются в составе следующих словосочетаний: *кыскылтым-көк тенгери* ‘красновато-синее небо’, *боро-кызыл чедирген* ‘сери-красная искра’, *жжыл-сары жалбырак* ‘зелено-желтый лист’, *жжыл-чанкыр кыра* ‘зелено-голубая пашня’, *көгөлтүрим-сары көстөр* ‘синевато-желтые глаза’, *көк-жжыл мөш* ‘сине-зеленый кедр’, *күйрен-жжыл жалан* ‘коричнево-зеленое поле’, *күйрен-кара кийим* ‘коричнево-черная одежда’,

күйрен-сары агаштар ‘коричнево-желтые деревья’, *кызыл-күйрен чамча* ‘красно-коричневая рубашка’, *кыскылтым-күйрен өң* ‘красновато-коричневый цвет’, *кыскылтым-сары жалбыш* ‘красновато-желтое пламя’, *саргылтым-боро өң* ‘желтовато-серый цвет’, *сарызымак-боро толку* ‘желтовато-серая волна, *сары-күйрен кумак* ‘желто-коричневый песок’, *чанкыр-кызыл тандак* ‘голубовато-красный рассвет’ и др.

В монгольском языке смешанные цвета также образуются путем словосложения. Здесь выделяются следующие наименования: *улбар сагаан* ‘розовато-белый’, *ягаан цагаан* ‘розовато-белый’, *ал шара* ‘красно-желтый’, *цэгээн хөх* ‘пепельно-голубой, серо-голубой’, *шар ногоон* ‘желто-зеленый’, *хөхөвтөр ногоон* ‘синевато-зеленый’, *шарга улаан* ‘палево-красный’, *буурал цагаан* ‘седовато-белый’, *үнсэн хөх* ‘пепельно-голубой, серо-голубой’, *хөх бор* ‘голубовато-серый’, *хүрэн улаан* ‘темно-красный, бордо, багровый’, *ягаан хөх* ‘фиолетовый’ (букв.: розово-синий), *улбар шар* ‘красновато-желтый, оранжевый’.

2.2.5. Парные слова, обозначающие близкие по цветовой гамме цвета

В структурном отношении эти сложные наименования представляют собой парные слова, состоящие из квазисинонимов. Данные цветообозначения обозначают один цвет или почти одинаковые, близкие по цветовой гамме цвета. Образование данных терминов обусловлено прежде всего необходимостью более точно идентифицировать цветовой тон. Один из компонентов этих наименований дополняет, уточняет семантику другого. По нашей выборке самыми регулярными в алтайском языке оказались следующие названия: *ак-буурыл* ‘седой’ (букв.: бело-седой), *борортым-буурыл* ‘сероватый; седой’ (букв.: серовато-седой), *борортым-сур* ‘серый’ (букв.: серовато-серый), *көк-чанкыр* ‘сине-голубой’, *кызыл-жеерен* ‘огненно-рыжий’ (букв.: красно-рыжий), *өлө-чоокыр* ‘пестрый’ (букв.: пестро-пестрый), *тарлан-чоокыр* ‘пестрый’ (букв.: пестро-пестрый). Примеры:

Баабай деп ак-буурыл саалду кижиги оттынг жанында отурды (КТ, КЖ, 59) – Человек по имени Баабай с седой бородой си-

дел возле огня; «*Тышкары кон!*» – деер. «*Көзиме көрүнбе!*» – деп, энезинин *борортым-сур* *көстөри тен соок тош ошкош боло берер* (БУ, СӨ, 29) – «Ночуй на улице!» – скажет. «На глаза мне не попадайся!», – *серые* глаза матери станут холодными, совсем как лед; *А тышкары көк-чанкыр* *тенгериде, тоозы жок жылдыстар* (АА, ÖЧК, 449) – А на улице, на *сине-голубом* небе, несметное количество звезд; *Янында бийик сынду, таларкак, кызыл-јеерен сагалду кижиги турды* (БА, ÖТ, 48) – Рядом стоял высокий, коренастый человек с *огненно-рыжей* бородой.

2.3. Компаративные конструкции с цветовыми компонентами

Особое место в системе цветообозначений алтайского языка занимают компаративные конструкции с цветовыми компонентами. Сравнение является одним из мощных и универсальных средств познания и фиксации окружающего мира. В общетеоретическом аспекте сравнение рассматривается как категория логическая, и как лингвистическая. В логике сравнение осмысливается как прием или процесс познания, абстрагирования и обобщения окружающей действительности. Языковое же сравнение осознается как результат фиксации этого познания: через сопоставление предметов окружающей действительности посредством языка в нашем сознании конструируется целостная картина мира.

Что касается «цветовых» сравнений, то природа этих сочтаний неразрывно связана с цветовой перцепцией. Онтологию формирования компаративных конструкций с цветовыми компонентами можно рассматривать в рамках «теории прототипов» Б. Берлина и П. Кея [1969], идеи которых затем широко развивались в работах американского психолога Э. Рош и ее последователей, Р.М. Фрумкиной, А. Вежбицкой и другими учеными. Суть теории сводится к тому, что в каждой категории есть свой прототип (эталон, «лучший образец»), который воплощает в себе наиболее характерные признаки своей категории и по нему можно опознать

всю категорию в целом. Применительно к цветам можно сказать, что у каждого цветообозначения есть свой «прототип» или «лучший образец», характеризующий его, а иногда и заменяющий.

Возможно, благодаря именно этой закономерности и возникали цветовые категории. Наиболее ярко это явление иллюстрирует А. Вежбицкая на примере английских цветообозначений *gold* ‘золотой’, *golden* ‘золотой, который выглядит как золото’, *silver* ‘серебряный’ и на примере цветообозначений языка австралийского племени варлпири: *yalyu-yalyu* ‘красный’ (букв.: кровь-кровь), *walya-walya* ‘коричневый’ (букв.: земля-земля), *yukuri-yukuri* ‘сине-зеленый’ (букв.: растения-растения) [1996: 234]. К этому ряду можно было бы причислить и такие наименования в русском языке, как *молочный*, *вишневый*, *малиновый*, а также сложные генитивные наименования *цвета вишни*, *цвета меда*, *цвета морской волны*, *цвета чайной розы* и др. Однако, развивая далее другую мысль, А. Вежбицкая утверждает: «Но слова такого рода, как и любые слова, подвержены семантическим изменениям. Например, то, что русское слово *голубой* этимологически восходит к названию голубя, или то, что польское слово *czzerwony* ‘красный’ связано с именем определенного вида красного червя, не означает, что рассматриваемые связи прослеживаются и на синхронном уровне. Конечно, нет: в современном русском *голубой* ясно ассоциируется с цветом неба, а не с цветом голубя» [1996: 282]. Отсюда вытекает вывод о том, что, с течением времени «прототипические» цветовые референты в языках мира часто меняются и оказываются социально и культурно маркированными.

В компаративных конструкциях, как правило, цветовой признак одного предмета служит эталоном сравнения для другого. В алтайском языке компаративные конструкции с цветовыми компонентами используются в основном для точной идентификации цветового оттенка того или иного предмета или явления. В структурном отношении они представляют собой сочетания следующего типа: объект (эталон) сравнения с формальным показателем сравнения – аффиксом =*дый* // =*дий*, =*тый* // =*тий* + цветотермин, характеризующий признак предмета (явления) + сам пред-

мет (явление). Например: *сүт=тий ак көжөгө* ‘белая, как молоко, занавеска’, *күдели=дий ак чач* ‘белые (седые), как лен, волосы’, *тос=тый куу чырай* ‘бледное, как береста, лицо’ и др.

Следует отметить, что цветовые эталоны в анализируемых конструкциях отражают прежде всего специфику окружающей среды, особенности образа жизни народа, его мировосприятия и т.д. По характеру эталона сравнения анализируемые единицы алтайского языка можно подразделить на несколько тематических групп (ТГ).

1. ТГ «Названия животных»: *койондый ак баиш* ‘белая (седая), как заяц, голова’, *койондый ак көбүк* ‘белая, как заяц, пена’, *кускундый кара баиш* ‘черная, как ворон, голова’ и др.

Примеры: «*Не болбогон, нени көрбөгөн*» – деп, карган *койондый ак бажы* селендеп, колында чайлу айагы тыркырап, оттын *жанында араайын куучындап отуратан* (ЖК, ОЖ, 198) – «Чего только не было, чего только не насмотрелись» – старик с трясущейся *белой, как заяц, головой*, с трясущимся в руке чаем, тихо говорил возле огня; *Кускундый кара бажы* куу тумандый кажайган (АБ, 11, 10) – *Черная, как ворон*, голова=его поседела как белый туман.

2. ТГ «Названия растений»: *бороготтый кара көс* ‘черные, как смородина, глаза’, *мешкедий ак жуу* ‘белое, как гриб, сало’, *күделидий ак чач* ‘белые (седые), как лен, волосы’, *тостый куу чырай* ‘белое (бледное), как береста, лицо’ и др. Примеры:

Бороготтый кара көзинди качан ойто көргөйнем? (песня) – *Черные, как смородина, глаза*=твои когда увижу снова?; *Онон удабай күнге, жанмырга бош ло куугарып калган кыскачак чанкыр платъелү, күделидий ак чачту, кап-кара көстү орус кыс чыгып келди* (АА, УБТ, 131) – Вскоре вышла русская девушка с совершенно выпцветшим под солнцем и дождем коротеньким голубым платьем, с *белыми, как лен, волосами* и черными-пречерными глазами.

4. ТГ «Названия металлов»: *теленгирдий куу булут* ‘бледное, как олово, облако’, *куулыдый сары тиш* ‘желтые, как медь, зубы’ и др. Примеры:

Күнчыгышта теленгирдий куу булуттар жүреле, көгөлтирим, онон кызылызмак-сары өңдөргө алдырат (ЭТ, К, 240) – *Бледные, как олово, облака* на востоке вскоре сменили цвет в синеватый, затем в красновато-желтый; *Куулыдый сары тиштү, самтар тонду карган өрөкөн* (НУ, АМ, 18) – С *желтыми, как медь, зубами*, в рваной шубе старик.

5. ТГ «Названия натурфактов»: *кардый ак бөс* ‘белая, как снег, ткань’, *төгөттий кара чач* ‘черные, как деготь, волосы’, *оттый кызыл тандак* ‘красный, как огонь, рассвет’, *тенгирдий чанкыр көс* ‘голубые, как небо, глаза’ и др. Примеры:

Кардый ак кастар кайкылдажып базып жүрет (АА, УБТ, 280) – *Белые, как снег, гуси* ходят, гогочут; *Биске көмүрдий кара негр де, үй кижжи чилеп тар јикпе кийип алган камбоджиец те, ак платъелү арабтар да солун эмес* (АА, ЈТЈ, 133) – Нам ни *черный, как деготь, негр*, ни камбоджиец, как женщина, надевший узкую юбку, ни арабы в белых платьях не в диковинку.

В цветовых сравнениях цветообозначение, по мнению Т. К. Конырова, не только указывает на то, что какой-то член сравнения – предмет, образ или основание – обладает определенным цветом, но и выявляет их сущность, проявляющуюся именно через цвет. Именно эти «цветовые» прилагательные являются одним из средств усиления образности, эмоционально-эстетического воздействия сравнения. По этой причине «сравнительные цвета» выбираются сознательно [1985: 170].

2.4. Цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики

В алтайском языке на базе компаративных конструкций с цветовыми компонентами образуются сложные наименования, выражающие интенсивность цвета, либо уточняющие тот или иной цветовой оттенок: *көд-кара* ‘черный-черный’ (букв.: сажа-черный), *јес-кара* ‘черный-черный; смуглый-смуглый’ (букв.: медь-черный) и др. Основной морфологический показатель компаративности – аффикс *=тый // =дый, =тий // =дий* в данном случае выпадает.

В рамках данного исследования мы называем их *цветовыми наименованиями компаративно-интенсивной семантики*. В выборе данного термина мы опирались на терминологию Ю. В. Васильева, который на материале якутского языка подобные лексические единицы называет сложными аналитическими словами-прилагательными компаративно-интенсивной семантики [1986: 37].

Один из компонентов в анализируемых наименованиях обычно выступает в качестве эталона сравнения, т.е. денотатом, с которым сравнивается определенный цветовой признак, как и в случае с предыдущими компаративными конструкциями, а вторым компонентом является основной цветотермин. В таких наименованиях «денотативный» эталон сравнения может стоять как перед основным цветообозначением, так и после него; семантика наименования при этом не меняется. По названиям «денотативных» компонентов рассматриваемые термины можно распределить по следующим ТГ:

1. ТГ «Названия металлов»: *алтын-сары* ‘золотисто-желтый’ (букв.: золото-желтый), *алтын-кызыл* ‘золотисто-красный’ (букв.: золото-красный), *јес-кара* ‘черный-черный; очень смуглый’ (букв.: медь-черный), *јес-кызыл* ‘медно-красный’ (букв.: медь-красный), *куулы-сары* ‘медно-желтый’ (букв.: медь-желтый) ~ *сары-куулы* ‘медно-желтый’ (букв.: желтый-медь). Примеры:

Јердинг үсти алтын-сары јалбрактар (Шукаева М.) – На поверхности земли золотисто-желтые листья; *Јес-кызыл ай туу бажынан туулып, куулгазын јарыйт* (ЖК, КТ, 105) – Медно-красная луна, появившаяся на вершине горы, чарующе сияет.

2. ТГ «названия жидкостей, веществ»: *кан-кара* ‘черный-черный, густой черный’ (букв.: кровь-черный), *кан-кызыл* ‘кроваво-красный’ (букв.: кровь красный), *кара-төгөт* ‘черный-черный’ (букв.: черный-деготь) ~ *төгөт-кара* ‘черный-черный’ (букв.: деготь-черный), *көд-кара* ‘черный-черный’ (букв.: сажа-черный), *суу-кара* ‘блестящий черный’ (букв.: вода-черный), *терс-кара* ‘черный-черный’ (букв.: сгусток крови-черный), *корон-сары* ‘насыщенный желтый; ядовито-желтый’ (букв.: желтый-яд) ~ *сары-корон* ‘насыщенный желтый; ядовито-желтый’

(букв.: яд-желтый), *чычкак-сары* ‘ядовито-желтый; цвета поноса’ (букв.: понос-желтый). Примеры:

Чыгыш јаар ууланган туулардын сүмөр баитары ак арчуулдый кажайып-кажайып турала, онон кан-кызыл өңлө солына берди (ЭТ, К, 135) – Остроконечные вершины гор, устремленные на восток, белели, как белый платок, затем сменились в кроваво-красный цвет; *Јайгы тенгери канча да кире күркүрөп, күзүрөп, тынзынып турза, андый туранын өзөк-буурына корон-сары тамчылар табарбайтан эмей* (КТ, ТДК, 80) – Сколько бы не грохотало, громыхало, не кичилось летнее небо, во внутрь такого дома ядовито-желтые капли не попадали.

3. «Названия животных»: *јылан-кара* ‘блестяще-черный, черный-черный’, *койон-ак* ‘белый-белый’ (букв.: заяц-белый), *кускун-кара* ‘черный-черный; блестяще черный’ (букв.: ворон-черный), т.е. отливающий блеском, лоснящийся черный, *тас-кара* ‘черный-черный’ (букв.: гриф-черный). Примеры:

Аргымай байдан колхозко айрып алган јылан-кара айгыр болгон эди! (БУ, СӨ, 244) – В колхозе был черный-пречерный жеребец, отнятый у бая Аргымая; *Онын јанында байалгак сынду, ононмынан ла ак кылдар көрүнип келген кускун-кара чачту, өдүңи кара көстү, кызыл чырайлу кижиге турды* (АА, ÖЧК, 280) – Рядом с ним стоял человек невысокого роста, с черными-пречерными волосами с редкими седыми прядями, с пронзительными черными глазами, красным лицом; *Күрөң куртка аларга санангам, тас-каразы ла болды* (Ябыкова) – Хотела купить коричневую куртку, но была только черная-пречерная.

4. «Названия растений»: *кызыл-марал* ‘румяный (о цвете лица); цвета красного багульника’ (букв.: красный багульник), *јуилек-кызыл* ‘румяный (о цвете лица)’ (букв.: ягода-красная), *чийне-кызыл* ‘румяный (о цвете лица); цвета красного пиона’ (букв.: пион-красный). Примеры:

Мариш – тешпек, јаагы кызыл-марал кыс – нени де сеспей, Ааннушка чүрче ле јаактала берген, коштой отурат (СС, АКС, 117) – Мариш – полная, с румяными (букв.: красный-багульник) щеками девушка – ничего не подозревала, Ааннушка тут же, заливаясь соловьем, сидит рядом; *Узак јортты ба, ас па, бир*

көрүп жатса, алдында чийик кара кабакту, чийне-кызыл чырайлу, чичке коо үндү алтай жарап кыс турды (АКК, 91) – Долго ли ехал, коротко ли, смотрит, перед ним стоит красивая алтайская девушка с тонкими черными бровями, с румяным лицом, с тонким нежным голосом.

5. «Названия натурфактов»: *жынтыс-кара* (*жынтыс* < *жылдыс* ‘звезда’) ‘блестяще-черный, иссиня-черный, черный-черный’ (букв.: звезда-черный), *жылдыс-чоокыр* ‘звездно-пестрый’ (букв.: звезда-пестрый), *кызыл-өрт* ‘огненно-красный’ (букв.: красный-пожар), *от-кызыл* ‘огненно-красный’ (букв.: огонь-красный), *кызыл-жалбыш* ‘огненно-красный’ (букв.: красный-пламя). Примеры:

Жынтыс-кара түн кирди (Сартакова) – Наступила темная-темная ночь; *Очоктогы оттын жарыгына ба кандый уулдын жүзи кызыл-жалбыш билдирген* (ЖМ, JJ, 107) – То ли при свете огня в очаге лицо парня показалось огненно-красным.

6. «Названия артефактов»: *торко-жасыл* ‘нежно-зеленый’ (букв.: шелк-зеленый), *торко-сары* ‘нежно-желтый’ (букв.: шелк-желтый), *килин-кара* ‘блестяще-черный, черный-черный’ (букв.: бархат-черный), *килин-көк* ‘блестяще-синий, блестяще-серый’ (букв.: бархат-синий), *көзөр-кара* ‘пестро-черный’ (букв.: игральные карты-черный), *көзөр-чоокыр* ‘пестрый-пестрый’ (букв.: игральные карты-пестрый). Примеры:

Мүркүт бастыра бойы килин-көк болуп бүткен (ЖМ, JJ, 82) – Беркут родился весь блестяще-серым; *Көзөр-чоокыр тайгалары көк чечекле жамыныптыр* (АБ, 11, 40) – Пестрая-пестрая тайга покрылась синими цветами.

7. «Названия продуктов питания»: *сүт-ак* ‘белый-белый; молочно-белый’ (букв.: белый-молоко) ~ *ак-сүт* ‘белый-белый; молочно-белый’ (букв.: молоко-белый), *кызыл-эт* ‘красный-красный’ (букв.: красный-мясо). Примеры:

Алтай улус сүт-ак тындуудан өлтүрүп алза, терезин табыштырбас, өскө кижиге бербес (АКК, 292) – Алтайцы, когда убивают белое-белое животное, шкуру=его не продают, другому человеку не отдают; *Айылдын иргезинен ары жерге жаба ээлип кал-*

ган кызыл-эт кызылгат (ЖК, ОJ, 63) – За порогом дома – согнувшаяся до земли красная-красная кислица.

В алтайском языке подобные цветовые метафорические сравнения (*кызыл-өрт* ‘огненно-красный’, *сүт-ак* ‘молочно-белый’, *көмүр-кара* ‘черный (как) уголь’ и др.) в свое время рассматривала Л. Н. Тыбыкова [1993: 67].

Многие цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики в алтайском языке являются обозначениями мастей лошадей. Причем эталоном цветового сравнения чаще всего становятся названия других животных. Например, чтобы наиболее точно передать пегую, крапчатую масть лошади с какими-либо характерными рисунками, в текстах алтайского героического эпоса используются наименования: *ала-сангыскан* (букв.: пестрый-сорока), *бар-чоокыр* (букв.: тигр-пестрый), *ирбис-чоокыр* (букв.: барс-пестрый), *сангыскан-өлө* (букв.: сорока-пестрый) и др. Примеры:

Абызын-илбизин ат ла ала-сангыскан ат арка-мойнынан тиштежип, база согужа бердилер (АБ, 8, 46) – Мифический конь и пегий конь, кусая друг друга в шею и спину, тоже начали биться; *Бар-чоокыр атка минген Байбарак деп баатыр журтады* (АБ, 2, 28) – Жил богатырь по имени Байбарак, едущий на крапчатом коне; *Анча-мынча болгончо, ирбис-чоокыр ат кара терге түжө берген, ийде-күчи чыга берген* (АБ, 9, 205) – Не прошло и времени, крапчатый конь весь вспотел, силы=его иссякли.

Аналогичные цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики имеются и в монгольском языке. Здесь их можно распределить по следующим ТГ:

1. «Названия растений»: *хулсан шарга* ‘соловый’ (букв.: желтый как тростник ~ бамбук), *зандан хүрэн* ‘коричневый как сандал’, *сухай улаан* ‘багровый’ (букв.: красный как тамариск), *ангир шар* ‘ярко-желтый, светло-желтый’ (букв.: турпан-желтый).

2. «Названия животных»: *хун цагаан* ‘белый как лебедь’, *чандаган цагаан* ‘белый как кролик’, *бар цохоор* ‘полосатый’ (букв.: пестрый как тигр).

3. «Названия камней, металлов»: *сувдан цагаан* ‘жемчужно-белый’, *шүрэн улаан* ‘кораллово-красный’, *номин хөх* ‘лазур-

ный' (букв.: голубой как лазурит), *алтан шар* 'золотисто-желтый'.

4. «Названия жидкостей, веществ»: *усан хөх* 'синий, темно-синий' (букв.: вода-синий), *тос хар* 'блестяще-черный, водянисто-черный' (букв.: масло-черный), *цусан улаан* 'кроваво-красный', *гал улаан* 'огненно-красный', *хөө хар* 'черный как сажа'.

5. «Названия натурфактов»: *цасан цагаан* 'снежно-белый', *үүлэн бор* 'серый как облако', *үүлэн хөх* 'синеватый как облако'.

6. «Названия артефактов»: *торгон хар* 'бархатно-черный' (букв.: шелково-черный); *хилэн хар* 'черный как бархат'.

8. «Названия продуктов питания»: *сүүн цагаан* 'молочно-белый', *өөхөн цагаан* 'белый как жир', *уураг цагаан* 'беж цвет' (букв.: молозиво-белый) [Бертагаев 1971а; Баярсайхан 1996: 58–59].

Как видно из вышеизложенного, цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики в алтайском и монгольском языках с одной стороны, совпадают, с другой – отличаются. В сопоставляемых языках выявлены следующие эквиваленты:

ТГ «Названия животных»: алт. *бар-чоокыр* (букв.: тигр-пестрый) – монг. *бар цохоор* 'полосатый' (букв.: пестрый как тигр); алт. *койон-ак* 'белый-белый' (букв.: заяц-белый) – монг. *чандаган цагаан* 'белый как кролик'.

ТГ «Названия металлов»: алт. *алтын-сары* 'золотисто-желтый' – монг. *алтан шар* 'золотисто-желтый'.

ТГ «Названия жидкостей, веществ»: алт. *от-кызыл* 'огненно-красный' – монг. *гал улаан* 'огненно-красный'; алт. *көд-кара* 'черный-черный' (букв.: сажа-черный) – монг. *хөө хар* 'черный как сажа'; алт. *суу-кара* 'блестяще-черный' (букв.: вода-черный) – монг. *усан хөх* 'синий, темно-синий' (букв.: вода-синий), алт. *кан-кызыл* 'кроваво-красный' – монг. *цусан улаан* 'кроваво-красный'.

ТГ «Названия артефактов»: алт. *торко-сары* 'нежно-желтый' (букв.: шелк-желтый), *торко-жэжыл* 'нежно-зеленый' (букв.: шелк-зеленый) – монг. *торгон хар* 'бархатно-черный' (букв.: шелково-черный); алт. *килин-кара* 'блестяще-черный' (букв.: бархат-черный), *килин-көк* 'блестяще-серый' (букв.: бархат-серый) – монг. *хилэн хар* 'черный как бархат'.

ТГ «Названия продуктов питания»: алт. *сүт-ак* 'молочно-белый' – монг. *сүүн цагаан* 'молочно-белый'.

Отличия эталонов сравнения в алтайских и монгольских цветовых наименованиях компаративно-интенсивной семантики проявляется в выборе тех или иных цветовых эталонов в анализируемых языках. К примеру, в монгольском языке эталоны сравнения *хулсан* 'бамбук', *зандан* 'сандал', *сухай* 'тамариск' в ТГ «Названия растений», прежде всего, характеризуют флору Монголии. В алтайском языке они отсутствуют в силу того, что такие растения на территории Республики Алтай не произрастают.

Таким образом, цветовые термины в алтайском языке в структурном отношении представляют собой простые и сложные наименования, компаративные конструкции с цветовыми компонентами и цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики. Словообразовательные типы цветовых наименований в алтайском языке представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Словообразовательные типы алтайских цветовых наименований

Виды наименований		Способы передачи цветовых нюансов	Примеры
Простые	Основные и оттеночные	–	<i>ак</i> 'белый', <i>кызыл</i> 'красный', <i>чанкыр</i> 'голубой'
	Модификации	Аффиксация	<i>кызылзымак</i> 'красноватый', <i>борортым</i> 'сероватый'
	Модификации	Частичная редупликация, аффиксация	<i>көпдөгди</i> 'синеватый; зеленый-зеленый', <i>апагаи</i> 'беловатый; белый-пребелый'

Сложные	Выражающие интенсивность цвета	Частичная редупликация	<i>кап-кара</i> ‘черный-пречерный’, <i>кып-кызыл</i> ‘красный-прекрасный’
		Полная редупликация	<i>кара-кара</i> ‘черный-черный’, <i>кõн-кõк</i> ‘синий-пресиний’
		Квалификаторы	<i>жарык жажыл</i> ‘светло-зеленый’, <i>карануй кызыл</i> ‘темно-красный’
	Выражающие яркость цвета	Словосложение	<i>ак-боро</i> ‘светло-серый’, <i>кõк-боро</i> ‘темно-серый’, <i>кара-кõк</i> ‘темно-синий’
	Выражающие однородность цвета	Квалификаторы	<i>чокым кõк</i> ‘полностью синий’, <i>чокым кызыл</i> ‘полностью красный’, <i>чокым кӯрен</i> ‘полностью коричневый’
	Смешанные	Словосложение	<i>кӯрен жажыл</i> ‘коричнево-зеленый’, <i>сарызымак-боро</i> ‘желтовато-серый’
	Парные слова, обозначающие близкие цвета	Словосложение	<i>ак-буурыл</i> ‘седой’ (букв.: бело-седой), <i>борортым-буурыл</i> ‘седой’ (букв.: серовато-седой), <i>кõк-чанкыр</i> ‘голубой’ (букв.: синий-голубой)
Цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики	Выражающие интенсивность цвета	Словосложение	<i>кõд кара</i> ‘насыщенный черный’ (букв.: сажа черный), <i>кан-кызыл</i> ‘крово-красный’ (букв.: кровь красный)
Компаративные конструкции с цветовыми компонентами	Идентифицирующие цвет	Аффиксация	<i>сӯттий ак</i> ‘белый как молоко’, <i>кускундый кара</i> ‘черный как ворон’, <i>тостый куу</i> ‘бледный как береста’

§ 3. Синонимия в системе цветообозначений алтайского языка

Важным признаком синонимов является их возможность заменять друг друга в определенных речевых ситуациях. Цветовые синонимы также не исключают такой возможности, но значения их не всегда полностью совпадают. В рамках данного исследования подобные синонимы мы называем *квазисинонимами*. В системе цветообозначений алтайского языка представлены следующие синонимические ряды.

3.1. Синонимический ряд *ак* – *кажагай* ‘белый’

Основным обозначением белого цвета в алтайском языке является слово *ак*. Иногда вместо него используется квазисиноним *кажагай* ~ *кажасак* ~ *кажагар* ~ *кажаар* ‘белый’. Примеры:

Чырайы кара, кõстõри жаан, кажасак. Чек ле маврдын бойы (АА, ЈТЈ, 82) – Лицо смуглое, глаза большие, белые. Совсем как мавр; *Мен слерге Кажагай деп ийт керегинде чõрчõк куучындап берейин, лаптап угар. Ёнги кажагай болгон учун анайда адаган* (Пепилова) – Я расскажу вам сказку о собаке по имени Кажагай, слушайте внимательно. Масть=ее белая была, поэтому так прозвали.

В словарях алтайского языка анализируемое слово не зафиксировано. В этимологическом аспекте лексема восходит к общетюркскому слову *кашга* в значениях: 1) белое пятно (отметина, полоса / звездочка на лбу животных); 2) лошадь с белой мордой и черными кругами у глаз; 3) лысина, лысый; 4) лоб; белый, чистый. В свою очередь, *кашга* восходит к более древней основе **qaš*. От нее в хакасском языке образован глагол *хазар*= ‘сесть, белеть, светать’ (*қаш=ар*=), в тувинском – *қажарар*= ‘белеть (издалека)’; сесть (например, о человеке) [ЭСТЯ 1997: 350]. В алтайском языке от этой основы образован глагол *кажай*= ‘белеть, сесть’.

Лексема *кажагай* ~ *кажагар* ~ *кажаар* ‘белый’ часто замещает слово *ак* в табуированной лексике [Яимова 1990: 74].

3.2. Синонимический ряд *кара – бараан* ‘черный’

Основным обозначением черного цвета в алтайском языке выступает общетюркское слово *кара*. Его синонимом является слово *бараан* ‘темный’. Примеры:

Очко јок эмди көр албазым. Бастыра ла неме бараан көрүнер (КТ, ЭӨП, 49) – Без очков теперь ничего не увижу. Все будет казаться темным; *Та канча кире ой өткөн – бир ле билинип келзем, туранын ичи алкы-бараан, эбире турган телекей – ончолоры жемирилип ле айланыжып тургандый* (БУ, СӨ, 178) – Неизвестно, сколько времени прошло, когда очнулся, в доме [было] темно, мир вокруг – как-будто все рушится и вертится.

В качестве замещения для слова *кара* лексема *бараан* ‘темный’ в алтайском языке используется в табуированной лексике [Яимова 1990: 74].

3.3. Синонимический ряд *јажыл – ногоон – көк* ‘зеленый’

В алтайском языке термин *јажыл* выступает как основное обозначение зеленого цвета. И. В. Кормушин предполагает, что, когда у тюркского слова *көк*, обозначавшего синий, голубой, сизый, серый, зеленый цвета, постепенно стало доминирующим значение ‘синий’, в тюркских языках потребовалось новое обозначение зеленого цвета – *јаşыл*, вторичная форма от *јаş* ‘молодой, молодая (зелень)’ [2001: 604].

Синонимом слова *јажыл* в алтайском языке является лексема *ногоон*. Поскольку данная лексема в алтайском языке заимствована из монгольского языка, то, в отличие от термина *јажыл*, она имеет более узкую сферу употребления. Так, например, в «Ойротско-русском словаре» лексема *ногоон* зафиксирована как обозначение зеленого цвета травы, материи [1947: 113]. В хакасском языке монголизм *ноган* ‘зеленый’ имеет более узкую сферу применения, чем в алтайском. Здесь она используется как цвет артефактов – краски, ткани, посуды [ХРС: 282].

Лексемы *јажыл* и *ногоон* в алтайском языке активно используются при обозначении зеленого цвета молодой свежей травы, зелени. Примеры:

Улус тыттын койу көлөткөзінде, јажыл өлөннин үстінде, тегерийте отуруп ийген эмтир (АА, УБТ, 252) – Люди, оказываются, сели вокруг под густой тенью лиственницы на зеленой траве; *Удаган јокто ло малчылардын отурган јерлеринде јаш өлөн такталып, папиростын учтары ногоон өлөннин ортозында анда-мында агаргылап, сооп калды* (КТ, КЈ, 76) – Вскоре на месте, где сидели табунщики, молодая трава помялась, кончики папирос, белея там-сям среди зеленой травы, остыли.

При обозначении зеленого цвета травы используется и слово *көк*. Например: *Көк өлөндү көмө баспай, көнү јорго барып јадат* (КТ, ТДК, 51) – Не сгибая зеленой травы, скорым ходом идет иноходец.

Таким образом, в синонимический ряд рассмотренные выше лексемы включены только потому, что все они могут обозначать зеленый цвет травы. Однако, как показывает фактический материал, при обозначении листьев растений и деревьев в алтайском языке используется только слово *јажыл* – *јажыл јалбрак* ‘зеленый лист’. Остальные лексемы в таком употреблении не зафиксированы.

3.4. Синонимический ряд *чоокыр – солоон – ала – өлө* ‘пестрый’

Слово *чоокыр* в «Ойротско-русском словаре» зафиксировано в значении ‘пестрый, полосатый’ [1947: 180]. Собранный фактический материал показывает, что в алтайском языке данное слово имеет значения ‘пестрый, полосатый, пятнистый; разноцветный’. Примеры:

Федосья ол јаратта чоокыр сарафаны јайылып, колын јангып, ары-бери јүгүрүп, нени де кыйгырып турар (ЖК, ОЈ, 25) – Федосья на том берегу, с развевающимся разноцветным сарафаном, махая рукой, бегая туда-сюда, о чем то кричит; *Черткиште кулагы, куйругы чолтыйа ужып калган чоокыр уй болгон* (ЖК, ОЈ, 219) – У Черткиша была пестрая корова с отмороженными ушами и куцым хвостом.

Сема «цвет» присутствует и в таком значении лексемы *чоокыр*, как ‘веснушчатый (о лице)’, т.е. лицо, имеющее рыжеватые, коричневые пятна – *чоокыр жүстү* ‘с веснушчатым лицом’.

Лексема *солоон* ‘разноцветный, пестрый; цвета радуги’ выражает цвет различных реалий; в обозначении масти не употребляется. Например: *Солоон өңдү чечектин сөлүзини макалу, ай-андардын өлөңи ак быйанга тузалу* (СС, Э, 53) – Славен нектар разноцветных цветов, полезна трава полевая для домашнего скота.

В словарях алтайского языка эта лексема не зафиксирована и в основном используется в речи жителей Улаганского района Республики Алтай.

Лексема *ала* в «Ойротско-русском словаре» зафиксирована в значениях ‘пегий, пестрый’ [1947: 16]. В алтайском языке анализируемое слово выступает прежде всего как масть лошади и других животных: *Ала тайым арыза, арба береер, нөкөрлөр* (песня) – Когда пегий жеребец=мой устанет, дайте ячмень, друзья; *Бозогонын жанында ала тайгыл уйуктап жатты* (АБ, 8, 102) – Возле крыльца спал пегий пес.

Этимологически анализируемая лексема восходит к древнетюркскому *ala* ‘пегий, в яблоках; разноцветный’ [ДТС: 32]. В современных тюркских языках И. В. Кормушин приводит следующие значения слова *ala*: а) пестрый, пятнистый, крапчатый; пегий (о масти животного); полосатый; б) кожная болезнь в виде белых пятен; в) разреженные всходы; г) веснушчатый; д) лысина; е) равнина, испещренная небольшими песчаными участками; ж) посеревший весенний снег [2001: 607].

Исследователь высказывает мысль о том, что «... данное слово мотивировано не как передающее цветовую окрашенность предметов, но как образ светлых проплешин, пятен или даже полос на фоне более темного окружения на поверхности предметов при их любой цветовой гамме. ... Дальнейшее развитие семантики было связано с закреплением применения этого слова в основном для обозначения окраса шкуры и перьев животных и птиц со светлыми, т.е. белыми, пятнами или полосами... [Кормушин 2001: 607].

Соглашаясь с этим мнением, можно сказать, что *ала* действительно, выражает комбинацию черного и белого (наличие белого на фоне темного). Так, в алтайском языке *ала* обозначает пегую (темную со светлыми пятнами) масть лошади – *ала ат* ‘пегий конь’. Ср. в русском языке лошадь с крупными светлыми пятнами именуется пегой, а с небольшими темными пятнами именуется чубарой [Дыбо 2004: 14–16]. *Ала* обозначает также черно-белое оперение птиц – *ала сангыскан* ‘белобокая сорока’. В следующем случае наблюдается обратное – черное пятно оказывается на фоне белого, например, черный зрачок на фоне белых роговиц – *ала көс* ‘пестрые глаза’.

Применительно к другим предметам и явлениям указанная лексема характеризует более широкую цветовую гамму, нежели черный и белый, и употребляется в более широком значении ‘пестрый’ – *ала тайга* ‘пестрая тайга’, *ала таи* ‘пестрый камень’. Например: *Алтын таишту ала тайга ак мөңкүзи мызылдаган* (АК, АС, 24) – С золотыми скалами пестрая тайга сверкает белыми ледниками=своими.

При рассмотрении дальнейшего семантического развития *ала* в тюркских языках видно, что слово приобрело ряд переносных значений: ‘рознь, несогласие, раздор’, ‘недобрые помыслы, козни’, ‘нечестность’, ‘видный, солидный, недюжинный (о человеке)’ [Кононов 1978: 178].

В алтайском языке в переносном, негативном значении лексема *ала* широко используется в составе фразеологизма *ала көс* ‘злой, недоброжелательный’ (букв.: пестрые глаза).

В составе следующих словосочетаний слово содержит сему «неоднородный, перемежающийся»: *ала күн* (букв.: пестрый день) – о переменчивой погоде, дождливой и солнечной одновременно; *ала-күн жааш* ‘редкий, быстро прекращающийся дождь’ (букв.: пестрый дождь).

Слово *өлө* в «Грамматике алтайского языка» представлено как обозначение пего-соловой масти лошади – *өлө ат* ‘пего-соловый конь’ [1869: 51]. В «Ойротско-русском словаре» лексема зафиксиро-

рована в значении ‘пегий’: *Өлө адына минип алды, онон ары көндүгип барды* – Он сел на своего пегого коня и направился вперед [1947: 119]. По данным О. Т. Молчановой, в составе топонимов Горного Алтая рассматриваемая лексема выступает в значении ‘сивый, седой; пегий’ [1979: 85].

Как показывают материалы алтайского языка, лексема *өлө* обозначает также серый цвет: *Өзөк ичи өлө туман кайнай берди, кырдын бажы кызыл туман борлой берди* (МК, 90) – В долине серый туман стал кипеть, на вершинах гор красный туман стал бурлить.

В обозначении масти животных *өлө* может обозначать разные цветовые оттенки. Результаты опроса информантов показывают, что слово может обозначать как сероватую, сивую, так и соловую масть. Иногда этим словом обозначают пего-соловую масть (с рыжеватым оттенком или рыжеватыми пятнами, крапинками).

Часто *өлө* выступает в составе парного слова *өлө-чоокыр* ‘пестрый’ (букв.: пестрый-пестрый). Примеры:

Өлө-чоокыр армакчым өлөн чылап жазылды (песня) – Пестрый аркан=мой, как трава, расплелся; *«Эмди бис таныш улус» – деп, айдала, Кумдус бойынын түктү колдорун коштойында жаткан жолду таарга сукты. Онон кандый да өлө-чоокыр чаазынга ороп койгон кичинегеш неме чыгарып келди* (БУ, СӨ, 285) – «Теперь мы будем знакомы», – сказав это, Кумдус засунул свои волосатые руки в лежащий рядом полосатый мешок. Оттуда вытащил нечто маленькое, завернутое в какую-то пеструю бумагу.

В дальнейшем, как показывают материалы алтайского языка, слово *өлө* в результате семантической конверсии приобрело значение ‘вышивка, орнамент’. Например: *Алтын-Эргек баатыр уул алтын канатту таш өргөдөдө өлөдү ишдек үстинде отурган көрүндү* (АК, АС, 351) – Богатырь Алтын-Эргек сидит в каменном дворце с золотыми углами на ковре с вышивкой.

В этимологическом аспекте *өлө* в алтайском языке, по всей вероятности, заимствовано из монгольского языка. Ср. монг.: *өл буурал* ‘сизый, сивый, седой’ [МРС: 318], калм.: *өл буурл* ‘сивый, седой, пегий’ [КалмРС: 413], бур.: *үлэ* ‘сивый (о масти), сизый

(о голубе)’ [Б-МРС: 506]. Возможно, тувинское *өле* ‘сивый’ (о масти лошади); ‘седой’ [ТувРС: 335] также заимствовано из монгольского языка.

3.5. Синонимический ряд *боро – сур* ‘серый’

В данном синонимическом ряду лексема *боро* является основным обозначением серого цвета в алтайском языке (семантическая структура данного слова более подробно будет рассмотрена в Главе III, § 5). Его синоним *сур* является преимущественно обозначением светло-серой масти лошади. Но данная лексема употребляется также в обозначении других реалий.

Актуализацию значений лексемы *сур* можно продемонстрировать на примере следующих предложений:

Өдүңи сур көстөриле кандый ла немени лапту көр жүрер (АА, УБТ, 68) – Пронзительными серыми глазами=своими каждую вещь будет внимательно разглядывать; *Суунын, көлдин үстине сур бороон жайыла берди* (АБ, 3, 75) – Над рекой и озером разошлась серая выюга; *Мында жылдыстардын оодыгы ошкош мөңүнзимек, сур чечектер жайканар* (АА, ÖЧК, JÖO, 436) – Здесь станут покачиваться серебристые, словно осколки звезд, серые цветы.

3.6. Синонимический ряд *күрен – күргүл – конгыр* ‘коричневый’

В данный синонимический ряд включены лексемы, которые обозначают каштановый цвет волос. Сфера употребления лексемы *күргүл* в алтайском языке ограничена. Она употребляется только по отношению к цвету глаз и волос человека – *күргүл көс* ‘карие глаза’, *күргүл чач* ‘каштановые волосы’, *күргүл-сары чач* ‘светло-каштановые волосы’. Примеры:

Ол ло сүүри узун тумчук. Ол ло күргүл көс (АА, ÖЧК, 373) – Тот же острый длинный нос. Те же карие глаза; *Ол узун күргүл чачы салкынга элбиреп, ичкери көрүп алган, кайыктап ла жат, кайыктап ла жат* (ЖК, ОJ, 75) – Он с развевающимися на ветру длинными

каштановыми волосами, глядя вперед, все гребет и гребет [веслами].

В словарях алтайского языка рассматриваемое слово не зафиксировано. Этимология слова неясна.

Лексема **конгыр** в основном считается обозначением каурой масти лошади. Но она принимает активное участие и в описании цвета волос. Примеры:

Бу конгыр чачту кўлўкке не керек боло бердим (АА, ÖЧК, JÖO, 236) – Зачем только [я] понадобился этому удалцу с каштановыми волосами; *Чайык токтобосто, жабызабаста, жаан улус жети жашту конгыр-сары кыс тайган* (АКК, 44) – Поскольку наводнение не прекращалось, не убывало, взрослые принесли в жертву семилетнюю девочку со светло-каштановыми волосами.

Согласно Дж. Клосона, тюркское *koñur* (*koñor*) первоначально обозначало масть лошади темно-каштанового или подобного цвета, а затем стало использоваться для более широкого круга предметов, например, в качестве цвета ткани [Clauson 1972: 639].

В алтайском языке помимо цвета волос, лексема **конгыр** может обозначать коричневый цвет других реалий. Примеры:

Конгыр-конгыр чечектер үзүн, коројон эдиң, јепсей берди (АБ, 9, 22) – Нарвав коричневых-коричневых цветов, приготовив [из них] вино, собралась в дорогу; *Төртинчи уулы энеден чыгарда, Кайракан-Жарынактын улдазынын менгине түңгей эки јарын ортозында кой бажындый конгыр мендү баатыр кептү уул болордо, улдазынын ла адазынын адына учурлап Көбөк-Жарынак деп адаган* (СС, АЧА, 16) – Когда родился четвертый сын, который оказался мальчиком-богатырем с коричневой родинкой с овечью голову между двумя лопатками, как у деда Кайракан-Дьярынака, в честь деда и отца его назвали Кёбёк-Дьярынак.

Лексема **конгыр** в алтайском языке является частым эпитетом осени, наряду с выражением *күрен күс* (букв.: коричневая осень) – *конгыр күс* ‘золотая осень’ (время года, называемое в народе «бабым летом»). Например: *Озогыда Алтайды эки катап көдүр јат: 1) кызу јайгыда, өлөң өзүн, агаштын бүри јайылган кийинде; 2) конгыр күсте, агаштын, чечектин бүри саргарган кийинде* (АА, 49) – Раньше моления в честь восхваления Алтая проводили

два раза: 1) в середине лета, после того, как взойдет трава, распустится листва деревьев; 2) осенью, после того, как пожелтеют листья деревьев, цветов.

Таким образом, в рассмотренном синонимическом ряду разница между лексемами *күрен*, *күргүл* и *конгыр* заключается в том, что *күрен* – это каштановый (темно-коричневый) цвет волос. Термин *күргүл* является светлым оттенком каштанового, близкий к русому (светло-коричневый цвет). А *конгыр* – это темно-каштановый цвет, темнее, чем предыдущие цвета.

3.7. Синонимический ряд *кызыл – јеерен* ‘рыжий’

Лексема **кызыл** в алтайском языке служит для обозначения красного цвета. Но с лексемой *јеерен* она составляет синонимический ряд при обозначении рыжего цвета волос, бороды человека. Например: *Чачын ојто ло кызыл өңлө будуп алтыр* (Токтошева) – Волосы=свои снова покрасила в рыжий цвет; *Машинанын кийиндеги эжиги ачылып, онон Алексей Ивановичтин јеерен бажы көрүнип келди* (АА, УБТ, 357) – Открылась задняя дверь машины, из нее показалась рыжая голова Алексея Ивановича.

Что касается лексемы *јеерен*, то она в основном своем значении обозначает рыжую масть лошади и других животных.

Этимологически алтайское *јеерен* восходит к древнетюркскому *jeğrān* ‘гнедой, рыжий’: *jeğrān at binip* ‘сев на рыжего коня’ [ДТС 1969: 253]. По мнению Дж. Клосона, термин *jeğrān* у древних тюрков обозначал каштановый цвет шкуры лошади [Clauson 1972: 914].

3.8. Синонимический ряд *сары – салаа* ‘желтый’

Лексема **сары** в алтайском языке является основным обозначением желтого цвета. В современном алтайском языке лексема *сары* функционирует в следующих значениях: 1) желтый; 2) соловый (о масти); 3) светлый (о лице, о волосах); блондин.

Первое значение слова *сары* реализуется при обозначении цвета предметов окружающей реальности. Например: *Жолды жакалай жабызак сары чечектер өзүн жат* (АА, JTJ, 171) – Вдоль дороги растут невысокие желтые цветы.

В отношении человека лексема *сары* характеризует человека со светлым (белым) лицом, светлыми волосами, блондина – *сары чачту* ‘светлорусый, белокурый’, *сары чырайлу* ‘со светлым лицом’. Примеры:

Николай Күндүевич бышпак сары чырайлу, коркок, тыртык тумчукту, чала ичи жаанп, семирп жүрген кижси болгон (АА, УБТ, 113) – Николай Кюндюевич был со светлым лицом, с горбатым кривым носом, слегка увеличивающимся животом, толстеющим человеком; *Владимир Бугуевич олордын кыбынан жүрүп каларда, быыраш сары чачту инженер Коля каткырып ийди* (БУ, Т, 151) – Когда Владимир Бугуевич вышел из кабинета, инженер Коля со светлыми вьющимися волосами засмеялся.

По отношению к животным лексема *сары* обозначает соловую (светло-желтую) масть лошади (коровы) и других животных. Примеры:

Бир ат, бир уй. Ыстине сары бее. Баштап тарыйын меге жедер (ЖК, ОJ, 73) – Один конь, одна корова. Вдобавок соловая кобыла. Для начала мне хватит; *Сары тайгыл мантап келеле, онын колун изү тилиле жалап ийди* (АА, УБТ, 369) – Желтый пес, подбежав, облизал его руку своим горячим языком.

В текстах художественной литературы, в частности, в произведениях алтайского писателя Д. Б. Каинчина, используется цветовой термин *салаа* – квазисиноним слова *сары* ‘желтый’. В словарях алтайского языка он не зафиксирован. Этимология слова неизвестна.

Сам писатель объясняет, что слово *салаа* обозначает светло-желтый цвет предметов, масть животных: *Тонкурак [уй] Кааканы көрөлө, бажын булгай согуп, «мыш» эдетен, оны ээчий куйругы саргара шалбаартып калган, салаа өндү кунан браадатан* (ЖК, ОJ, 142) – Тонкурак [корова], увидев Каака, мотая головой, шмыгала носом, вслед за ней шла светло-желтая телка с пожелтевшим от грязи хвостом.

3.9. Синонимический ряд *куба* – куу ‘бледный, блеклый’

Лексема *куба* в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого зафиксирована в значении ‘бледный, бледно-желтый; мутный (о воде)’ [1884: 147]. Материалы современного алтайского языка показывают, что слово *куба* свое цветковое значение утрачивает. На современном этапе развития алтайского языка оно в большинстве своем функционирует в значениях: ‘голый, лишенный растительности’, ‘очень, совсем, совершенно’. Данные значения слово *куба* актуализирует в составе словосочетаний *куба чөл* ‘голая степь’, *куба жыланаш* ‘абсолютно голый’, *куба жалтан* ‘очень трусливый’. Например: *Бу куба чөлдүн учына керек десе кускун жетпей, куркуны талып өлгөн эмей* (ЖК, ЭОП, 556) – До конца этой голой степи даже ворон ведь не долетел, устав махать крыльями, умер.

В научной литературе лексему *куу* принято считать стяженным вариантом *куба* [Молчанова 1986: 199; ЭСТЯ 1989: 95]. В «Ойротско-русском словаре» данная лексема зафиксирована в значении ‘белый; бледный; седой’ [1947: 97].

Материалы современного алтайского языка показывают, что анализируемое слово обозначает разные оттенки цвета: бледный, блеклый, белый, серый, седой, бледно-желтый. Сфера его употребления достаточно шире, чем у слова *куба*.

В обозначении белого цвета лексема *куу* в алтайском языке используется для замещения слова *ак* преимущественно при характеристике каких-либо отрицательных явлений. Часто она употребляется в составе словосочетаний: *куу сөөк* ‘белые кости’, *куу баш* ‘череп’ (букв.: белая голова), *куу азу* ‘белый клык’. Примеры:

Куу сөөгүн көрбөгөн болзом, өлгөн деп бүтпес эдим (НУ, АМ, 45) – Если бы не увидел белые кости = его, не поверил бы тому, что погиб; *Мыны көргөн Кара-Кула кускун чылап чыгырды, куу азузын бу жаланды* (МК, 95) – Увидев это, Кара-Кула, как ворон, закаркал, белые клыки облизал.

По мнению С. П. Тюхтеновой, слово *куу* в алтайском языке использовалось вместо слова *ак* для выражения каких-либо отрица-

тельных эмоциональных состояний кого или чего либо [1994: 62]. Так, в алтайском языке лексема *куу* обозначает бледный, часто болезненно-бледный цвет лица. Например: *Келгежсин, энези орында жаткан. Бүдүжи куу* (БУ, Т, 20) – Когда пришли, мать лежала на кровати. Вид=ее бледный.

Ср. в русском языке бледный человек – это человек, не имеющий румянца на лице; обычно как показатель болезни или какого-либо эмоционального состояния [Кульпина 2007: 137].

В значении ‘серый’ лексема *куу* чаще всего выступает в составе сочетаний: *куу булут* ‘серая туча’, *куу туман* ‘серый туман’, *куу тоозын* ‘серая пыль’. Примеры:

Ол тенгери јаар улам сайын көрүп турды. Эмди-эмди ле куу буруттар чыгып келер (АА, УБТ, 374) – Он все время посматривал на небо. Вот-вот появятся серые тучи; *Өзөк ичи байа ла база тызыраган, киркиреген сооктын куу туманыла, журттын ыжына туй туттуртын койгон турды* (ЖК, ОЖ, 136) – Долина стояла, сплошь окутанная серым туманом, трескучим морозом, деревенским дымом; *Ол удабай алдынан өрө жолдын куу тоозынын көдүрүп, доктор баланы учкаштырып ийген једип келди* (АА, УБТ, 136) – Он вскоре приехал на коне, поднимая снизу вверх дорожную серую пыль, усадив сзади девушку-доктора.

Лексема *куу* в алтайском языке обозначает блеклый, выцветший цвет ткани. В данном случае лексема *куу* выступает производящей основой для глагола *куугар* = ‘бледнеть, выцветать’. Например: *Качан да јараш чанкыр өңдү болгон куртка эмди куугарган* – Когда-то красивая голубая куртка теперь выцвела.

Лексемой *куу* в алтайском языке часто обозначают цвет пожелтевшей травы, желтой степи. Например: «*Кулундунын куу чөллө көчүп јүретенис*» *дежетен* (ЖК, ОЖ, 67) – Рассказывали о том, что кочевали по желтой Кулундинской степи.

В деривационном отношении от *куу* в данном значении образовалось слово *куудан* ‘пожелтевшая, засохшая трава’.

Лексема *куу* в алтайском языке также используется для обозначения седых волос. Например: *Турнабайла шиндеп көрүп тургажын, черүнинг кийинде бир куу башту эмеген камдап турган*

эмтир (АБ, 8, 38) – В подзорную трубу удалось разглядеть, что позади войска, оказывается, шаманит некая седоголовая старушка.

Можно сказать, что последние три значения лексемы *куу* ‘блеклый’, ‘седой’, ‘бледно-желтый’ объединяются общей семой ‘выцветший, износившийся, отживший свой век, потерявший былую краску’.

3.10. Синонимический ряд

ак – боро – буурыл – көк – куу ‘седой’

Данные лексемы составляют синонимический ряд только при обозначении цвета седых волос. Для этой цели в алтайском языке чаще всего используется слово *буурыл*, который характеризует наличие, как белых волос, так и волос с серым оттенком: *Ол Аба өбөгөнди кичинек буурыл бажынан ала будына јетире ајыктайт* (БУ, СӨ, 259) – Он разглядывает старика Абу с его маленькой седой головой до ног.

В отличие от предыдущей лексемы, термин *ак* выражает наивысшую степень поседения волос; т.е. характеризует совершенно седые (белые) волосы: *Ачылып арткан эжиктен ак башту карган карайт* (СС, Э, 27) – В распахнутую дверь заглядывает старик с седой головой.

Сероватый, пепельный цвет волос обозначается лексемой *боро*. Этот цвет более темный, чем цвет *буурыл*. То же самое можно сказать и о лексеме *көк* – *көк башту* ‘с седыми, пепельного цвета волосами’. Например: *Эмди онын кулагынын эмеш үсти јаар ла јиткезин эбире бир эмеш чач арткан дежет. Онызы да күл ошкош боро ло өчөмик неме* (БУ, Т, 151) – Говорят, что волос у него теперь осталось чуть выше ушей и вокруг затылка. И то они, как зола, седые и тусклые.

Что касается лексемы *куу* в обозначении цвета седых волос, то, на наш взгляд, семантика слова более близка к семантике лексемы *ак*.

Следует отметить, что в данном синонимическом ряду лексемы *ак* и *буурыл* подчеркивают не только седину волос, но седой цвет бороды – *ак сагал* ‘седая борода’, *буурыл сагал* ‘седая борода’. Остальные лексемы в таком значении не зафиксированы.

Глава III

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТ, В АЛТАЙСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей главе анализируется семантическая структура алтайских слов-цветообозначений *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *кёк* ‘синий’, *боро* ‘серый’ в сопоставлении с их эквивалентами в монгольском языке. Выбор данных слов обусловлен тем, что в ряду других цветообозначений они отличаются широкой семантикой и в лексико-семантической системе алтайского языка относятся к категории многозначных слов.

§ 1. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова *ак* и монгольского слова *цагаан* ‘белый’

Для обозначения белого цвета в алтайском языке служит слово *ак*. Данная именная основа восходит к древнетюркскому *aq* ‘белый’ [ДТС: 48]. Вопрос о ее тюркском происхождении у некоторых ученых вызывает сомнение. Так, она считается заимствованной, хотя из какого именно языка – неизвестно [Севортян 1974: 117]. Согласно Дж. Клосона, *а:к* в тюркских языках изначально обозначал цвет шкуры животного, а позже стал использоваться во всех смыслах [Clauson 1972: 75].

В монгольском языке белый цвет обозначают словом *цагаан*. Этимологию слова исследователи связывают со словом *цагаа* ‘бельмо’ [Санжеев 1941: 36; Бертагаев 1969: 117].

1.1. Семантическая структура алтайского слова *ак* ‘белый’

Во многих мировых культурах белый цвет воспринимается как универсальный символ чистоты, невинности, безгрешности. Это цвет мира, мудрости и святости. Но в некоторых странах Востока,

в частности, в Китае, Корее и Японии, белый цвет считается цветом скорби.

В древней мифологической и эпической традиции тюркских и монгольских народов белый цвет имел магическое значение. С ним связывается все чистое, светлое, доброе. Якобы он предопределял судьбу человека: ‘белый’ → ‘счастливый’, ‘благословенный’, ‘белый’ → ‘долгожитель’ [Благова 1996: 679].

В традиционной культуре алтайского народа белый цвет символизирует божественное начало, святость, чистоту, мудрость и почитается с давних времен. Белый цвет широко применяется в сфере сакрального. Например, в религиозных обрядах алтайского народа всегда применяется белое молоко. Молоко – это один из основных продуктов питания алтайцев, который почитается с давних времен и считается священным. Приверженцы бурханизма, одной из основных форм религии алтайского народа, называют свою веру *ак жан* ‘белая вера’ (*ак сүт жан* ‘молочная вера’), в противовес шаманизму – *кара жан* ‘черная вера’, а верховного бога называют *Ак-Бырман* ‘Белый Бурхан’. Символика цвета сыграла немаловажную роль и в развитии семантики алтайского слова *ак* с первичным значением ‘белый’.

В «Ойротско-русском словаре» слово *ак* зафиксировано в значениях: 1. белизна; белый: *ак чамча* ‘белая рубашка’; 2. белок (яйца, глаза): *жымыртканын агы* ‘белок яйца’; 3. *перен.* правота, невинность [1947: 15].

Собранный нами фактический материал показывает, что в современном алтайском языке слово *ак* обладает достаточно широкой семантикой. Выделяются следующие значения слова: 1. 1) белый; 2) седой; 3) *перен.* священный, сакральный; благословенный; 4) *перен.* чистый, невинный; 5) *перен.* открытый, пустой, незанятый (о местности); 6) совершенно, абсолютно. 2. 1) белок (глаза, яйца); 2) бельмо; 3) молоко; 4) белизна. 3. поляна, открытая (белая) поляна.

В своем основном номинативном значении (ЛСВ₁) лексема *ак* обозначает белый цвет конкретных реалий – натурфактов и артефактов. Примеры:

Эбире турган тайгалар ак сөн карла жабынгылап ийген (БУ, Т, 187) – Стоящая вокруг тайга, покрылась свежим белым сне-

гом; *Кайда, колдорын эжелзен, бу ак чаазыннын үстине сал, журап көрөөк* (КТ, ТДК, 18) – Ну-ка, дай руки, положи на эту белую бу-магу, попытаемся обвести вокруг; *Ак кырулар ай жарыгына мызылдажып жадат* (АА, ÖЧК, 234) – Белый иней сверкает в лунном свете.

По отношению к животным лексема *ак* обозначает белый окрас шкуры животных и оперения птиц – *ак уй* ‘белая корова’, *ак кас* ‘белый гусь’ и др. Например: *Ак ат бороро көрүнип турды* (ЖК, ОЖ, 9) – Белый конь казался серым.

Лексема *ак* в алтайском языке является цветовым определителем следующих ботанических и зоологических терминов: *ак өлөн* ‘пырей’ (букв.: белая трава), *ак терек* ‘серебристый тополь’ (букв.: белый тополь), *ак койон* ‘заяц-беляк’, *ак айу* ‘белый медведь’ и др. Кроме этого, лексема *ак* является компонентом названий некоторых алтайских родов – *ак көбөк*, *ак-тумат* и др.

Семантическая структура слова *ак* в алтайском языке представляется нам иерархически организованной, где главенствующая роль отводится основному значению. По способу связей ЛСВ друг с другом смысловую структуру данного слова мы относим к радиальному типу полисемии. Все производные значения мотивируются основным.

Производно-номинативное значение ‘седой’ (ЛСВ₂) слова *ак* актуализируется при обозначении цвета седых волос. Например: *Эрел Миронович ак чачту бажын кыйын салып, бойынын сүүгөн романсын кожондоп турган* (АА, ÖЧК, 234) – Эрел Миронович исполнял свой любимый романс, склонив набок седую голову=свою.

Отдельную группу производных значений слова *ак* составляют значения, образованные на основе различных ассоциативных связей – путем метафорического переноса.

ЛСВ₃ ‘священный, сакральный, благословенный’. Данное переносное значение слова *ак* мы расцениваем как метафорическое. Его возникновение связано прежде всего с религиозными представлениями алтайского народа. К примеру, в алтайском языке выражением *айдын ак толуну* (букв.: белое полнолуние) называют 14–15 дни полнолуния. Этот период времени в мировоззрении ал-

тайцев считается самым благоприятным для человека. В эту пору Всевышний особенно благоволит к нему.

Значение ‘священный, сакральный, благословенный’ слова *ак* очень часто реализуется в религиозной терминологии. По утверждению известного этнографа Л. П. Потапова, в алтайском шаманизме термином *ак адан* ‘чистый, священный адан’ (букв.: белый взрослый холощеный ездовой верблюд) назывался шаманский бубен во время камлания [1969: 66].

Почитая домашний скот, алтайцы образно называют его *ак мал* (букв.: белый скот). Здесь подразумевается благословенный свыше, честно нажитый скот. Семантику этого выражения фольклорист М. А. Толбина связывает с особенностями жизнедеятельности алтайского народа. «С незапамятных времен основным занятием алтайцев было скотоводство, поэтому сочетанием *ак мал* называют скот, дающий белое молоко, скот, мясом которого человек питается и из шкуры шьет одежду» [Толбина 1989: 52].

Примеры: *Алкы-жөөжөзи, ак малы да олоордын көптөн, төрт саар уйга, үч атка, журме-одус койго једиже берген* (ЖК, АЛЧ, 40) – Богатство, да и честно нажитый благословенный скот у них, приумножаясь, увеличился до четырех дойных коров, трех лошадей, двадцати-тридцати овец; *Бу эмдиги албаты-јон ак малын көптөдө өскүрбей јат* (ЖК, КТ, 20) – Сейчас нынешний народ домашний скот много не держит.

Кроме этого, домашний скот в алтайском языке называют *ак быян* (букв.: белая благодать). Примеры:

Ак быяннан алып келгени сыңар мүүстү јеерен ийнек болгон болтыр (СС, АЧА, 12) – То что выбрал из домашнего скота, оказывается, стала однорогая, рыжая корова; *Малданган ак быяны – сары-чоокыр јабаа, алты сары эчки болды* (АБ, 9, 128) – Домашний скот его состоял из солово-пестрого годовалого коня, из шести рыжих коз.

Ср. в киргизском языке сочетание *ак мал* имеет значение ‘собственный, честно нажитый скот’ [КиргРС: 37]. В хакасском фольклоре *ах мал* (букв.: белый скот) – благополучно содержащийся богатырский скот [ХРС: 230].

ЛСВ₄ ‘чистый, невинный’. Это переносное значение возникло на основе метафоризации и реализуется при определении положи-

тельной характеристики человека. Например: *Özögis бистинг ак болзын, öрö öзöрис чонг болзын* (СМ, ЈС, 26) – Пусть душа наша будет чиста (букв.: нутро наше будет белым), пусть возвышение наше будет качественным.

Данное значение лексемы *ак* часто реализуется в составе различных метафорических сочетаний как, например, *ак жүрек* ‘чистая душа’ (букв.: белая душа). Например: *Јон баиштаарга ак жүрек керек, јаманга јайдырып нени эдерин?* (СС, Э, 122) – Чтобы возглавлять народ, нужна чистая душа, склонившись в сторону зла, что можно сделать?

В деривационном отношении от *ак* ‘чистый, невинный’ образовано слово *акту* ‘чистый, невинный’ (*ак* > *ак=ту*, формант =*ту* является аффиксом обладания).

Сопоставление семантики слов, обозначающих белый цвет в языках разных систем, приводит к интересным выводам: данные лексемы имеют тенденцию развивать переносные значения ‘пустой, голый’. В. Г. Гак отмечает, что в китайском языке слово *bai* ‘белый’ развивает переносные значения ‘пустой, голый’; ‘напрасно, впустую, зря’. В английском, французском и итальянском языках слова, обозначающие белый цвет, определяют объекты, у которых недостает характерного, существенного: англ.: *coup blanc* ‘холостой выстрел’, *nuit blanche*, *white night* ‘бессонная ночь’, *white war* ‘война без кровопролития’; фр.: *mariage blanc*, ит.: *matarimonio bianco* ‘фиктивный брак’, *omicidio bianco* ‘убийство без убийцы’ (например, несчастный случай). На основании приведенных фактов исследователь приходит к мнению о том, что «сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляется в пространстве и во времени», и «разные языки, независимо друг от друга, прибегают к одинаковым метафорическим переносам» [Гак 1988: 21–22].

Сказанное выше относится и к семантике алтайского слова *ак*. Здесь оно выступает в значении ‘открытый, пустой, незанятый (о местности)’ (ЛСВ₅). Это значение возникло на базе основного путем метафорического переноса. Реализация данного значения осуществляется при описании открытого, незанятого, безлесного

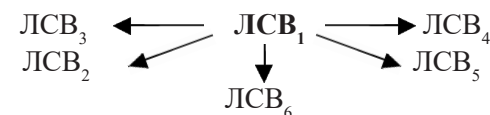
пространства. В рассматриваемом значении лексема выступает в составе следующих словосочетаний: *ак јер* ‘чистое, открытое, пустое место’ (букв.: белое место), *ак јаланг* ‘чистая, открытая поляна’ (букв.: белая поляна), *ак чөл* ‘пустынная, голая степь’ (букв.: белая степь). Примеры:

Бу ла тушта кўннинг чокторы ак јаланнын јўстине јайыла тўшкен (АА, ÖЧК, 264) – Как раз в это же время солнечные лучи раскинулись по всей открытой поляне; *Бу Алтай, эр кижии айландыра көрөр болзо, ак чөл, агаши-эши јок, оттый ла јаланг* (АКК, 141) – Этот край, когда мужчина оглянулся вокруг, пустынная степь, без деревьев, голая степь (букв.: будто огонь [прошел] степь).

В алтайском языке лексема *ак* в усилительном значении ‘совершенно, абсолютно’ (ЛСВ₆) выступает в составе следующих предложений: *Бу ак тымыкта јангыс ла койлор мааражат, ортозында ломдоп турган тон јер кўнкўлдейт* (ЈК, КТ, 127) – В этой абсолютной тишине (букв.: в белой тишине) лишь овцы блеют, в промежутках грохочет мерзлая земля, которую колотят ломом; *Төгөриктинг ичи туйук кар. Эбуре ак тымык* (БУ, Т, 281) – В Тегерике сплошной снег. Вокруг абсолютная тишина.

Таким образом, по типу соединения отдельных ЛСВ друг с другом смысловая структура слова *ак* относится к радиальной полисемии. Семантическая структура слова *ак* в алтайском языке представляется нам имеющей следующую схему:

Схема 4

В рамках данного исследования особый интерес представляет также рассмотрение семантики слов *ак* ‘белок (глаза, яйца)’, *ак* ‘бельмо’, *ак* ‘белизна’ и *ак* ‘молоко’, производных от *ак* ‘белый’. По нашему мнению, они образованы на основе метонимического переноса в результате расщепления значений полисеманта *ак*. Указанные слова на данном этапе имеют статус самостоятельных

слов и по отношению к исходному *ак* ‘белый’ выступают в качестве омонимов. Однако связь с исходным значением ‘белый’ они полностью не утратили, в их семантической структуре сема «белый цвет» все же присутствует.

Лексема *ак* ‘белок (глаза, яйца)’ свое значение реализует в составе изафетных сочетаний *көстинг агы* ‘белок глаза’, *жымыртканын агы* ‘белок яйца’. Примеры:

Ачынган кийинде Метрейдинг көстөринин агына кандый да чичкечек ле кызыл тамырлар тургуза ла тартылыжа берер (БУ, СӨ, 81) – Когда Метрей сердился, в тот же момент в белках [его] глаз появлялись какие-то тоненькие и красные кровеносные сосуды; *Жымыртканын сарызы кату болзын деп араай отко кайнадар керек, жаан отко кайнатса, агы кату, а сарызы суузымак болот* (Чандыева) – Чтобы желток яйца был твердым, надо варить на медленном огне, если варить на быстром огне, белок бывает твердым, а желток жидковатым.

Лексема *ак* ‘бельмо’ реализует свое значение чаще всего в составе сочетания *көзине ак түшкен* ~ *көзине ак түжүп калган* ‘в глазах появилось бельмо’ (букв.: на глаза белое опустилось). Примеры:

Чындап та, куучын тындап отурган улус байагы кижинин көзине көрөрдө, эки көзине ак түжүп калтыр (АКК, 145) – И вправду, когда слушавшие речь люди посмотрели в глаза того человека, оказывается, оба глаза его были покрыты бельмом; *Ол ак түжүп калган, тегин де жаан тосток көстөрүн (олор нени де көрбөс, сокор до болзо) там жаанада ачыл алды* (ЖК, АЖÖ, 142) – Он раскрыл и без того большие глаза с бельмом (хотя они ничего не видят, слепые) еще шире.

У лексемы *ак* ‘белизна’ реализация значения осуществляется в основном в составе изафетных сочетаний, репрезентирующих семантические корреляции «часть – целое». Например, *тишитин агы* ‘белизна зубов’, *тенгеринин агы* ‘белизна неба’ и др. Например: *Эй, бистинг кажыбыс ла бу чанкыр Алтайдын чанкырын, бу агару ак Алтайдын агын, бу жажыл Алтайдын жажылын, онын бастыра жүзүн будуктарын көрүп жүрген тужыста, слерди ундып болбозыс, ундыбаганыс, кайран энелер, шыраны женген ал-*

тай энелер (БУ, СӨ, 190) – Эй, каждый из нас, пока имеет возможность любоваться этой голубизной голубого Алтая, этой белизной священного и чистого Алтая, этой зеленой зеленого Алтая, всеми этими его красками, не сможем забыть вас, дорогие мамы, победившие горе алтайские матери.

Реализация значения лексемы *ак* ‘молоко’ осуществляется при обозначении молока и молочных продуктов. Примеры: *Алтай ээзин санга салган арчынла, аш-курсакла, кыйра илип, акла үрүстеп уткыыр* (АА, 63) – Хозяина Алтая привечают можжевельником и едой, возложенными на жертвенник, повязав ленточки – *кыйра*, окропляя молоком; *Аркага кирзе – сангыс чайнап өдөр, айылга кирзе – ак амзап чыгар* (загадка) – В лес пойдет – серу жует, в дом войдет – молока отведают.

Молочную водку – *араку*, изготавливаемую из молока, в алтайском языке образно называют *актан тамган аш* ‘напиток, изготовленный из молока’ (букв.: из молока процеженный напиток) либо изафетным сочетанием *актын аракызы* (букв.: арака молока). Примеры:

Бу актан тамган аш эди (АА, А, 82) – Это молочная арака; *Бир эмеш актын аракызын азып алган, бир шил шампан да бар* (СС, Э, 198) – Немного араки приготовила, есть и бутылка шампанского.

Кроме того, следует отметить, что от *ак* в значении ‘открытый, пустой, незанятый (о местности)’ (ЛСВ₃) образовано слово *ак* ‘открытая поляна, белая поляна’, которое также получило статус самостоятельного слова: *Акта да, агашитын аразында да тынду ла неме көрүнбеди* (ШЯ, ÖТ, 125) – Ни на открытой поляне, ни в лесу не встретилось живого существа.

1.2. Фразеологически связанные значения слова *ак*

В составе фразеологических единиц (далее ФЕ) лексема *ак* в алтайском языке в основном выражает положительную коннотацию. Все фразеологизмы с цветовым компонентом *ак* мы разделили на две фразео-тематические группы (далее ФТГ): ФТГ «Лицо» и ФТГ «Не-лицо».

1.2.1. ФТГ «Лицо»

В составе ФЕ, входящих в данную группу, лексема *ак* выражает самую высокую положительную характеристику человека. В своих фразеологически связанных значениях анализируемая лексема актуализируется в переносных значениях ‘чистый, искренний’, ‘честный’, ‘добрый’ и др. Это следующие фразеологизмы.

Ак сагышту ~ ак санаалу ‘добрый, доброжелательный, отзывчивый’ (букв.: с белой мыслью). Например: *Олордын жыду санаазыла болзо, ак-жарыкта ару күүндү, ак санаалу бир де кижжи жок* (АА, УБТ, 364) – По их гнусным представлениям, на белом свете нет ни одного чистосердечного, доброго человека.

Ср.: хак.: *ах сагыстыг* ‘честный, открытый, без задних мыслей’ (букв.: с белой мыслью) [КФСХЯ: 26].

Ак жүректү ‘добросердечный, добродушный, отзывчивый’ (букв.: с белым сердцем). Например: *Жердин үстинде ачык-жарык, ак жүректү улус түңгей ле көп* (Елдошева) – На земле добросердечных, отзывчивых людей все равно много.

Ак-чек санаалу ‘честный, добросовестный, порядочный’ (букв.: с белой-честной мыслью). Например: *Онон ло бери Чама бу ак-чек санаалу уулды көрбөс болгон* (АА, УБТ, 192) – С тех пор Чама невзлюбил этого честного парня.

Ср. тув.: *ак сеткилдиг* ‘честный, добросовестный, бескорыстный’ (букв.: с белой душой) [Хертек 1978: 20].

Актын агы ‘честнее честного’ (букв.: белый из белого). Например: «*Je, je, айдарда, актын агы болорго турун, ба, уул?*» – *деп сурайла, Токпоев база өрө туруп келди* (АА, А, 141) – Спросив: «Ну-ну, значит, хочешь быть честнее честного (букв.: белее белого), парень?», – Токпоев тоже встал.

Структура этого фразеологизма представляет собой форму «четвертого изафета» (соединение двух форм одного слова, первый компонент которого имеет форму родительного падежа =*тын*, а второй – аффикс принадлежности =*ы*). В алтайском языке подобные сочетания впервые были рассмотрены А. Т. Тыбыковой: *келиндердин келини* ‘из всех снох’, *баатырдын баатыры* ‘самый сильный богатырь’ (букв.: богатырь из богатырей) [1991: 164–165].

1.2.2. ФТГ «Не –лицо»

В составе ФЕ, входящих в данную группу лексема *ак*, как и в предыдущей группе, содержит положительную коннотацию. Рассматриваемая группа представлена следующими ФЕ.

Ак сагыш ~ ак санаа ‘добро; чистые помыслы, благие намерения’ (букв.: белая мысль). Примеры:

Ак сагышты карартып болбозын, кара сагышты агартып болбозын (поговорка) – Добро не очернишь, зло не оправдаешь (букв.: не обелишь); «*Албаты-жоннын ак санаазын жаба базарга ба?!*» – *деп, Мойно оны жоон корчок сабарыла кезедип, ичкери энчейип, фуфайказынан тарылгазын чечип, айтты* (АА, УБТ, 46) – «Хочешь подавить благие намерения народа?!», – сказал Мойно, угрожая ему большим кривым пальцем, наклоняясь вперед, снимая с фуфайки металлическую бляшку.

Акту сөс ‘честное слово; сокровенное слово’ (букв.: слово с белым). Формант =*ту* в первом компоненте (*ак=ту*) рассматриваемого фразеологизма является аффиксом обладания. Например: *Акту сөзим: шоктободым, менле та не болгон – бойым да билбезим!* (БУ, Т, 115) – Честное слово=мое: не шучу, что со мной случилось – и сам не знаю!; *Бойынын акту сөзин, кандый бир санааларын бичип саларга күүнзеген. Онон оны балдары чыдагылап келзе, кычырлазын деп* (ЧА, ЧУТ, 174) – Свои сокровенные слова, некоторые мысли пожелал написать [на бумаге]. Чтобы затем, когда дети вырастут, прочитали их.

Актын акка ‘откровенно, начистоту; с глазу на глаз, лично’ (с белого на белое). Примеры:

«*Слер мени чын ондогоныгар, слер меге чын жартаганыгар!*» – *актын акка председателиди өчөди* (БУ, Т, 237) – «Вы меня правильно поняли, вы мне правильно объяснили», – откровенно передразнил председателя; *Актын акка таныжып алала, кан уулы Катан-Коо карузып, мынайда айтпай кайтты: «Мен билетен жон болзо, ойто айланып келгенчем, ончозын баштап жаткар»* (АБ, 11, 100) – Лично познакомившись [с ним], ханский сын Катан-Коо сказал так: «Мой народ, пока назад не вернусь, всем управляйте».

Агынча айт = ‘говорить откровенно, начистоту; честно признаться’ (букв.: с белое говорить). Например: *Агынча айтса, газетчилердин ижинен ыраак турган* (БУ, Т, 239) – Признаться честно, он был далек от работы газетчиков.

Акту жерге ‘безвинно; без причины, на пустом месте’ (букв.: на чистом (белом) месте). Первый компонент рассматриваемого фразеологизма имеет в своем составе показатель обладания – формант =*ту* (*ак=ту*), а второй – формант =*ге* (*жер=ге*), аффикс дательного падежа. Например: *Акту жерге айдатканымды, канча шыра көргөнімди – ончозын ол бичикте айдып салдым* (АА, ÖЧК, 316) – О том, как безвинно был угнан, сколько мучений испытал – обо всем написал в той книге.

Довольно часто данный фразеологизм употребляется в сокращенном варианте *актуга* (< *акту жерге*) ‘без вины, безвинно; без причины, на пустом месте’. Например: «*Кижини улус актуга канайып ла жамандайтан эмтир*» – *деп, Жанарай карыкчылду айтты* (ЖМ, JJ, 65) – «Люди, оказывается, человека на пустом месте всячески могут опорочить», – печально произнесла Дбанарай.

Наряду с лексемой *ак* в образовании фразеологизмов активное участие принимает его дериват *акту* ‘чистый, невинный’. Фразеологические единицы с этим компонентом, приведенные ниже, также выражают положительную оценку.

Акту күүн ‘сокровенные мысли; добрые, чистые побуждения’ (букв.: чистое желание). Например: *Томуртка онын санааларын сезип, акту күүнин чыгара айдат* (ЖК, КТ, 118) – Томуртка, догадавшись о его мыслях, начал рассказывать о сокровенных мыслях=своих.

Акту жүрегинен ‘от всей души, от чистого сердца; искренне’ (букв.: от чистого сердца=его). Например: *Букыстын, Нуркештин, ырызын, нөкөр командир, бүгүн аргадаганаар учун, слерге акту жүрегимнен алкыш айдып турум* (ИШ, Ö, 48) – За то, что сегодня спасли жизнь (букв.: счастье) этой девушки Нуркеш, товарищ командир, от всей души выражаю вам благодарность.

Акту күүнинен ‘от всей души, от чистого сердца; искренне’ (букв.: от чистого желания=его). Примеры:

Мен слерди акту күүнимнен уткып, ырысту болыгар деп күүнзең турум (ЛК, ЛП, 100) – Я поздравляю вас от чистого сердца, желаю вам счастья; *Бу тужында эжеме чын ла акту күүнимнен килей бердим* (КТ, КJ, 186) – В этот момент [я] действительно искренне посочувствовал сестре.

Таким образом, в своих фразеологически связанных значениях лексема *ак* выражает мелиоративную (положительную) оценку, что детерминировано символикой белого цвета.

1.3. Семантическая структура монгольского слова *цагаан* ‘белый’

В монгольско-русских словарях слово *цагаан* представлено в следующих значениях: 1. 1) белый; 2) *перен.* незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый; 3) *перен.* легкий, нетрудный; 2. 1) белизна; 2) белок; 3) белая (траурная) одежда [МРС: 600–601; БАМРС: 243–244].

Анализ семантической структуры монгольского слова *цагаан* позволяет говорить о его многозначности. В рамках данной работы мы выделяем следующие значения слова: 1. 1) белый; 2) *перен.* молоко; молочный (о продуктах); 3) *перен.* священный, сакральный; 4) *перен.* незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый; 5) *перен.* легкий, нетрудный; 6) *перен.* открытый, незанятый (о местности); 2. 1) белизна; 2) белок; 3) траурная (белая) одежда.

В своем основном значении (ЛСВ₁) слово *цагаан* обозначает белый цвет, воспринимаемый человеческим зрением. Оно является цветовым определителем в составе специальных терминов: названий металлов: *цагаан алт* ‘платина’ (букв.: белое золото); *цагаан* ‘серебряные монеты, серебро’ (букв.: белая деньга), *цагаан төмөр* ‘жесть (букв.: белое железо)’, *цагаан тугалга* ‘олово’; зоологических терминов: *цагаан тэмээ* ‘белый верблюд; тарантул’; *цагаан үнэг* ‘песец’ (букв.: белая лиса), *цагаан өтөг* ‘белый медведь’; ботанических терминов: *цагаан бургаас* ‘ива Лебедура’, *цагаан гоёо* ‘заразиха’, *цагаан ерхөг* ‘житняк гребенчатый’, *цагаан лууван* ‘редька’, *цагаан мөөг* ‘шампиньон полевой’, *цагаан ногоо* ‘белая капуста’, *цагаан ортууз* ‘остролодочник шиповатый’, *цагаан*

суль ‘волосенец гигантский’, *цагаан түрүү* ‘эдельвейс’, *цагаан тэрэлж* ‘багульник болотный’, *цагаан цэнээ* ‘пион белоцветный’ и др. [МРС: 600; БАМРС: 243; Бертагаев 1971а: 106].

В монгольской языковой картине мира слово *цагаан* выражает в основном положительную коннотацию, чему, безусловно, способствовала символика белого цвета. В мировидении монголов белый цвет воспринимается как благоприятный, хороший цвет и соотносится с молоком и молочными продуктами, олицетворяет чистоту, свежесть, доброту, святость. Словом *цагаан* в монгольском языке называют молоко и молочные продукты (ЛСВ₂): *цагаан идээ* ‘молочные продукты’ (букв.: белые продукты); *гурван цагаан* ‘три белых (молоко, масло, тарак)’, *цагаа* ‘кипяченая простокваша’, *цэгээ* (*а* // *э*) ‘кумыс’, *цагаалах* ‘угощать молочными блюдами’ [МРС: 601; Санжеев 1930: 100].

С почитанием молока в монгольском языке связано появление термина *Цагаан сар* ‘первый (весенний) месяц года (по монгольскому летоисчислению)’, т.е. Праздник нового года (букв.: Белый месяц). Некогда этот праздник у монголов был перенят алтайцами, у которых, как уже отмечалось (см. Глава I, § 1), он называется *Чагаа-Байрам* ‘Новый год’ (букв.: Белый праздник).

Особенности проведения этого праздника исследователь монгольского языка Е. Баярсайхан комментирует следующим образом: монголы, чтобы скрасить скудные весенние дни, достают хранившиеся (экономно потреблявшие) молочные припасы и Новый год встречают обильным «белым» столом. Этим, несомненно, стремятся вызвать будущее изобилие молочных продуктов, поскольку именно с этого времени начинается приплод скота [1996: 57].

Символика белого цвета как символа чистоты, святости и добродетели способствовала появлению у слова *цагаан* переносного значения ‘белая (траурная) одежда’: *цагаан өмсөх* ‘надеть белый (траурный) костюм’. По словам информанта Б. Бямбаахуу, в мировоззрении монголов белое одеяние на умершем означает чистоту и добродетель покойного, т.е. умерший должен отправиться в мир иной чистым, незапятнанным.

Как пишет О. В. Праченко, использование белого цвета для траурных белых одежд в Риме и долгое время по всей Европе сим-

волизировало не печаль, а посвящение в новую жизнь, ожидающую умершего. В обрядах инициации, бракосочетания и других ритуалах белый цвет символизирует переход в иное состояние [2004: 5]. Для погребальных обрядов алтайского народа такое явление не характерно.

Материалы монгольского языка показывают, что слово *цагаан*, как и алтайское слово *ак*, актуализируется в переносном значении ‘священный, сакральный’ (ЛСВ₃). Об этом свидетельствуют следующие сочетания: *эйхин цагаан сүү* ‘материнское святое молоко’ (букв.: белое молоко), *цагаан ном* ‘священная сутра’ (букв.: белая сутра), *арван цагаан буян* ‘десять благих заповедей (деяний)’ (букв.: десять белых заповедей): не убивать, не красть, не развратничать, не лгать, не ябедничать, не болтать, не ссориться, не завидовать, не причинять вреда, не выступать с лжеутверждениями’ [МРС: 601; Баярсайхан 1996: 57].

Следует отметить, что данное значение в монгольско-русских словарях как отдельное не выделено. В словарных статьях эти сочетания приведены в качестве примеров.

На основе символика белого цвета у слова *цагаан* в монгольском языке также возникло переносное значение ‘незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый’ (ЛСВ₄). В данном значении лексема *цагаан* актуализируется в составе словосочетаний: *цагаан хаан* ‘русский царь’ (букв.: белый, великодушный, добрый царь), *цагаан бурхан* ‘оспа’ (букв.: белый, добрый бог, добрый будда). В последнем случае, в названии болезни, как уточняет О. Энхдэлгэр, лексема *цагаан* имеет табуированную характеристику [1996: 17].

В алтайском языке со времени вхождения алтайского народа в состав Российского государства (вторая половина XVII в.) русского царя также стали называть *Ак каан* ‘Белый царь’. Но здесь, видимо, эпитет *ак* связан с цветовой геосимволикой центрально-азиатских кочевников, где белый цвет ассоциируется с Западом.

Белый цвет в представлении монголов, в отличие от алтайцев, может олицетворять легкость и простоту. Эта особенность отражена в переносном значении слова *цагаан* ‘легкий, нетрудный’

(ЛСВ₃): *цагаан бичиг* ‘текст, написанный простым алфавитом без транскрипционных знаков’; *цагаан үсэг* ‘простой алфавит без транскрипционных знаков’; *цагаан толгой* ‘азбука, алфавит (букв.: легкое начало)’; *цагаан ханиад* ‘легкий грипп’ [МРС: 601]; *цагаан зам* ‘хорошая (гладкая, без препятствий) дорога’ (букв.: белая дорога), *хөнөгөн цагаан* ‘алюминий’ (букв.: легкокованный белый металл) [Баярсайхан 1996: 57].

Как и алтайское слово *ак*, монгольское *цагаан* актуализируется в переносном значении ‘открытый, незанятый’ (ЛСВ₆). В этой позиции оно обозначает открытое, незанятое пространство: *цагаан тал* ‘открытая степь’ (букв.: белая степь) [МРС: 386]. Данное значение в словарях как самостоятельное не выделено.

У монгольского слова *цагаан*, как и у алтайского *ак*, видимо, в результате расщепления семантики образованы *цагаан* ‘белизна’ и *цагаан* ‘белок’: *шүдний цагаан* ‘белизна зубов’; *нүдний цагаан* ‘белок глаза’, *цагаан уураг* ‘белок (яйца)’ [БАМРС: 243; Санжеев 1941: 36]. Эти лексемы омонимичны лексеме *цагаан* ‘белый’.

В своих фразеологически связанных значениях лексема *цагаан* обозначает в основном реальный белый цвет, а также выражает мелиоративную оценку. В монгольском языке представлены следующие фразеологические единицы: *цагаан санаа* (букв.: белая мысль; намерение) // *цагаан сэтгэл* (букв.: белая мысль; мнение) ‘незлобивость, прямодушие, чистосердечность’, *цагаан санаат* (букв.: с белой мыслью; намерением), *цагаан сэтгэлт* ‘незлобивый, чистосердечный’ (букв.: с белой мыслью; мнением), *гар цайлах* а) дать, давать что-л. в благотворительных целях; б) преподнести что-л. в подарок, одарить (букв.: руку делать белой или бледной) [Пюрбеев 1972: 128], *цагаан үйлс* ‘добрые дела’ (букв.: белые дела), *цагаан санаа* (букв.: белая мысль; намерение) // *цагаан сэтгэл* (букв.: мысль; мнение) ‘незлобивость, прямодушие, чистосердечность’, *цагаан санаат* (букв.: с белой мыслью; намерением), *цагаан сэтгэлт* ‘незлобивый, чистосердечный’ (букв.: с белой мыслью; мнением), *цагаан хүн* ‘добродушный человек; человек, восприимчивый к инфекционным болезням’ (букв.: белый человек) [МРС: 600; Бертагаев 1971а: 106].

Следует отметить, что в составе фразеологизмов лексема *цагаан* может выражать и отрицательную семантику. Например: *гар цайх* ‘впасть в нужду, оказаться неимущим, остаться ни с чем, разориться’ (букв.: рука делаться белой, бледной).

1.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова *ак* и монгольского слова *цагаан* ‘белый’

Семантические структуры алтайского слова *ак* и монгольского слова *цагаан* характеризуются как наличием сходств, так и некоторыми отличиями. Например, алтайское слово *ак* не имеет переносных значений ‘легкий, нетрудный’ и ‘незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый’, имеющихся у монгольского *цагаан*. В семантической структуре монгольского слова *цагаан* отсутствуют значения ‘седой’, ‘совершенно, абсолютно’, имеющиеся у алтайского слова *ак*.

Таким образом, результаты проведенного анализа показывают, что у данных слов имеется 5 общих значений, остальные значения являются специфическими для каждого слова в отдельности (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Семантика слов *ак* ~ *цагаан* ‘белый’

№	Семантика	Алтайское слово <i>ак</i>	Монгольское слово <i>цагаан</i>
1.	‘белый’	+	+
2.	‘седой’	+	—
3.	‘молоко; молочный’	+	+
4.	‘священный, сакральный’	+	+
5.	‘чистый, невинный’	+	—
6.	‘незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый’	+	+
7.	‘легкий, нетрудный’	—	+
8.	‘открытый, пустой, незанятый (о местности)’	+	+
9.	‘совершенно, абсолютно, очень’	+	—

На примере алтайских и монгольских фразеологизмов с компонентами *ак* ~ *цагаан* 'белый' можно провести некоторые межъязыковые параллели: алт. *ак сагыш* ~ *ак санаа* 'добро; чистые помыслы, благие намерения' – монг. *цагаан санаа* 'незлобивость, прямотушие, чистосердечность'; алт. *ак санаалу* ~ *ак сагышту* 'добрый, отзывчивый; честный' – монг. *цагаан санаат, цагаан сэтгэл* 'незлобивый, чистосердечный'.

Приведенные выше алтайские фразеологизмы, как *ак санаа* 'добро; чистые помыслы; благие намерения', *ак санаалу* 'добрый, отзывчивый; честный', скорее всего, заимствованы из монгольского языка, поскольку слово *санаа* в алтайском языке является монголизмом: алт. *санаа* 'мысль, дума' < монг. *sanaa id* [Рассадин 1980: 23].

В целом, можно сказать, что многие совпадения значений алтайского слова *ак* и монгольского *цагаан*, в том числе и фразеологически связанных, обусловлены адекватным восприятием алтайцами и монголами белого цвета как хорошего, благоприятного. В негативном значении алтайское слово *ак* не употребляется. Монгольское *цагаан* негативно-оценочную семантику проявляет в составе фразеологизма *гар цайх* 'впасть в нужду, оказаться нищим, остаться ни с чем, разориться' (букв.: рука делаться белой, бледной).

§ 2. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова *кара* и монгольского слова *хар* 'черный'

Для обозначения черного цвета в алтайском языке используется слово *кара*. С точки зрения этимологического анализа исходным для данного слова считается денотативное значение 'мрак' [Щербак 1997: 109]. В монгольском языке для обозначения черного цвета служит слово *хар*. Тюркское *кара* и монгольское *хар* признаются гомогенными, относящимися к общетюркско-монгольскому пласту лексики, генетически восходящими к одной и той же основе.

2.1. Семантическая структура алтайского слова *кара* 'черный'

Черный цвет почти во всех мировых культурах ассоциируется с тьмой и символизирует смерть, печаль, горе, зло, все негативное. Алтайцами черный цвет в культурологическом аспекте воспринимается весьма неоднозначно. С одной стороны, черный цвет соотносится с негативным началом, с подземным миром и потусторонними силами. С другой стороны, – выражает мелиоративную (отрицательную) оценку. Так, например, не случайно эпитетом *кара* наделены положительные герои алтайских героических сказаний. Особенно это касается имен эпических ханов – *Маадай-Кара, Кара-Каан, Караты-Каан* и др. По мнению фольклориста В. П. Ойношева, слово *кара* здесь выступает в актуализированном значении 'главный, могучий, грозный' [1995: 196].

В «Ойротско-русском словаре» отражены не все значения слова *кара*. Здесь представлены следующие значения слова: 1. черный, вороной; брютет: *кара көс* 'черные глаза'; 2. прозрачный: *кара суу* 'родник, ключ, ручей, река с прозрачной водой'; 3. зло, вина; злодей, злоумышленник: *каралу* 'виновный, виноватый'; 4. слово усиления: *кара жангыс* 'единственный, совершенно один' [1947: 72].

Согласно собранному фактическому материалу, слово *кара* в алтайском языке функционирует в следующих значениях: 1. 1) черный; вороной (о масти); 2) темный; 3) смуглый; 4) грязный, почерневший от грязи; 5) *перен.* мрачный, печальный; 6) *перен.* плохой, негативный; 7) *перен.* многочисленный; масса, множество; 8) *перен.* густой; 9) *перен.* обильный; 10) *перен.* большой, крупный; 11) *перен.* крепкий, доброкачественный; ценный, лучший (о мехе животных); 12) *перен.* простой, обыкновенный, обычный; необразованный, неграмотный; 13) *перен.* плохой, непригодный; низкого качества, низкосортный; 14) *перен.* тяжелый, физический (о работе); 15) *перен.* постный, скудный (о еде); нежирный (о мясе); незабеленный, без молока (о чае); 16) *перен.* очень, абсолютно, совершенно; 2. 1) зрачок (глаза); 2) чернота; тьма; 3) грязь; 3. 1) зло; 2) злой дух, нечистая сила.

В алтайском языке лексема *кара* в своем номинативном значении (ЛСВ₁) обозначает черный цвет предметов объективной реальности: *кара тон* ‘черное пальто’, *кара јер* ‘черная земля’, *кара ат* ‘вороной конь’ и др.

Лексема *кара* является цветовым определителем в составе многих ботанических и зоологических терминов: *кара јишлек* ‘черная ежевика’, *карагат* (> *кара кат*) ‘черная смородина’ (букв.: черная ягода), *кара мырчак* ‘черный перец’, *кара торбос* ‘черника’, *кара тыт* ‘вяз’ (букв.: черная листовенница), *кара чалкан* ‘крапива двудомная’ (букв.: черная крапива); *кара бака* ‘жаба’ (букв.: черная лягушка), *кара балык* ‘линь’ (букв.: черная рыба), *кара баарчык* ‘скворец’ (букв.: черный скворец), *кара чилең* ‘цапля’ (букв.: черная цапля), *кара чымалы* ‘черный муравей’, *кара адару* ‘земляная пчела’ (букв.: черная пчела) и др.

В результате расщепления значений многозначного слова *кара* с исходным значением ‘черный’ на основе метонимического переноса образовано *кара* ‘чернота; тьма’. Например: *Канадымды јайып, өрө учкам, қараны тайып, күнди ачкам* (БС, ССК, 129) – Расправляя крылья, ввысь взлетел, раздвигая тьму, солнце открыл.

От слова *кара* ‘черный’ на основе метонимического переноса образовано также слово *кара* ‘зрачок’ (глаза). Значение данного слова реализуется в составе изафетного сочетания *көстін қаразы*: *Онын колдоры қапиуун, сыны сергек, көстөринін қаразында кандый да сүмелү одықтар суртулдап турар* (ЭТ, К, 254) – Ее руки проворны, стан легкий, в зрачках глаз=ее сверкают какие-то лукавые огоньки.

Смысловую структуру слова *кара* с первичным значением ‘черный’ по способу связей ЛСВ друг с другом мы определяем как относящуюся к радиальному типу полисемии.

В первую группу производных значений анализируемого слова входят четыре значения с общей интегральной семой «признак цвета / света». Каждое из них, наряду с основным, выражает реальный признак цвета / света, воспринимаемый человеческим зрением. Поэтому мы называем их производно-номинативными значениями. Эта группа представлена следующими значениями.

ЛСВ₂ ‘темный’. Данное значение образовано на базе основного путем расширения семантики слова *кара*. Главным конституирующим компонентом этой семемы является признак «отсутствие света». Например: *Маргалунын ичине қара түн өңгөлөн түшті* (ПК, ТАП, 149) – В Маргалу наступила (букв.: украдкой подползла) темная ночь; *Каа жаа қара бұлттар қараңдажып, эмеі эзін соғот* (ЖК, ОЈ, 69) – Иногда мелькают темные облака, немного дует теплый ветерок.

Реализацию анализируемого значения можно продемонстрировать и на примере следующего предложения: *Солдаттардың көп сабазы қара очкилердү, Мергенде ле база төрт-беш уулда јок болгон* (БА, ÖТ, 43) – Большинство солдат были в темных очках, у Мергена и еще троих-четверых не было.

Считается, что от *кара* в значении ‘темный’ образовано общетюркское слово *қараңғы* ~ *қараңғу* ~ *қараңку* в значениях: 1) темнота, тьма, мрак; 2) темный, лишенный света [Кононов 1978: 161].

ЛСВ₃ ‘смуглый’. Это значение также формируется от основного путем расширения семантики слова. Актуализация данного значения осуществляется при описании цвета кожи человека. Примеры:

Бу қара чырайлу, қысқачак сынду келинди аймақтың бастыра колхозторында, керек дезе турлуларында да улус јақшы билетен (БА, ÖТ, 24) – Эту смуглолицую, маленького роста женщину люди хорошо знали во всех колхозах, даже на стоянках района; *Айылдан кичинек қара уулчак чыга конуп келеле, онон ойто, ичегенине кирген өркө чилең, айлы јаар сурт кире конды* (АА, УБТ, 370) – Из дома выскочил маленький смуглый мальчишка, затем обратно, точно сурок, забегающий в нору, юркнул в дом.

ЛСВ₄ ‘грязный, почерневший от грязи’. Актуализация этого производно-номинативного значения осуществляется при описании грязных частей тела человека, одежды и белья. Примеры:

Ол сүркүштү қап-кара колдорын марлянын болчоктоп салган үзүктерине арчып, көзине түжүп келген кулақта бөрүгін қарызыла өрө ийде салып ийди (АА, УБТ, 59) – Он, вытер промасленные

грязные-прегрязные руки=свои о завернутые в комок лоскутки марли и приподнял рукой шапку-ушанку, съехавшую на глаза; *Аручек чамча бер. Канай терс-кара кийимдү барар* (КТ, ЭОП, 129) – Дай чистую рубашку. Как идти в совершенно грязной (букв.: сгусток крови черной) одежде.

Вторую группу производных значений слова *кара* составляют значения, возникшие на основе метонимических и метафорических переносов.

ЛСВ₅ ‘мрачный, печальный’. В этой позиции лексема *кара* в алтайском языке выражает негативную оценку. Причем, в структуре анализируемого ЛСВ семантические оттенки ‘печальный’ и ‘мрачный’ являются взаимообусловленными и взаимодополняющими. Между ними довольно сложно провести какую-либо определенную дифференциацию даже на конкретном ситуативном уровне. Примеры:

Болот обдөгөнниг санаазында кап-кара кунук, көксинде толтыра корон (ЖК, АЮ, 98) – В мыслях у Болота черная-пречерная печаль, в душе полно яда; *Едигей айлынын бозогозын ажыра алтаарда ла, оны мындый кара солундар уткыган. Бу ла частан ала ол чек карара берген* (ЧА, ЧУТ, 60) – Как только Едигей переступил порог дома=своего, его встретили эти печальные новости. С этого момента он совсем помрачнел (букв.: почернел).

Семема ‘мрачный, печальный’ лексемы *кара* в алтайском языке чаще всего актуализируется при описании эмоционального, душевного состояния человека. Например: *Кунукчылду санаалардан улам Витя копшыя тартылып, кандый да кап-кара болуп калган* (БУ, Т, 277) – От грустных раздумий Витя, съезжившись, стал как-им-то мрачным.

Наиболее ярко это обстоятельство иллюстрируют следующие метафорические выражения: *кара булут кебин тарт* = ‘мрачнеть, печалиться’ (букв.: натягивать форму черного облака): *Аба кара булут кебин тартынып, араайын жөдүлдөнип, бу тушта унчукпай барды* (БУ, СӨ, 225) – Аба, помрачнев, тихо кашляя, в этот раз замолчал; *кара көлөткөгө түш* = ‘печалиться’ (букв.: опуститься в черную тень): *Чынынча айдар болзо, кайран пыймазын сананып,*

кайран бойы кара көлөткөгө түжө берген эмей (КТ, ЭОП, 161) – Признаться честно, вспоминая бедные валенки=свои, [он] бедный сам ведь совсем опечалился; *кара бүркү тартып салган чырай-лу* = ‘мрачный’ (букв.: с натянувшим черное покрывало лицом): *Байадан бери Байбыйдын кара бүркү тартып салган чырай-бажы жарый түшүтү* (КТ, ЭОП, 105) – Мрачное до этого лицо Байбыя просияло; *чырайы кара жер* ‘мрачный’ (букв.: лицо – черная земля): *Чаманын чырайы кара ла жер. Ол неге де коркышту санааркан жат* (АА, А, 79) – Лицо Чамы мрачное. Он о чем-то очень печалится.

Большую роль в формировании рассматриваемого метафорического значения слова *кара*, несомненно, сыграла символика черного цвета как цвета скорби, печали, траура. В ряде тюркских языков анализируемое слово имеет значение ‘траур’. Ср.: тур.: *karatoren* ‘похороны, погребение’ [ТРС: 315]; кирг.: *кара* ‘траур (по мужу)’, *кара аш* ‘поминки в день смерти’, *кара кий* = ‘надеть траур’ [КиргРС: 345]. В казахском языке словом *кара* обозначают траурные предметы: траурный стяг и разного рода траурную одежду [Жанпеисов 1989: 59]. В традиционной культуре алтайцев это обстоятельство отражено не столь ярко. На похоронах у алтайцев, например, принято надевать одежду темных цветов, но не обязательно строго черную. Символика черного цвета как символа печали здесь проецируется не через материальную культуру, а в основном на вербальном уровне.

У алтайского слова *кара* значение ‘траур’ как самостоятельное не выделяется. Но в ходе исследования зафиксировано единичное употребление термина *кара бичик* ‘похоронка’ (букв.: черная книга). Например: *«Адан ла аканды жигилеп койгон» – деп, бир канча ойдин бажында Тудар уулына айдыт, ойто ло ыйлап ийди. «Кара бичиги бу» – деп, ол кайдаар да барбай, койнынан уужалып калган эки тилбек чаазын чыгарып, Токтонго берди* (БУ, СӨ, 119) – «Они отца и брата=твоего сгубили», – обращаясь через некоторое время к сыну, Тудар снова заплакала. – «Вот похоронка» – никуда не отходя, достав из-за пазухи две скомканные бумажки, отдала Токтону.

ЛСВ₆ ‘плохой, негативный’. Это производное значение образовано от основного путем метафорического переноса. Появлению

данного значения способствовала негативная символика черного цвета. Основная функция семемы – негативная оценка окружающего. Так, в алтайском языке лексема *кара* обозначает такие негативные понятия, как зло, беда, болезнь, хула, клевета и др. В своем негативно-оценочном значении ‘плохой, негативный’ лексема *кара* сочетается с широким кругом слов, входящих в различные тематические группы. Мы выделяем следующие ТГ:

1. «Тяжелый, трудный период в жизни человека»: *кара ой* ‘трудные времена’ (букв.: черные времена): *Кара ой – ол бир катан ак чаазыннын канадына жапынып, ыраак таладан менин эжигиме келген* (БУ, ЭТ, 183) – *Трудные времена* – однажды они подступили к моим дверям издалека, прикрепившись к крылу белой бумаги; *кара чак* ‘трудное время’ (букв.: черный век): *Кара жаман чак тушта сен бойыннын балдарынды корып аларга, нени де кысканбаган эмес бедин* (КТ, КЈ, 242) – В *трудное*, плохое *время* ты, ведь, ради спасения своих детей ничего не пожалел; *кара жылдар* ‘черные / трудные годы’: *Лок ло жок, сананганча, сананбаза артык. Је тўней ле, та кайдан да ол кара жылдар ǳǳǳǳǳ, једе конгон турар* (БУ, Т, 267) – Нет-нет, лучше не думать. Но все равно, откуда-то те *трудные годы*, подкрадываясь, всплывают в памяти; *кара кўндер* ‘черные дни’: *Јўрўмнин кара кускундары «конк-конк» эдијип, анда-мында учуп, онын эн уйатту кара кўндерин јарлабаган беде* (БУ, Т, 331) – Разве не разглашали черные вороны жизни о его самых постыдных *черных днях*, летая туда-сюда, крича «конк-конк».

2. «Тяжелая болезнь»: *кара оору* ‘тяжелая болезнь’ (букв.: черная болезнь): *Бала-барка ǳǳǳ јатканы база јок: кара оорудан канчазы кырылды, јадын оору кайда* (КТ, КЈ, 293) – Дети не вырастают: скольких погубило от *тяжкой болезни*, от лежачей болезни; *кара јадын* ‘тяжелая лежачая болезнь’ (букв.: черная лежачая болезнь): *«Кара јадын, каан кǳрмǳс сени тутсын, эзенде бу киреје јетирбей, Эрлик ада сени апарзын!» – калјуурып, каргап та турза, Катан-Коо алдыртпас болды* (АБ, 1, 218) – «Пусть свалит тебя *тяжелая лежачая болезнь*, пусть попадешь ты [в руки] дьявола, пусть в следующем году к этому времени отец Эрлик заберет

тебя!» – хотя [она так] гневалась и проклинала, с Катан-Коо ничего не происходило.

3. «Злая беда, несчастье»: *кара тўбек* ‘большая беда’ (букв.: черная беда): *Карагыстын эргегинин ўстинде кара тўбектин кереези болуп, бодыр сǳǳ јадыры* (БУ, Т, 359) – На большом пальце Карагыс есть шероховатая бородавка – знак *большой беды*; *кара салтар* ‘большая беда, напасть, несчастье, страшное возмездие’ (букв.: черный рок): *Ол энчи болуп арткан байлык јǳǳǳǳ кǳп јанында акту бойыннын кўчиле иштеп алган эмес, ǳскǳ кижинин ийде-кўчиле иштеп алган неме, онын учун оныла кожо кара салтар, каргыш, кинчек келип јат* (ЧА, ЧУТ, 150) – То, оставшееся в наследство богатое имущество, в большей степени не то, что заработано собственными силами, а заработано силами другого человека, поэтому вместе с ним наступает *страшный рок*, проклятия, мучения.

4. «Отрицательные эмоции, поступки человека»: *кара уйат* ‘нечистая совесть’ (букв.: черная совесть): *Ус та болзо, уйады кара болзо, салган печкези узак турбас* (АА, ǳЧК, 35) – Хотя [он] и мастер, но если *совесть* [у него] *нечиста*, сложенная [им] печь долго не простоит; *кара уйат* ‘большой позор’ (букв.: черный позор): *Тьфук, Монгулдайдын јўрўминде болгон ол кара уйатты сананбаза ла торт* (БУ, ЭТ, 201) – Тьфу, даже и не стоит вспоминать о том *большом позоре*, случившемся в жизни Монгулдая; *кара корон* ‘черный яд как средоточие отрицательных человеческих эмоций’: *Бу ǳǳǳ јайналганду јараш јангарын јангырадып, Раймалы-ага нени де билбеген, канайып онын ийнизи Абиљдхан кǳксинде коркышту кара короны кайнап, айлы јаар мантатканын, оны ээчий ачынган ла ǳч аларга мендеген тǳрǳǳǳǳ, бастыра баракбай уйазы барганын* (ЧА, ЧУТ, 276) – В это время, затянувший заунывную красивую песню Раймалы-ага ничего не знал о том, как его младший брат Абиљдхан, внутри которого кипел страшный черный яд, поскакал домой, а вслед за ним отправились разгневанные и спешащие отомстить родственники, весь род баракбаев; *Кенеркет ле турала, ол кǳгўсте оролгон, оролгон до эмес, ачыган, јыдыган кара корон, јарылар ǳйи јеткен катангы чылап, адып ийер*

(ЭТ, Кү, 88) – Иногда, вдруг, тот, свернувшийся в груди, и даже не свернувшийся, а скиснувший, протухший черный яд выстрелит, как поспевший фурункул; **кара меке** ‘грязный обман, уловка’: *Контра, колхозный стройдын жажытту өштүлерининг эн жааны, бойынын кара мекелериле журтсоветтин председатели болуп ала-ла, бисти, социализмге брааткан эл-жонды, ич жанынан кемирерге умзанган Байжүрек базылган* (ЖК, КТ, 319) – Байдыюрек, контра, главарь тайных врагов колхозного строя, благодаря своим грязным уловкам ставший председателем сельсовета, готовившийся изнутри «загрызть» нас, идущий к социализму народ, побежден.

5. «Негативный портрет человека»: **кара өштү** ‘заклятый, ненавистный враг’ (букв.: черный враг): *Каргышту кара өштүнен, кан төгүлген жеринен, улу кудайдан болуш жок, улус корулаар арга жок* (АА, АС, 198) – От проклятого, ненавистного врага, от земли, в которой [он] пролил, всемогущий бог не может спасти, люди не в силах защитить; **кара жеекен** ‘ловкач, хитрец, обманщик’ (букв.: черная росомаха): *Бу бир кара жеекен дейтен күлүгээр, камыкты эдип турган болбозын* (КТ, КЈ, 38) – Этот ловкач, прозванный черной росомахой, не вытворяет ли много чего; **кара јутпа** ‘кровожадное чудовище, монстр’ (букв.: черное чудовище): *Андый болзо, бистинг Кызыл Черү ол Јарманнын кара јутпазын, ичинде ийт өлгөн монусты, быжу ла јенгетен эмтир* (БУ, СӨ, 122) – В таком случае наша Красная Армия этого кровожадного монстра из Германии, жестокого чудовища (букв.: чудовища с дохлой собакой внутри) непременно победит; **кара темдек** ‘изъян, недостаток в характере человека’ (букв.: темное (черное) пятно): *Шуралай онынг эјези болгон. Оondo бир де кара темдек јок, бастыра бойы ичи-тышты јангыс ла јалакай күлүмји ле ајарудан турган деп билдирген* (БУ, Т, 368) – Шуралай была его сестрой. В ней не было ни одного изъяна, она вся, казалось, изнутри и снаружи состоит из одной только доброй улыбки и участия.

6. «Темные силы, злые духи»: **кара көрмөс** ‘злой черт’ (букв.: черный черт). В данной тематической группе лексема *кара* является компонентом устойчивых метафорических сочетаний – названий темных сил в алтайском языке: *Је меге кара сананган килин-*

чектү танмалар јакшы јүрүм јүрбес. Олорго менин каргыжым, кара көрмөстөрүм једер (АА, А, 83) – Ну, теперь грешные негодники, желавшие мне зла, нормально жить не будут. Их постигнут мое проклятие, мои злые черти; **кара ийде** ‘темная, нечистая сила’ (букв.: черная сила): *Јайык – айылдагы улустын ээзи. Олордын тынын корулап јат. Јүзүн-базын кара күчтен, оору-јоболдон* (АКК, 298) – Дьайык – дух-покровитель дома, домочадцев. [Он] охраняет их жизнь. От всякой нечистой силы, болезней; **кара күч** ‘темная, нечистая сила’ (букв.: черная сила): *Эрел Миронович те аракыга кирип, үрелип јүргенин билип турган. Је токтодынар арга јок. Кандый да кара ийде там ла төмөн, там ла төмөн апарып јат* (АА, ОЧК, 391) – И Эрел Миронович осознавал, что спивается, деградирует. Но остановиться невозможно. Какая-то темная сила тянет [его] все ниже и ниже; **кара неме** ‘нечисть’ (букв.: нечто черное): *Барлу кижини кара неме кебинде мынайда айдар: «Эки башту кокымайга туштадым, аайын таппай, коркып качтым»* (АЈ, 66) – Про беременную женщину нечисть говорит так: «Встретил чудище с двумя головами, не сумев одолеть, в страхе бежал».

Приведенные выше примеры из текстов художественной литературы, конечно, носят скорее окказиональный характер, чем узуальный. Тем не менее, они наиболее ярко иллюстрируют особенности мировосприятия алтайцев, их лингвокреативного мышления.

В результате семантической конверсии от *кара* в значении ‘плохой, негативный’ образованы омонимы *кара* ‘зло, скверна, чернь’ и *кара* ‘злой дух, нечистая сила’. Примеры:

Сен бистинг сүүжибистенг эмес, каргышту каранан бүткен болбойын (ЖК, КТ, 345) – Наверное, ты родился не от нашей любви, а от проклятого зла; *Бир артык сөс айдып, онын кийинде јүзүн-јүүр казыштар, каралар башталар болор деп, учукпадым* (КТ, КЈ, 39) – Опасаясь того, что если скажу лишнее слово, начнутся всякие разборки, черни, промолчал; *Эй, көрмөстөр, эй, каралар! Слердин эмди куйбурайтан, кутустанатан ойигер!* (ЖК, ЫСА, 67) – Эй, черти, эй, злые духи! Сейчас время вашего оживления, беснования.

Последующий ряд ЛСВ слова *кара* объединен общей семой «собирательность, множественность, концентрация».

ЛСВ₇ ‘многочисленный; масса, множество’. Это значение расценивается как переносное. В данной позиции лексема *кара* в алтайском языке служит обозначением множественности, собирательности. На первый взгляд, кажется, что в этом значении признак темного или черного цвета отсутствует. Однако, как утверждает И. В. Кормушин, цветовая мотивировка здесь появляется за счет зрительного восприятия, когда масса предметов издалека видится как нечто неопределенное, сливающееся в темное пятно [2001: 593]. Следовательно, данное значение мотивировано основным.

В диахроническом же аспекте постулируется, что тюркское *qara* этимологически принадлежит корню **qa* со значением ‘действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов’; к этому корню относятся глаголы *qa-* и *qala-* ‘класть, складывать’, *qat-* ‘складывать, прибавлять, добавлять’, *qar-* ‘примешивать, смешивать’, а также адъективы и имена *qalyu* ‘многочисленный // множество; толстый, густой’, *qat* ‘слой, ряд’ и некоторые другие [Кормушин 1971: 16–18].

Свое значение ‘многочисленный; масса, множество’ лексема *кара* в алтайском языке реализует в составе словосочетаний *кара албаты*, *кара калык*, *кара јон* ‘многочисленный народ’ (букв.: черный народ), т.е. речь идет о скоплении большого количества людей. Примеры:

Кара албаты алдына алтай үй кижиси кара чачын көргүспейтен (АА, ÖЧК, 34) – Алтайская женщина перед многочисленными людьми не должна была демонстрировать черные волосы=свои; «Дружканын» лакпазын бедре ле бедре – чек таап болбой, *кара калыктын ортозына азып баштадым* (БУ, Т, 61) – Лавку «дружка» искал-искал – так и не отыскав, [я] стал блуждать среди множества народа.

Реализация значения ‘многочисленный; масса, множество’ лексемы *кара* осуществляется и в составе словосочетания *кара черү* ‘многочисленное войско’ (букв.: черное войско). Например: *Көк ынаарда туулардан элбек чөл јаар жыландый тыйрыйып, ак тоозынга ородып, кап-кара кал черү урулып јатты* (ЖК, КТ, 120)

– С гор в голубой дымке в широкую степь, извиваясь как змейка, обволакиваясь в серую пыль, разливалось многочисленное грозное войско.

Кроме этого, анализируемый ЛСВ в алтайском языке участвует в образовании специального термина *кара түмен* ‘множество, несметное количество’ (букв.: черная тьма). Например: *Кара түмен малынды кыйгыбыла сүргилеп, күнбадыш јаар баргылаган* (АБ, 11, 223) – Они, с криком погоняя несметный скот=твой, ушли на запад.

Ср. тув.: *кара шаар* ‘бесчисленное множество, уйма; бесчисленно’ [ТувРС: 210].

ЛСВ₈ ‘густой’. Данное переносное значение в алтайском языке употребляется относительно деревьев и кустов: *кара агаиш* ‘густое дерево’ (букв.: черное дерево), т.е. дерево с густой кроной, *кара јыраа* ‘густые кустарники’ (букв.: черные кустарники). Примеры:

Айылдын кийин јанында койу кара агаишта јобош, чала чөйө шынкылдууш табыш база угулды (ПК, ТАП, 150) – За аилом, у густого дерева, еще раз слышался робкий, несколько протяжный, визгливый голос; *А керектин аайы мындый: баишкы јыл совхоз Төгөриктин ичиндеги кара јыраалу састы тракторло сөгө сүрүп, сула үрендеген* (БУ, Т, 259) – А суть дела такова: в прошлом году совхоз, вспахав трактором болото с густыми кустарниками в Тегерике, посадил овес.

Лексема *кара* с семантикой ‘густой’ в алтайском языке активно выступает в составе словосочетаний *кара арка* ‘густой лес’ (букв.: черный лес), *кара тайга* ‘сплошная, густая тайга’ (букв.: черная тайга), *кара јыш* ‘густой дремучий лес, дебри’ (букв.: черные дебри). Примеры:

Алтайдын ичинде туйук кара аркалу шак мындый өзөктөр көп змей (КТ, ТДК, 95) – На Алтае таких ложбин с непроходимыми густыми лесами много; *Түжерге коркышту кайыр јаан өзөк јатты, јулмар кара тайга јатты* (АКК, 90) – Простиралась очень крутая для спуска большая долина, простиралась дремучая, густая тайга; *Алтайга ууланарда, ол мында, кара јышту туйук јерде, кем де оны керектебес, истебес деп сананган* (СС, АК, 172) – Когда он направлялся на Алтай, думал, что здесь, в дремучем лесу, непроходимом месте его никто не будет искать, преследовать.

Материалы алтайского языка показывают, что при дальнейшем семантическом развитии сочетания *кара жыш* / *жыш кара* (букв.: черный непроходимый лес), *кара жыштый* (букв.: как черный дремучий лес), *кара агаштый* (букв.: как черное дерево) становятся определителями множественности, собирательности однородных предметов, объектов. Примеры:

Кара агаштый кал черү Кан-Алтайга табарды (ЖК, ОЈ, 68) – Многочисленное (букв.: как черное дерево) грозное войско напало на Хан-Алтай; *Жыш кара кабакту кыс эмтир* (Темденова) – С густыми бровями (букв.: с непроходимый черный лес бровями) девушка, оказывается.

Следующий пример характеризует большое скопление людей: *Улус – чымалы, бу ла бистинг Караторбокты эбире турган кара жыш эмезе яс бажында жанып келетен үүрлү кара таандар* (БУ, Т, 58) – Люди [как] муравьи, [как] густой непроходимый лес вокруг нашего Караторбока или [как] черные грачи), возвращающиеся в начале весны.

В ряде тюркских языков словом *кара* обозначают крупный рогатый скот (коровы, лошади): кирг.: *бир карасы бар* – у него есть корова [КиргРС: 346]; казах.: *колхоздын неше карасы бар?* – сколько голов скота в колхозе? [КРС: 433]. Для лексемы *кара* в алтайском языке такое применение не характерно. Здесь *кара* в составе сочетания *кара мал* (букв.: черный скот) имеет значение ‘многочисленный’. Примеры:

Көк тайганын эдегинде кара кыймырт мал эмтир, кара агаштый жон эмтир (НУ, АМ, 24) – У подножия синей тайги, оказывается, несметное количество кишмя кишящего скота, множество народа, оказывается; *Каргана кептү кара малы Кају жикке толо эмтир, кара агаштый калык-жоңы кара-бајырт мында эмтир* (АБ, 9, 33) – Многочисленного скота=его, подобного акации, в долине Кады полно, оказывается, как густое дерево народу его здесь множество, оказывается.

ЛСВ, ‘обильный’. Это значение реализуется в составе словосочетания *кара тер* ‘обильный пот’ (букв.: черный пот). Примеры:

Ондойго јетире, ой, кандый узак! Баш ла бол. Кара тер төгүлип јат (АА, УБТ) – Ой, до Онгудая как далеко! Боже. Обильный пот льется; «Ой, балдар, аргадагар!» – деп, жоон сөк-тайакту

кижи комудан јаткан. Бастыра бойы кара тер кижии тоозын-то-брактын үстинде (ЖК, ОЈ, 18) – «Ой, дети, спасите!», – лежа причитал человек с крупным телосложением. Весь промокший (в обильном поту) человек [лежал] в пыли-грязи.

Лексема *кара* в алтайском языке может обозначать величину и размер объектов, актуализируя значение ‘большой, крупный, огромный’ (ЛСВ₁₂). Главной конституирующей семой данной семемы является сема «массовидность».

Рассматриваемое значение в алтайском языке впервые было зафиксировано в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого: *кара куш* ‘беркут’, *кара јол* ‘большая дорога’ [1884: 128]. Аналогичные сочетания в тюркских языках были отмечены А. Н. Кононовым: общетюрк.: *кара куш* ‘орел’, т.е. ‘большая птица’ (букв.: черная птица), тур.: *kara sigsir* ‘буйвол’, т.е. ‘большая корова’ (букв.: черная корова), *kara oglan* ‘медведь’, т.е. ‘большой парнище’ (букв.: черный парнище) [1978: 162].

В современном алтайском языке анализируемый ЛСВ актуализируется чаще всего при описании внешних, физических данных человека. Например: *Сыны узун. Базар болзо, чала чөкпөйип ийер. Јок, јангыс сөслө айтса, тен айунын ла бойы. Кара* (БУ, Т, 41) – Рост [у него] высокий. Когда ходит, немного сутулится. Нет, одним словом, настоящий медведь. Огромный.

Далее можно наблюдать, как сема «массовидность», присутствующая в структуре слова *кара*, трансформируется в сему «сила». Примеры:

Оны көрөлө, кижии «трактор» деп айдар да күүни келбес, ары јанынан бұдерде бүткен кара бөкө (ЭТ, Кү, 42) – Увидев его, даже не захочется назвать его трактором, воистину настоящий силач (букв.: черный силач); *Шак ла ол «прицепщик» деп адалган уул салдаларды јалтырашкан мистерин јерге түжүрүп ийерде, «кара бөкө» ичкери тап эткен* (БУ, СӨ, 275) – Когда тот самый парень, называемый «прицепщик», опустил на землю сверкающие зубцы плуга, «богатырь» (букв.: черный силач) ринулся вперед.

Поскольку это лишь единичные примеры, на данном этапе в семантической структуре слова *кара* мы не выделяем самостоятельного значения ‘сильный; сила’.

ЛСВ_{II} ‘крепкий, доброкачественный; ценный, лучший’. В алтайском языке лексема *кара* выступает определителем высокого качества предметов, например, металлов – *кара болот* ‘крепкая сталь’ (букв.: черная сталь). Примеры:

Өлөнчинин жаан кызы ачынбас бойы ачынды. Кара болот үлдүзүн суура тартып, өрө көдүрди (АБ, 1, 183) – Старшая дочь Ёлёнчи, не умевшая сердиться, рассердилась. Вытащив крепкий стальной меч, подняла вверх; *Керек дезе ол кара болот үлдүни де ал, баштын кылын үрүп ийген, ол үлдүнин мизине тийзе, кезиле берер. Бу кире курч этире оны жангыс ла Ак-Күн курчыдып билер* (ЖК, КТ, 26) – Хотя бы возьми тот же крепкий стальной меч: дунешь на волосинку, коснется она острия меча и рассечется. Настолько остро точить его умеет только Ак-Кюн.

Значение ‘крепкий, доброкачественный’ слова *кара* впервые было зафиксировано в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого – *кара күлер* ‘крепкий чугун’, *кара ортокшын саадак* ‘весьма сильный лук’ [1884: 128].

Значение ‘крепкий’ лексемы *кара* актуализируется в составе словосочетания *кара аракы* ‘крепкое вино’ (букв.: черное вино). Примеры: *Кан-Таады бий айлында кара аракы ичилди* (АК, АС, 78) – В доме Кан-Таады бия крепкое вино было выпито; *Тас чынгырып, куучындайт: «Кара аракыдан ичеле, аайы жок эзирдим»* (АБ, 5, 172) – Плешивый, визжа, рассказывает: «Выпив крепкого вина, [я] совсем опьянел».

В алтайском языке крепкое вино переносно называют *кара суу* ‘крепкое вино’, т.е. крепкая вода (букв.: черная вода). Например: *Иш деп неме кижинин эр-жжына јаткан карудан кару эш-нөкөриндий неме эмтир. Ол јок болзо, кижжи эригер де, кунугар да, а кезикте кара суудан бажын да көдүрбес* (КТ, ТДК, 124) – Работа для человека, оказывается, как дорогая спутница, с которой он прожил всю жизнь. Когда ее нет, человек и тоскует, и печалится, а иногда от крепкого вина не отрывается (букв.: из черной воды и голову=свою не поднимает).

Крепкое вино в алтайском языке также образно называют *кара јорго* (букв.: черный иноходец). Например: *Шанкылдууш*

үндү чөбчөйлөргө шоркырак үндү кара јорго койтылдай ла берди (КТ, Т, 118) – В звонкие бокалы стало наливать журчащее крепкое вино.

Фольклорист К. Е. Укачина отмечает, что метафорическим выражением *кара јорго* ‘черный иноходец’ в алтайских загадках индигаторно называется река: *Калтыр-култур көчүп барат, кара јорго бош барат* – Грохочущее перекочевывает, черный иноходец плавно идет (ледоход на реке) [1984: 34]. Таким образом, сочетание *кара јорго* ‘крепкое вино’ предстает как результат последовательных семантических наложений: *кара јорго* ‘черный иноходец’ > *кара јорго* ‘река’ > *кара јорго* ‘крепкое вино’.

Значение ‘ценный, лучший’ слова *кара* в алтайском языке реализуется при описании темного насыщенного цвета пушных зверей, мех которых всегда ценится больше. В данном случае лексема *кара* выражает реальный признак цвета. Например: *Суудын ангын сууга адып, јаражын талдап, тизендеди. Туудын ангын тууга адып, каразын талдап, тизендеди* (АК, АС, 36) – Речного зверя в реке подстрелив, нанизал, выбирая красивых. Лесного зверя в лесу подстрелив, нанизал, выбирая лучших (букв.: выбирая черных).

Ср.: *Киштин сарызы, кижинин сарты* (поговорка) – Худший из соболей (букв.: желтый из соболей), худший из людей.

В алтайском языке значение ‘ценный, лучший’ у слова *кара* впервые было выделено в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого: *албаганын каразы* ‘лучшие соболи’, *ангын каразы* ‘лучшие из зверей’ (по шерсти) [1884: 130].

Кроме того, в старину налог пушными зверями, собиравшийся у алтайцев-данников во времена Царской России назывался *кара калан* (букв.: черный калан). Например: *Алтай калыктан јуулган кара калан – киш, камду, тийин – ончозы кааннын өс бойынн казназына баратан* (СС, АКС, 163) – Собиравшийся у алтайцев налог пушными зверями – соболю, выдра, белка – все это уходило в собственную казну царя.

В тувинском языке, как отмечает Б. И. Татаринцев, лексема *кара* в сочетании с названиями пушных зверей также является

определителем высшего качества их меха: *киштиң каразы* ‘самый лучший (черный) из соболей’ (букв.: соболю чернота=его) [1987: 143].

В «Ойротско-русском словаре» у слова *кара* зафиксировано значение ‘прозрачный’ – *кара суу* ‘родник, ключ, ручей, река с прозрачной водой’ [1947: 72]. В данном случае *кара* не является определителем хорошего качества воды. Известно, что в тюркской географической терминологии сочетанием *кара суу* называют родниковые воды, немногочисленные реки, питающиеся выклиниванием подземных вод, обычно обладающие прозрачной водой [Кононов 1954: 160]. Более четкая трактовка термина дана И. В. Кормушиным: «Устоявшееся как термин в тюркской топонимике сочетание *qara su* связано не с цветом, а с землей...» [2001: 594].

ЛСВ₁₂ ‘простой, обыкновенный, обычный; необразованный, неграмотный’. Данный ЛСВ образован на базе основного путем метафорического переноса. Так, лексема *кара* часто используется по отношению к человеку, подчеркивая простоту характера, низкое социальное положение.

Бу былтырдан бери бу ла бу терс кара Тордок – туку Тордок Иванович бол калганын кайкап жүретен эдим ле (КТ, ЭОП, 201) – Еще с прошлого года [я], ведь, удивлялся тому, как этот самый обыкновенный (букв.: сгусток крови черный) Тордок стал, таким вот Тордок Ивановичем; *Мен ак-чек кижини, кара колхозчы* (АА, УБТ, 207) – Я честный человек, простой колхозник.

Реализация значения ‘простой, обыкновенный’ лексемы *кара* осуществляется также в составе словосочетаний *кара албаты*, *кара калык*, *кара жон* ‘простой народ’ (букв.: черный народ). Примеры:

Слерлер, кара албаты, бисти жөмөйрүчүрлү (ЖК, ЫСА, 83) – Вы, простой народ, должны нас поддержать; *Революцияны Корчагиндер эмес, а кара калык эдип жат* (АА, УБТ, 6) – Революцию делают не Корчагины, а простой народ.

По всей видимости, вышеуказанные словосочетания в своей совокупности восходят к древнетюркскому термину *qara bodun* ‘простой народ’ (с последующим социальным снижением ‘чернь, низшее сословие’) [ДТС: 423]. Появлению данного термина

в древнетюркском языке прежде всего способствовала негативная символика черного цвета. Так, например, известный историк Л. М. Гумилев пишет, что в древнетюркскую эпоху в Азии «желтый цвет символизировал знать, а черный – народ» [1993: 353]. Однако в некоторых памятниках древнетюркской письменности термин *qara bodun*, наряду со значением ‘простой народ’, представлен в значениях ‘народная масса’, ‘войско’ [Малов 1951: 97]. Здесь имеет место семантическая контаминация (*qara* ‘черный’ с *qara* ‘масса, толпа’). Можно сказать, что диффузная семантика алтайских терминов *кара албаты*, *кара калык*, *кара жон* ‘простой народ’ и ‘многочисленный народ’ сложилась исторически. Данные значения дифференцируются только в контексте.

В определении низшего социального сословия в алтайском языке используют выражение *кара сөк* ‘простой народ, чернь’, т.е. люди из простого роду-племени (букв.: черная кость). Например: *Тегин кара сөк улус жүредер бош болбоды* (ЖК, КТ, 45) – Учить обычных, простых (букв.: черная кость) людей не было времени. Напротив, высшее сословие, знать, обозначают термином *ак сөк* (букв.: белая кость). Ср. хак.: *ах сөк* ‘богатый, знатный род’ (букв.: белая кость) [КФСХЯ: 26].

Известный этнограф Л. П. Потапов утверждает, что в начале XX в. телесский сеок *ярык* имел два подразделения: *сыгынчы-ярык* (‘ярыки-охотники за маралами’) и *кара-ярык* (‘черные’, т.е. ‘обычные ярыки’) [1969: 30], т.е. в последнем случае лексема *кара* характеризует обычных, ничем не примечательных представителей алтайского сеока *ярык*.

Слово *кара* в значении ‘простой, обыкновенный’ функционирует и в других тюркских языках: тув.: *уст. кара* ‘простой, светский’ (не духовного сословия), *кара кижини* ‘простой человек’ [ТувРС: 226]; кирг.: *кара* ‘простой’, *кара сөз* ‘проза’ [КиргРС: 346].

Материалы алтайского языка показывают, что слово *кара* широко функционирует в значении ‘необразованный, неграмотный’. Примеры:

Ого жүк бир беш те классты божоткон болзом, танмаларла тартыжып көрөр эдим. Же кара бодолго кижини нени эдер? (АА, УБТ, 362) – Если бы [я] закончил хотя бы пять классов, я бы

потягался с удалцами. Но необразованный неуч (букв.: черный простофиля), как я, что может сделать?; «*Je, je, слер образованный улус, билетен ле змейеер*» – деп, Токпоев чалчын унчукты. – «А мендий кара укмал неме нени билзин» (АА, УБТ, 225) – «Ну-ну, вы, образованные люди, знаете», – заговорил недовольно Токпоев. – «А такой темный бездарь (букв.: черный бездарь), как я, что может знать».

ЛСВ₁₃ ‘плохой, непригодный; низкого качества, низкосортный’. Данное значение в основном используется при негативной оценке предметов, непригодных для использования, либо низкого качества. Собранный фактический материал показывает, что в этом значении слово *кара* используется в следующих сочетаниях: *кара кеме* ‘простая, непригодная для дальнего плавания лодка’ (букв.: черная лодка), *кара мылча* ‘черная (дымная) баня’, *кара тура* ‘дом без штукатурки’ (букв.: черный дом). Примеры:

Ол келин балазын жүктенгенче Алтын-Көлдү кара кемеле кечкен дежетен (Петпенекова) – Говорили, что та женщина, посадив ребенка на спину, переплыла Телецкое озеро на простой лодке; *Турабысты көдүрүп алганыс. Быыл карага ла кирерге сананганыс, келишпеди* (Аларушкина) – Дом=свой построили (букв.: подняли). В этом году хотели войти (перезимовать) без штукатурки (букв.: войти вчерную), не получилось.

Довольно часто слово *кара* в значении ‘низкосортный’ используется по отношению к злакам. О муке низкого сорта в алтайском языке говорят *кара кулур* ‘мука второго сорта, мука низкого сорта’ (букв.: черная мука), а муку первого или высшего сорта называют *ак кулур* (букв.: белая мука). Примеры:

Какшы аш бүткенде, улус айдыжатан жокпо: «Мөндүр ине, мөндүр! Кара сулазы каа-жаа ла» (КТ, ТДК, 139) – Когда рождается хорошая пшеница, люди, ведь, говорили: «Град, точно град! Низкосортного овса мало»; *Сары-Саал је ле деген агаи элгекти ийде салала, бойы јаар искей тартарда, ашты быјарзыткан кара суланын, јерлик кырлыктын, кендирбааштын ла база та кандый да өзүмнин јүрени буудайдын ортозынан көрүнип келет* (ЭТ, К, 35)

– Когда Сары-Саал, откинув большое деревянное сито, резко дернул на себя, среди пшеницы просочились портящие пшеницу зерна на непригодного овса, дикой гречки, конопли и еще какого-то другого растения.

ЛСВ₁₄ ‘тяжелый, физический’ (о работе). Данное переносное значение выражает негативную коннотацию и реализуется при описании тяжелого физического труда: *Эпчил-тапкырга кара иш эки катап көп түжсет* (СС, Э, 31) – Шустрому тяжелая работа выпадает вдвое больше; *Ол кижии кара иште иштеп јат* (Токтошев) – Тот человек работает на тяжелой работе.

ЛСВ₁₅ ‘постный, скудный (о еде); нежирный (о мясе); незабеленный, без молока (о чае)’. В данном значении слово *кара* чаще всего употребляется в сочетании с существительными, обозначающими продукты питания. Конституирующей семой в структуре рассматриваемого значения является сема «отсутствие чего-л., какого-л. ингредиента». Примеры:

Изү јайдын бойында сааган сүдин бозу-торбокторына ичиртип ийеле, кара чай ичип отурар (ЖК, ЁСА, 50) – В пору жаркого лета, спойив надоенное молоко молодняку, [сама] пьет чай без молока; *Ал-түмен малды јер түбине айдап отуларыста, бисте онду азык та јок: байагы ла кара чай, тойо јиирге јетпес талкан* (ЭТ, Кү, 69) – Когда мы угоняли многочисленный скот на край света, у нас даже не было нормальной провизии: тот же чай без молока, талкан, которым невозможно насытиться.

В алтайском языке сочетанием *кара эт* (букв.: черное мясо) обозначают нежирное мясо, где нет жировых прослоек. Примеры:

Кара эт эмтир. Јуузы јок (Карманова) – Одно мясо. Без сала; *Кезикте «момош» эткен кижии ижим бүтти деп, јүреги аай-коой јок көдүрилип, Каакага стаканга толтыра алтай аракы ба эмезе сыра ба урала, кезер каразы јок болгон учун түгезе јип болбогон иригининг тонуп калган јуузын берер* (ЖК, ОЈ, 144) – Иногда, человек, закончивший сенокос с людской помощью (букв.: закончивший «момош» < русск. «помощь»), решив, что закончил свою работу, с невероятно приподнятым настроением, наливает Каака

полный стакан алтайской араки или самогона, подает ему застывшее сало барана, несъеденное до конца, поскольку мяса (букв.: черного), чтобы отрезать не было.

Выражение *кара эт* ‘мясо без жира’ является общетюркским. С этим выражением связано появление в русском языке оборота «держать в черном теле» – обозначения строгого обхождения с кем-то. И. Г. Добродомов этимологию данного выражения уточняет следующим образом: «Первоначально смысл выражения держать в черном теле был ‘питать умеренно, не давать жиреть, чтобы мясо было лишено жировых прослоек, было темным’, но потом постепенно возобладали смысл ‘держать в физических лишениях’» [1996: 146].

В рассматриваемом значении лексема *кара* выступает также в составе таких словосочетаний, как *кара ботко* ‘похлебка без мяса’ (букв.: черная похлебка), *кара картошко* ‘одна лишь картошка’ (букв.: черная картошка), *кара көчө* ‘перловый суп-кёчө без мяса’ (букв.: черный кёчө). Примеры:

Килемчи ол этти жангыс ла чайнайла, ажырып ийер эди, је јаан кижии кара ботко до ичип алып жүрбей (ЖК, ЭОП, 324) – Килемчи мог бы то мясо, махом прожевав, проглотить, но ведь взрослый человек может обойтись и одной похлебкой; *Ой, кара картошко. Бир кичинек эт бар болзо, кайдар* (АА, УБТ, 40) – Ой, одна картошка. Было бы хоть немного мяса; *Судурчы өрө турды, кара бетее айагын алды, кара да болзо, көчөзин урды* (АБ, 1, 249) – Судурчы встала, взяла черную деревянную чашку, налила кёчө, хоть и без мяса.

ЛСВ₁₆ ‘очень, совсем, абсолютно, совершенно’. В данной позиции лексема *кара* выражает сильную степень качества, интенсивность признака. В рассматриваемом значении она актуализируется в составе устойчивого сочетания *кара жангыс ~ кара жангыскан* ‘совсем один, один-единственный’ (букв.: черный один). Этимологию данного сочетания фольклорист М. А. Толбина соотносит с выражением *кара башту бойы* (букв.: сам со своей черной головой), т.е. один-единственный со своей черной головой [1989: 55]. Примеры:

Кара жангыскан мында канайып жадат не? (БУ, Т, 47) – Как [он] совсем один живет здесь?; *Кара жангыс Аза-Жаланды айрып алатан*

болзобыс (ПК, ТАП, 157) – Если бы мы могли вернуть одну-единственную [долину] Аза-Дьалан.

Рассматриваемое значение лексема *кара* реализует также в составе сочетания *кара албанла* в значении: ‘изо-всех сил; насильно, против воли’ (букв.: черным насилием). Примеры:

«Быштак сыгыш», ыйлаш – кара албанла мекелеп ыйлаачы болгоны (СС, АЧА, 53) – Слезы (букв.: выжимание сыра), плач, – имитация изо-всех сил выглядеть плачущим; *Барбаска турган кижини кара албанла ийдим* (Токтошева) – Не желающего идти человека, [я] отправила против воли.

Усилительное значение слово *кара* реализует и в составе таких сочетаний, как *кара жокту* ‘совсем бедный, пребывающий в большой нищете’ (букв.: черный бедный), *кара жойу* ‘совершенно пеший’ (букв.: черный пеший). Примеры:

Кара жоктуга өскөнибис, кааннын кызын канайда алар? (НУ, АМ, 132) – В большой нищете выросли, как царскую дочь будем сватать?; *Олор ончозы жокту улус, кажсы ла биледе эки-жангыс уй, жангыс ат, Бала ла Мекечиде ат та жок, олор кара жойу жүрөтөндөр* (ИШ, ÖJ, 3) – Все они бедные люди, в каждой семье по одной-две коровы, одному коню, у Бала и Мекечи коня не было, они ходили совершенно пешие.

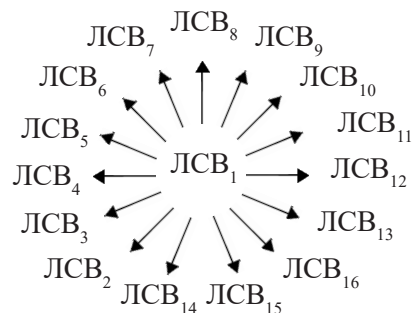
Ср. в урянхайском языке – *адым өлгәш кара калдым* ‘по смерти моего коня я оказался совершенно пешим’ [Кононов 1978: 170].

В тувинском языке слово *кара* в усилительном значении выступает в ряде сочетаний: *кара хөктүг* ‘очень смешной’, *кара эртен* ‘очень рано, чуть свет’, *кара кежээ* ‘очень поздно, поздним вечером’, *кара шаар* ‘очень много, бесчисленное множество, уйма’, *кара чагыс* ‘совершенно одинокий; единственный; очень похожий’, *кара чааскаан* ‘совершенно одинокий, совсем один’, *кара кайгачык* ‘удивительный, потрясающий’, *кара угаан* ‘природный ум’ [ТувРС: 226]. В хакасском языке слово *хара* в усилительном значении используется в следующих сочетаниях: *хара пассахыл* ‘очень странный, необычный’, *хара хоргыстыг* ‘что-либо страшное’ [КФСХЯ: 99].

Итак, слово *кара* в алтайском языке имеет очень широкую семантику. Все производные значения мотивированы основным, что

позволяет слову оставаться в рамках полисемии. Все выделенные значения в семантической структуре слова *кара* сцеплены друг с другом по радиальному принципу (см. Схему 5).

Схема 5

2.2. Фразеологически связанные значения слова *кара*

Большинство фразеологизмов с компонентом *кара* в алтайском языке антропоцентричны и в своей совокупности покрывают понятийную сферу «Человек». Все анализируемые ФЕ нами распределены на две фразео-тематические группы: ФТГ «Лицо» и ФТГ «Не –лицо».

2.2.1. ФТГ «Лицо»

Внутри данной фразео-тематической группы можно выделить отдельные подгруппы: 1) ФЕ, характеризующие индивидуальные свойства человека; 2) ФЕ, характеризующие психоэмоциональное состояние человека; 3) ФЕ, характеризующие физиологическое состояние человека.

2.2.1.1. Фразеологизмы, характеризующие индивидуальные свойства человека

Во всех фразеологических единицах, входящих в данную подгруппу, компонент *кара* выражает пейоративную (негативную) оценку, что связано с тем, что черный цвет у алтайцев ассоцииру-

ется с негативными явлениями. Рассматриваемая группа представлена следующими ФЕ.

Кара сагышту ~ кара санаалу ‘злой, коварный, злопамятный’ (букв.: с черными мыслями): *Мен мынча јаашты јажагалы, сендий јаман, сендий кара санаалу кижји көрбөдим* (АА, УБТ, 330) – Я, прожив столько лет, такого плохого, как ты, такого злого, как ты, человека еще не видел.

Аналогичный фразеологизм функционирует и в других тюркских языках: тув.: *qara sagystyg* // кирг.: *qara qonuldu* ‘коварный, злой, злонамеренный’ (букв.: душа у него черная, с черным желанием) [Хертек 1976: 14]; хак.: *кара сагыстыг*: *Ўр бе, ас на тус иртти, чирі ўчўн, чоны ўчўн турган алып ўзўттерни азып алды* – Много ли, мало ли времени прошло, и богатырь, защищавший свою землю, свой народ, одолел коварных духов [КФСХЯ: 99].

Кара јўректў ‘подлый, жестокий, бесчеловечный’ (букв.: с черным сердцем). Например: *Сен ийт! Сен – кара јўректў шайтан!* (БУ, Т, 207) – Ты – собака! Ты – подлый шайтан.

Ичи кара ‘злой, коварный, подлый’ (букв.: нутро=его черное): *Тышиты ак, ичи кара* (поговорка) – Внешне добрый, внутри злой.

Безусловно, лексема *кара* в приведенном выше фразеологизме выражает отрицательную оценку. Следует отметить, что в алтайском языке про хорошего человека не говорят *ичи ак* (букв.: нутро=его белое). Это связано с тем, что у алтайцев отрицательные качества человека резко осуждаются, в то время как хорошие качества афишировать не принято. Алтайцы издавна отличались своим добрым нравом и природной скромностью.

Кара кўўндў ~ кўўни кара ‘злой, коварный, подлый’ (букв.: с черными желаниями). Например: *Кўўни кара кижји јакшы јўргенге качан да болзо кўйўнер* (Каташева Г.) – Подлый человек всегда будет завидовать успешному.

Добавление компонента *јок* ‘нет’ в структуру вышеуказанного фразеологизма, соответственно, полностью меняет содержание фразеологизма – **кара кўўн јок** ‘без злых помыслов’ (букв.: без черного желания). Например: *Бичиктер шўўшкенде, онын айткан сөстөри јолду, кара кўўн јок, ару ла јалакай болгон* (АА, ЈТЈ, 260)

– Когда обсуждали книги, его слова были верными, без злых помыслов, чистыми и добрыми.

Резко осуждаются у алтайцев эгоизм, корысть, самолюбие, о чем свидетельствует семантика фразеологизма **кара кардына болуп** (*jür=*) ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради черного желудка=своего). Примеры:

Кара кардына болуп базып жүрген сендий немелерди мен көп көргөм! (АА, УБТ, 46) – Таких эгоистов, как ты, я видел много; *Мен оморды тудуп турган неме чилеп. Айла меге иштегилеп турган ба? Бойлорынын ла кара карындарына болуп турбай* (КТ, ТДК, 113) – Как будто я их удерживаю. И разве на меня работают? Ради себя самих же и стараются.

Участие соматизма *карын* ‘желудок’ в образовании данного фразеологизма не случайно. Несомненно, основанием для ассоциативно-образного сравнения здесь послужила основная функция желудка. Если в буквальном смысле желудок является местом скопления и переваривания пищи, то в переносном он становится удобным местом для накопления материальных и иных благ. Лексема *кара* здесь усиливает негативную семантику всего фразеологизма.

Использование антонимических белого и черного цветов при образной характеристике человека наилучшим образом отразило неадекватный, взрывной характер человека, репрезентированный в семантике фразеологизма **акара-баи жок** (< *ак-кара баи жок*) ‘бесшабашный, отчаянный, бездумный; бесшабашно, отчаянно, бездумно’ (букв.: бело-черной головы нет). Примеры:

Жиит кыс тужында ол [Дялу] база акара-баи жок ло болгон эди (БУ, СӨ, 305) – В девичьем возрасте она [Дьялу] была весьма отчаянной; *Эмди мени канча жылга озочыл колхоз баштаган председател, јаан јаишту кижии деп тоор ордына албатынын алдына акара-баи жогынан јамандап јадын* (МК, АК, 55) – Теперь меня вместо того, чтобы уважать как председателя, столько лет возглавлявшего передовой колхоз, пожилого человека, бездумно порочишь перед всем народом.

Необразованный, неграмотный человек в алтайской фразеологии часто сравнивается с черным кротом, копошащимся вслепую

в темноте. Можно сказать, что компонент *кара* здесь выполняет две роли: 1) в буквальном смысле обозначает черный цвет крота, 2) в переносном смысле актуализируется в значении ‘необразованный, неграмотный’. Об этом свидетельствует фразеологизм **кара түрткүн** ‘необразованный, неграмотный’ (букв.: черный крот). Например: *Онын санаазында јангыс Карчага! А ондый болбой база. Мендий кара түрткүн неме эмес. Бийик үредүлү* (АА, УБТ, 177) – А у нее на уме лишь один Карчага! А как же еще. Он не такой темный невежда, как я. С высшим образованием.

Кроме того, неграмотного, бездарного человека в алтайской фразеологии нередко сравнивают с черной тенью – **кара көлөткө** ‘необразованный, неграмотный; бездарный, никчемный’ (букв.: черная тень). Например: *Бис эмди эки башка улус ине. Сен бийик үредүлү, а мен карануй кижии, кара көлөткө* (АА, УБТ, 214) – Мы теперь совершенно разные люди. Ты с высшим образованием, а я человек темный, неграмотный.

Одинокий человек в языковом сознании носителей алтайского языка ассоциируется с одиноким черным пнем на поляне, на основе чего возник фразеологизм **кара төңгөш** ‘одинокий’ (букв.: черный пен). Компонент *кара* здесь, очевидно, подчеркивает черный цвет головы человека, и в то же время цвет сравниваемого с ним пня (естественный цвет застарелых пней обычно бывает темным). Примеры:

Бодо, сен јангыскан, мен база кара ла төңгөш кыйналып жүредим, кижии эи-јок, эи-бараан јок. Незин јажырар, тегин јерге кайран өйлөр өдүп јат. Сен ондый неме санабадын ба, Мекечи? (КТ, КЈ, 209) – Подумай, ты одна, я тоже совсем одинокий мучаюсь, никого нет, жены нет. Что скрывать, лучшие годы зря пропадают. Ты об этом не думала, Мекечи?; *Карындаштары јок кижии кара төңгөш ошкош ине. Тен јаманы коркыш* (БУ, Т, 333) – Человек без братьев и сестер очень одинок (букв.: человек, словно черный пен). Хуже некуда.

Кара төңгөш болуп (чылан) отурап ‘молча, безучастно; неподвижно сидеть’ (букв.: сидеть как черный пен). Например: *Бир катап јажытту санаазын энчигип болбой, чыгара айдып ийген... «Тил билбес, нени де билбес, слердин ортогордо кара төңгөш чилеп*

сомпойып калган отуратам ба?» – Однажды свои тайные мысли, не сдержавшись, выдал: «Языка не знающий, ничего не знающий, теперь [я] должен, ссутулившись безучастно сидеть между вами».

В алтайской фразеологии отрицательные черты лица нередко характеризуются фразеологизмами в форме загадки, например, **канга јукнас кара кучкаш** ‘чванливый’ (букв.: не подходящая к еде (кровяной колбасе) черная птичка) (АЧС, 140).

В обыденном сознании алтайского народа самой неприглядной частью тела, по понятным причинам, является зад. Соответственно, фразеологизмы с данным компонентом могут выражать только негативную коннотацию. Так, отрицательная оценка индивидуальных свойств человека отражена в семантике фразеологизма **јангыс ла (бойынын) кара кӧдӧнин сананар** ‘эгоист’ (букв.: думающий только о черном заде=своем). Например: *Эмдиги балдарга не де керек јок, јангыс ла бойынын кӧдӧндӧрин сананар* (Кыйынов) – Современной молодежи ничего не надо, эгоисты.

У алтайцев есть некоторые суеверия, связанные с тем, что какое-либо важное дело нельзя предпринимать немывтым, грязным, иначе оно окажется неудачным. Именно это обстоятельство послужило появлению в алтайском языке фразеологизма **кӧдӧни кара** (букв.: зад=его черный) ~ **кара кӧдӧндӧ** ‘невезучий’ (букв.: с черным задом). Например: *Кӧӧркидин кӧдӧни кара, јол-јорыгы да келишпес* (Баина) – Бедняга невезучий, и в дороге не везет.

Индивидуальные качества лица характеризует фразеологизм **ноль кара бок** ‘глупый, ничего не знающий; безграмотный’ (букв.: ноль черный кал). Этот фразеологизм появился относительно недавно, о чем свидетельствует наличие компонента *ноль*, привнесенное в алтайский язык из русского. Фразеологизм встречается преимущественно в устной речи жителей Усть-Канского района Республики Алтай. Например: *Мен ол тушта колхозто иштегем, јуредӧ јок, ноль кара бок* (Кыйынов) – Я тогда в колхозе работал, без образования, ничего не знающий.

Рассматриваемую подгруппу фразеологизмов, характеризующих отрицательные свойства человека, представляет целый ряд глагольных фразеологизмов.

Кара санан= ‘думать о ком-либо плохо, желать зла’ (букв.: черное думать). Лексема *кара* здесь усиливает негативную семантику всего сочетания. Например: *Ого бастыра студенттер тӱнгей – кемди де аңылап сӱӱбес, кемге де кара сананып, кыјырантыбас* (БУ, Т, 218) – Для него все студенты одинаковы – никого не выделяет, никому не желает зла, не раздражается.

Кара бажына јет= ‘причинять кому-либо зло; проучить кого-либо за проступки’ (букв.: добратся до черной головы=его). Например: *Келген «айылчылары» кӧндӱктирип, эки карындаш Јаанбаштын кара бажына једер деп катап ла шӱӱштилер* (ШЯ, ӦТ, 181) – Распровавшись с приезжими «гостями», двое братьев снова решили проучить Дьяанбаша; *јаман керектери учы-тӱбинде кара бажына једер* (АА, УБТ, 224) – Плохие поступки=его в конце концов обернутся против него самого.

Кара керек эт= ‘поступить плохо, подло; совершить злодеяние, преступление, черное дело’ (букв.: черное дело делать). Компонент *кара* в составе этой ФЕ выступает в актуализированном значении ‘плохой’. Примеры:

Кутус бу кара керегин эделе, чадырдан чыга јӱгӱргенин бойы да билбей калды (КТ, КЈ, 80) – Кутус, совершив это злодеяние =свое, сам не понял, как выбежал из шалаша; *Щербаковтын куучынын угуп, Эрден унчукпай барадала, онон мынайда айткан: «Сен карган кижини кӧкӱдип, кара керек эдип јадын, Михаил»* (БУ, ЭТ, 54) – Молча слушая речь Щербакова, Эрден затем сказал так: «Подстрекая старого человека, ты поступаешь подло, Михаил».

Кара керек кылын= ‘совершить черное дело, злодеяние, преступление’ (букв.: черное дело делать). Например: *Бир кӱн Такай Лучыны алганча база ла бойынын кара керектерин кылынарга ата-на берерде, Камчы, кӧп лӧ болор, јиштердин кӧзинче Мекечини сабарыла бойына кычырып алды* (КТ, КЈ, 209) – Когда однажды, Такай, забрав с собой Дьучы, отправился вершить черные дела=свои, Камчы на глазах, наверняка у многих, у молодежи пальцем поманил к себе Мекечи.

Кара неме эдип сал= ‘делать пакость, вредить; навести порчу’ (букв.: нечто черное делать). Например: *Канай ла мен сени ба-*

зынарым: айткан сөзинди укпаачы болорым, јагышы неме этсен – көрбөдүчү болорым. А керек десе, кара туйук неме эдип саларым (КТ, КЈ, 76) – Я буду унижать тебя, как только возможно: скажешь слово – притворюсь неслышавшим, сделаешь хорошее – притворюсь незамечающим. А может быть, даже сделаю тебе вред.

Кара неме эдип турган ‘занимающийся черной магией’ (букв.: нечто черное делающий). Например: *Калганчы өйдө кара неме эдип турган улустын тоозы көптөгөн* (Шукаева М.) – В последнее время увеличилось количество людей, занимающихся черной магией.

2.2.1.2. Фразеологизмы, характеризующие психоэмоциональное состояние человека

Отражение анатомической карты человека в процессе фразеологизации является яркой иллюстрацией специфики человеческого мировидения и мировосприятия. По мнению В. А. Плунгян, в описании наивной картины мира представления о локализации ощущений в человеческом теле занимают одно из центральных мест: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального «пребывания» (и – метафорически – их заместителем). Обязательная связь ощущений с какими-либо органами его тела является универсальной, различие лишь в том, как именно распределяются ощущения на наивной анатомической карте человека [Плунгян 1991: 156].

В наивной картине мира тюрко-монгольских народов одним из основных функционирующих органов человека является печень. Именно через нее выражается душевное качество и эмоциональное состояние человека. В алтайском языке встречается немало соматических фразеологизмов, связанных с этим анатомическим органом. Компонент *кара* ‘черный’ в составе этих ФЕ, на наш взгляд, подчеркивает темный, багровый цвет печени. Но, возможно, здесь имеет место и символика черного цвета как символа печали.

Бууры (өзөк-бууры) карар= ‘печалиться, тосковать; разочаровываться’ (букв.: печень=его чернеет). Примеры:

Жасты сакып, буурым карарды (Шукаева В.) – Ожидая весну, я затосковала; *Нөкөрүм неме бербесте, буурым карарды* (Токоев) – Когда друг мне ничего не дал, [я] разочаровался в нем.

Кара бууры кайыл= ‘печалиться, угасать от тоски’ (букв.: черная печень=его тает). Например: *А мынызы Аткар керегинде айдадым, сени санап, кара бууры кайылып барадыры* (БУ, СӨ, 168) – А это я говорю об Аткаре, вспоминая тебя, [он] угасает от тоски.

Фразеологизмы с аналогичной семантикой функционируют и в других тюркских языках Южной Сибири: как.: *хара паар хурупча* ‘сильно переживать, изводиться, скучать по кому-либо’ (букв.: черная печень сохнет), *паар харалга* ‘кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно’ (букв.: печень чернеет): *Э-э, ыыранган Мен, синиң дее паарың харалчатхан осхас, иркем* – Э-э, прорыдал Мен, и у тебя, дорогуша, скребет на душе [КФСХЯ: 55]; тур.: *bag'ru qara* ‘печальный, огорченный’ (букв.: у него черная печень) [Хертек 1976: 16].

Последующие фразеологизмы репрезентируют не вполне адекватное психическое состояние человека – чувство крайнего раздражения, гнева.

Кара каны (караны) кат= ‘сердиться, раздражаться, злиться’ (букв.: черная кровь=его твердеет). Например: *Сениң куучыныңды угуп, кара каным кадат* (Каятова) – Слушая твою речь, я раздражаюсь.

Кара канын јут= ‘сердиться, раздражаться, злиться’ (букв.: черную кровь=его глотать). Например: *Бис туку јарым ай кире јуртап јаткан улусты сен бойың айрыдың не, а энди не кара канын јудуп туруң* (КТ, КЈ, 70) – Нас, проживших вместе уже полмесяца, ты сам развел, и что ты теперь сердишься.

Кара каны кайна= ‘гневаться’ (букв.: черная кровь=его кипит). В отличие от двух предыдущих ФЕ, данный фразеологизм характеризует наивысшую степень психоэмоционального состояния человека, а именно – состояние крайне возбужденного человека, у которого в крови повышен адреналин, «кровь кипит в большом количестве». Например: *Кара сагышту Караты-Каанның кара каны кайнап чыкты, кара көзи кандала берди* (АБ, 5, 212) – Злой

Караты-Каан разгневался, черные глаза его налились кровью.

Кара каны кууры= ‘сердиться, гневаться’ (букв.: черная кровь=его свертывается). Например: «*Кара каным куурыза, сөд-гинди кара таш эдерим, кара каным куурыбаза, кал корым эдерим*» – деп, Муус-Каан айдынды (АБ, 9, 117) – Муус-Каан произнес: «Когда я разгневаюсь, кости=твои превращу в черный камень, когда не стану гневаться, сделаю [из них] курган».

Возможно, в приведенных выше фразеологизмах лексема *кара* обозначает темную венозную кровь – *кара кан*. Артериальная, насыщенная кислородом, кровь бывает светлой, алой – *кызыл кан* ‘алая кровь’. Но также возможно и то, что лексема *кара* здесь выступает в качестве интенсификатора.

В семантике фразеологизма *кара көлөткө (эт)*= ‘превратить в ничтожество, в ничтожного человека’ (букв.: в черную тень превратить) присутствует сема «оказать психологическое давление на человека, нанести моральный ущерб здоровью». Например: *Сен жаман кижси, сен кара сагышту, сен ийт ошкош, сени үредер керек, сени кара көлөткө эдиң бастыраар керек* (КТ, КЈ, 88) – Ты плохой человек, ты злой, тебя надо проучить, тебя надо превратить в ничтожество.

2.2.1.3. Фразеологизмы, характеризующие физиологическое состояние человека

В данную подгруппу входят фразеологизмы, характеризующие различную локализацию ощущений человека, его физиологическое состояние.

Голова выступает основным функционирующим органом в человеческом теле. В языковом сознании алтайцев голова человека ассоциируется с самим человеком – *кара баш* ‘человек как живое существо’ (букв.: черная голова). Например: *Кем жаргы-маргаанды женип алар, ол өрө тенериге чыксын, өзөтөннин жаргызын этсин, кара баштын салымын билзин* (АЈ, 6) – Кто одержит победу в тяжбе, тот пусть возвышается на небо и пусть вершит суд над всеми живыми, предопределяет судьбу человека (букв.: пусть дальней-

шую судьбу черной головы знает). Компонент *кара* в данном случае выражает реальный признак цвета, т.е. естественный черный цвет волос алтайцев.

В составе алтайских ФЕ компонент *баш* ‘голова’ нередко выступает как верхняя часть тела, испытывающая на себе все жизненные трудности и невзгоды. Согласно представлениям алтайцев, основанным на суевериях, голова (темя) является самой уязвимой частью тела человека. Поэтому ночью, особенно в период убывания луны, не рекомендуется ходить без головного убора, иначе злым духам легко удастся завладеть душой человека. Следовательно, после этого человек умирает. У алтайцев существуют и некоторые предписания по отношению к головному убору: нельзя вертеть шапкой, наступать на нее, перешагивать через нее. Этим можно вызвать сильную головную боль. Таким образом, ряд алтайских фразеологизмов с цветовым компонентом *кара* и соматизмом *баш* ‘голова’ выражают физиологические ощущения человека, связанные с причинением боли, а также лишением жизни.

Кара бажын бас= ‘убивать кого-либо; притеснять кого-либо, губить чью-либо жизнь, судьбу’ (букв.: черную голову=его придавить). Примеры:

Желбеген онын кара бажын бастым деп, сыр жыргалда (АЕ, КЈ, 21) – Чудовище Дьелбеген празднует по поводу того, что убил его; *Ол бир уул жаандарга киретем дейт. Фронтко баратам дейт. Бистин кара бажысты базатан туру* (АА, ÖЧК, 470) – Этот парень говорит, что хочет зайти к начальству. Говорит, что хочет на фронт. Погубит [он] нас.

Кара бажы базыл= ‘поплатиться своей головой; умереть; оказаться в безвыходной ситуации’ (букв.: черная голова=его придавлена). Например: *Үч жупта баатырдын кара баштары базылды* (АБ, 7, 93) – Три чудовищных богатыря убиты; *Кара бажым базылганы бу туру деп санандым* (АА, УБТ, 8) – Пропала моя голова, подумал я.

Кара бажы кыйыл= ‘поплатиться своей головой; умереть’ (букв.: черная голова=его усечена). Например: «*Эзен жүрген болзо, Тадалай слерле кожо токыналу отурар эди, быларга ла килеп,*

быларды ла айланып, кижии арткан јангыс эјезине де јолыгып ал-байтан туру не, кара бажы кыйган кийинде кѳзин соолгончо до ыйла», – јаанак ыйлап ийеле, айдынып аларга айылдаштары дѳѳн јѳгѳрген (ЖМ, ЈЈ, 71) – «Если была бы здорова, Тадалай сидела бы с вами спокойно, только вас и жалея, около вас и околачиваясь, даже не смогу увидеться с единственной оставшейся старшей сестрой, после того как умрет, хоть плачь, пока глаза не иссохнут» – бабушка, всплакнув, побежала жаловаться к соседям.

Кара бажын сал= (бер=) ‘пожертвовать собой; умереть’ (букв.: черную голову=свою положить (отдать)). Например: *Је мында да јаан тѳбек јок, ол темир учун кара бажын да берген улус бар* (ЖК, ОЈ, 206) – Ну и в этом нет большой беды, есть даже люди, погибшие ради этого металла.

Кара бажын ачу ашка сук= ‘злоупотреблять алкоголем, под-вергаться алкогольной зависимости’ (букв.: черную голову=свою опустить в горькую воду). Например: *А эмди кѳрзѳгѳр – алтай кижии калык адыла оморкоордын ордына кара бажын ачу ашка сугуп корондойт* (АЧ, 1998) – А теперь посмотрите – алтаец вместо того, чтобы возносить свой народ травит себя алкоголем (букв.: черную голову=свою в горькую воду опуская, травит).

Алтайцы, как и другие тюркские народы, большое значение уделяли такой важной и составной части человеческого тела как кость. Безусловно, данное обстоятельство связано с основным видом хозяйственной деятельности этих народов – скотоводством. Исследователи отмечают, что эмпирические знания, наблюдения над физиологией живых существ (связанные с бытом, охотничьей и скотоводческой практикой) привели людей ко вполне рациональным выводам о том, что состояние костяка является показателем состояния всего организма, степени его развития [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова 1989: 60].

Алтайские фразеологизмы с компонентом-соматизмом **сѳѳк** ‘кость’ репрезентируют прежде всего физиологические данные человека: его крепкое телосложение, статность, худобу и др. В алтайском языке функционирует фразеологизм **кара сѳѳк** ‘очень худой’ (букв.: черная кость). Компонент **кара** в данном случае выступает

в качестве интенсификатора, усилителя признака – худобы. Этот фразеологизм в алтайском языке употребляют по отношению к совершенно худому, истощенному (в результате тяжелой болезни, каких-либо психических переживаний) человеку. Например: *Сенин таайын оорыйла, кара сѳѳк болуп калтыр* (Каташева Г.) – Твой дядя, заболев, оказывается, стал очень худым. Ср. тув.: *кѳк сѳѳк* ‘очень худой’ (букв.: синие кости), т.е. сплошные кости, одни лишь кости [Татаринцев 1978: 63].

Довольно часто этот фразеологизм в алтайском языке используют по отношению к исхудавшим домашним животным. Обычно костный мозг у таких животных при вскрытии имеет нездоровый темный цвет.

Различные физиологические ощущения человека, связанные с какими-либо внутренними физиологическими или внешними физическими процессами, отражает ряд глагольных фразеологизмов. В составе фразеологизма (**ѳѳѳк**)-**бууры карар=** ‘проголодаться’ (букв.: нутро=его чернеет) компонент **карар=** (> **кара** ‘черный’), на наш взгляд, содержит сему ‘пустой’. Например: *А јанбаганча болбос: азык-тѳлѳк божогон, ѳѳѳк-буур карарган, танкы база тѳгенген* (ЖК, ЭѳП, 339) – А не возвращаться невозможно: продукты закончились, желудок проголодался, курево тоже закончилось; *Буур карарган кѳѳркий буудык ла уужап јиди не. Јаан ла болзо «ја-стырып», јажык кезип јиди не* (СС, Э, 31) – Проголодавшийся бедняга всего лишь, истолокши, съел зерна. Всего лишь, «совершив ошибку», съел негодное мясо исхудавшего животного.

Вариантом вышеупомянутого фразеологизма в алтайском языке является ФЕ **ѳѳѳк-бууры саргар=** ‘проголодаться’ (букв.: нутро=его желтеет) [Чумакаев 2005: 119]. Ср. *сары карын* ‘голодный желудок’, *сары ѳѳѳкѳ* ‘на голодный желудок (нутро)’ [Молчанова 1986: 193].

В составе следующего фразеологизма лексема **кара** выступает в значении ‘обильный’ – **кара сууга тѳш=** ‘покрываться, обливаться потом, сильно потеть’ (букв.: опуститься в черную воду). Рассматриваемый фразеологизм характеризует физиологическое состояние, как человека, так и животных. Примеры:

Эртечи манзаарала, чүрчеде ле кара сууга түжсе берген (ЖК, ОЈ, 114) – Эртечи, растерявшись, мгновенно вспотела; Калтар ат кара сууга түжсүп, бош ло шүүлип калтыр (ЖК, ОЈ, 150) – Мухортый конь, обливаясь потом, весь вымотался.

Кара бууры түген = ‘сильно утомиться, изнемогать, вымотаться’ (букв.: черная печень=его заканчивается). Данный фразеологизм характеризует наивысшую степень состояния усталости, изможденности вследствие длительных физических лишений, жизненных испытаний. Например: Канча чактарга албатынын кара каны төгүлип, кара жойу олжого айдадып, кара көстөрдөн канча кире јаш аккан, кыйынга-чакка кара бууры түгенип, карык баскан Алтай (КТ, КЈ, 131) – На протяжении веков сколько слез было пролито из черных глаз оттого, что много крови народной было пролито, что угоняли [его] в плен совершенно пешим; от мучений и бед изможденный, опечаленный Алтай.

Кара көс болуп сакы = ‘ждать, не отрывая глаз’ (букв.: превратившись в одни черные глаза ждать). Например: [Чочконын бажын] Кайнаттык ла кайнаттык, јангыс ла кара көс болуп, сакыдык ла сакыдык (ЖК, АЈЧ, 7) – [Голову свиньи] варили и варили, не отводя глаз ждали и ждали.

Кара көлөткө болуп (кал=) ‘приобрести измученный, болезненный вид вследствие физических или душевных страданий; замкнуться в себе’ (букв.: превратиться в черную тень). Примеры:

Је ол кожо јүрген нөкөрлөри јогына та ненин де учун, алдын-дагызына көрө, бүгүн кара көлөткө болуп, эки-јангыс сөс ычкынат (КТ, КЈ, 48) – Но он без своих друзей почему-то, по сравнению с прежним, сейчас, замкнувшись в себе, произносит лишь два-три слова; Эркелей санааркаштан улам торт кара көлөткө болуп калган (Чандыева) – Эркелей от переживаний совсем похудела.

Следующие ФЕ в рамках данной подгруппы заслуживают особого внимания в том отношении, что они объединены общей семей ‘пагубное влияние темных сил на человека, наносящих вред его жизни, здоровью’.

Карага алдырт = ‘оказаться во власти темной силы, подвергаться влиянию нечистой силы’ (букв.: черному подвергаться).

Например: Карага алдырткан кижини аргадаарга коркышту кұч (Токоеков) – Человека, подвергшегося влиянию нечистой силы, спасти очень трудно.

Лексическим вариантом вышеуказанного фразеологизма является фразеологический оборот **кара немеге туттур** = ‘оказаться во власти темной силы’ (букв.: нечто черным быть охваченным). Например: Эне, мен кара немеге туттурдым (КТ, ТДК, 44) – Мама, я оказался во власти нечистой силы.

Кара табарган ‘нечистая сила напала’ (букв.: черное напало): «Соктырган турум ине мен, соктыргам» – дейле, ого там коркымчылу боло берди – «Кара табарган» (ЖК, КТ, 133) – «Оказывается, задет я нечистой силой, задет» – сказал он, и ему стало еще страшнее – «Нечистая сила напала».

Карага кирген ‘грешный, увязший в грехе; оскверненный’ (букв.: в черное вошедший). Рассматриваемый фразеологизм используют по отношению к человеку, совершившему какой-либо грех или посещавшему чьи-то похороны (либо у которого умер какой-то родственник). Такой человек на определенное время не должен посещать святые места, целебные источники – аржан-суу, участвовать в религиозных обрядах освящения и т.д. Например: Арчынды он эки јаштан аштаган кыс бала үзер аргалу. Эр киндиктү карага кирбеген кижини үзер (АЈ, 50) – Можжевельник может срывать девочка, не достигшая двенадцати лет. Срывает неоскверненный мужчина.

Карага бастырган = ‘грешный, увязший в грехе; оказавшийся под влиянием темных сил’ (букв.: черным придавленный). Например: Јаш баланы ла эмчек энени, «колы-буды уурлай» берген кижини согуп, өнөтийин кинчектегени, өлтүргени – алтай калыктын јангында ол эн јаан кинчектердин бирүзи. Ондый керек эткен кижини «карага бастырган», «кинчеги ажынын калган» деп айдар (АЈ, 65) – Рукоприкладство, намеренное надругательство, убийство маленького ребенка, кормящей матери, беременной женщины (букв.: человека с отяжелевшими руками-ногами) – одно из самых тяжких грехов в религиозном представлении алтайского народа.

Человека, совершившего такое дело, называют «увязший в грехе», «грехи его перевалили через край».

Кара(н) бастык = 'испытывать удушье, видеть кошмары во сне (в полудреме); бредить' (букв.: быть придавленным черным). Данный фразеологизм выражает состояние, когда человеку во сне (в полудреме) кажется, что на грудь ему наваливается нечто тяжелое и начинает давить, а он не может проснуться, закричать, позвать на помощь: будто все в нем онемело. Алтайцы связывают это явление с влиянием темных сил на человека. Например: *Янында жаткан оору кижии онтоп, каран бастыгып, кандый да жарты жок эрмектенип ийерде, Сарлай ёрö туруп, онын үстине энгес этти* (БУ, ЭТ, 13) – Когда лежащий рядом больной человек, простонав в бреду, как-то невнятно заговорил, Сарлай встал и наклонился над ним.

Кара-Төнгөш жаар тус бедрен барар 'отправиться на тот свет; умереть' (букв.: к Черному пню отправиться искать соль). Например: *Кара-Төнгөш жаар тус бедрен баштап сенин сүүген нөкөрлөрүң, күүн-санаазы кара батка өштүлөрүң барып жат* (ЭТ, К, 200) – На тот свет (букв.: к Черному пню искать соль) в первую очередь отправляются твои любимые друзья, коварные (букв.: с мыслями черная желчь) враги=твои.

Истоки появления этого фразеологизма в алтайском языке уходят вглубь шаманских обрядов. В алтайском шаманизме термином *Кара-Төнгөш* обозначалось место, которое находится на границе владений Эрлика и Ульгения (основные божества у алтайцев), где Эрлик и Ульгень совершают суд над человеком [Анохин 1995: 85].

Определенные физические нагрузки на тело человека, в частности, на руки, связанные с выполнением какой-л. работы, репрезентирует фразеологизм **кара колдын кучиле** 'собственными силами, силами своих рук' (букв.: силами черных рук). Примеры:

Улус кырага не айлуу өтөк тартатан эди. Атла, кара колдын кучиле (АА, УБТ, 180) – Люди, бывало, сколько навоза на пашню таскали. На конях, силами своих рук; *Түни-түжиле амыры жок иштеген, кара колдын кучиле камык немени энтерген, төгүндө нерге бош кайдан келер база* (КТ, ЭӨП, 213) – Когда работаешь

день и ночь без отдыха, собственными руками переворачиваешь кучу всего, для притворства откуда возьмется свободное время.

2.2.2. ФТГ «Не –лицо»

Кроме фразеологизмов с компонентом *кара*, имеющих непосредственное отношение к человеку, в алтайском языке функционируют и другие фразеологизмы. Компонент *кара* в данных ФЕ выступает в своем основном цветовом значении 'черный', а также в своих переносных значениях.

Кара сагыш ~ кара санаа 'зло; злые, недобрые помыслы; злоба' (букв.: черная мысль). Например: *жайымын билген албатыны кандый да кара санаа жеп деп албас* (ЭТ, К, 101) – Свободный народ никакое зло не одолеет.

Кара керек 'плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление'. Компонент *кара* в составе этой ФЕ выступает в актуализированном значении 'плохой'. Примеры:

«Айткан сөзис агару, эткен керегис кара!», – Санабасов базып барала, көзнөкти кайра ачып, онын бозогозына такталанып отуруп, танкылай берген (АА, ÖЧК, 375) – «Слова=наши святы, дела=наши черны!», – Санабасов, подошел к окну и открыл [его], прислонив к подоконнику стул, сел на него и закурил; *Онын бу эткен кереги каргыштан да карадый, бастыра жонды, бүткүл Кайруны кандый да түби жок тамы дөөн ийде салып ийгендий* (БУ, Т, 189) – Это совершенное им злодеяние будто страшнее (чернее) даже проклятья, как-будто весь [поселок] Кайру толкнул в какую-то бездонную пропасть.

Синонимом вышеназванного фразеологизма является фразеологизм **кара кылык** 'плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление' (черный поступок). Например: *Кара кылыкты, жаманды эдерге терен санаа керек жок* (НМ, А, 6) – Для того, чтобы совершить подлый поступок, зло, особого ума не надо; *өштү көрөп, кара кылыгын таштаар күүни жок* (АЕ, КЖ, 20) – Враг, кичась, не хочет бросать свои черные дела.

В алтайском языке активно используется фразеологизм **кара суу** 'мокрый, промокший; сырой' (букв.: черная вода). Появление

данного фразеологизма, на наш взгляд, тесно связано с выражением *кара тер* ‘обильный пот’, т.е. пот, текущий ручьем, как сплошная вода. Фразеологизм употребляется как по отношению к человеку, так и по отношению к другим предметам. Примеры:

Бастыра бойы кара суу, жүзи кып-кызыл (ЖК, К, 13) – Сам весь в обильном поту, лицо красное-прекрасное; *Өдүгүм кара суу, кургадар керек* (Тадыкина) – Сапоги=мои мокрые, сушить надо.

У данного фразеологизма имеется вариант *көк суу* ‘мокрый, промокший; сырой’ (букв.: синяя вода). Примеры:

Адазы чөбчөйдү көнкөрө тудардын кажы ла жанында бастыра бойы жаашка көк суу болуп өдүп калган Нина айылга кийдири жүзүрүп келген (БУ, ЭТ, 141) – Как только отец собрался опустошить рюмку, в дом вбежала Нина, вся промокшая под дождем; *Көрмөстүң оды күйбей жатканын. Үлүш, көк суу, үлүш аспак ине* (АА, УБТ, 38) – Чертов огонь совсем не горит. Сырая, ведь, совсем сырая, сырая липа.

В составе фразеологизма *кара бајырт* ‘множество, несметное количество’ (букв.: черное множество) лексема *кара* выступает в актуализированном значении ‘многочисленный; множество, масса’. Например: *Албаты-жон кара бајырт* (ЖК, АЖÖ, 151) – Народу – множество.

Полисемантический фразеологизм *кара (ла) јерге* (букв.: черной земле) в алтайском языке функционирует в следующих значениях: 1) ‘зря, впустую, попусту’; 2) ‘много’; 3) ‘везде, всюду’: Примеры:

Кара јерге камык иш эдилди (АА, УБТ, 182) – Огромная работа проделана впустую; *Сукайры эдер деп кара ла јерге калаш кертеле, отуарарымда, улус келип јаткан туру не* (Петпенекоева) – Пока сижу, нарезав много хлеба для изготовления сухарей, оказывается, [ко мне] люди идут; *Мени кара јерге коптоды* (Каятова) – Обо мне повсюду злословили.

Иногда вместо указанного фразеологизма в алтайском языке употребляется его сокращенный вариант *каранга* ‘зря, впустую, попусту’ (*кара јерге* > *каранга*). Например: *Тохна Кымыскайды каранга каарып, чокып баштаары там ла иле көрүнип келди* (КТ, КЈ, 5) – Становилось очевидным, что Тохна Кымыская начнет попусту упрекать и «клевать».

У рассматриваемого фразеологизма имеются также синонимы *кара јерди* ‘много; повсюду’ (букв.: черную землю), *кара јерлү* ‘много’ (букв.: с черной землей). Примеры:

Ол кара јерди иштеп койды (СС, АЧА, 53) – Он всю работу сделал; *Лит балдардын тойында кара јерлү казан азылды* (Токоеков) – На свадьбе молодых было приготовлено много блюд; *Кара јерлү иш эттим* (Сапо) – Большую работу выполнил.

В последующих двух фразеологизмах, также выражающих количественные отношения, лексема *кара* обозначает грязь под ногтями.

Тырмактын каразынча ‘мало, чуть-чуть; маленький’ (букв.: с ногтевую черноту). Примеры: *Онын жүрегинде ого жүк тырмактын каразынча уят арткан болзо, бажында бир кичинек эрүүл иүүлте бар болзо, Јелечинин айтканын ондоор учурлу* (АА, УБТ, 159) – Если в его душе осталось хоть немного совести, в голове хоть немного трезвого рассудка, то [он] должен понять слова Дьелечи; *Тенгериде тен бир тырмактын каразынча да кир јок – чап-чанкыр* (КТ, КЈ, 180) – На небе не было даже маленького темного пятнышка – голубое-преголубое.

Тырмактын каразына да турбас ‘не стоит и ломаного гроша’ (букв.: не стоит и черноты в ногте). Например: *Ананг башка олор тен бир тырмактын каразына да турбайтанын кижги јангыс каттап көргөн эмес ине* (КТ, КЈ, 44) – А кроме этого, ведь, [человек] не раз убеждался в том, что они не стоят даже и ломаного гроша.

Алтайскому фразеологизму *тырмактын каразынча* ‘мало; маленький, короткий’ в башкирском языке соответствует выражение *kara karahындай* ‘с ноготок, малюсенький’ [БРС: 349]. Ср. бур.: *хюһһанай харын зэргээр* ‘очень мало’ (букв.: столько, сколько черноты под ногтем) [Санжина 1985: 104].

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что в рассмотренных ФЕ лексема *кара* занимает ключевую позицию в формировании их семантики. В одних случаях *кара* выражает черный / темный цвет реальных, а в других – содержит негативную коннотацию.

2.3. Семантическая структура монгольского слова *хар* ‘черный’

Слово *хар* в «Большом академическом монгольско-русском словаре» представлено в следующих значениях: 1. 1) ‘черный, темный’; 2) постный, чистый; 3) лишний, излишний; полный; 4) тягостный, мучительный, ужасный; неприятный; назойливый; 5) простой, простонародный; 6) простой, обычный; физический, черный, грубый; 7) коварный, зловерный, злонамеренный, приносящий несчастье; 8) простой, простого происхождения, светский, мирской, недуховный; 9) самый сильный; самый; 10) собственный, свой; 2. 1) только, лишь; исключительно; совсем; 2) очень, слишком; 3. 1) что-либо черное; чернота; 2) сожаление, жалость; 3) зависть, зло; преступление, злодеяние [БАМРС: 44–46].

Основное значение ‘черный’ (ЛСВ₁) слово *хар* реализует в составе следующих сочетаний: *хар нүд* ‘черные глаза’, *хар тос* ‘деготь’, *хар шороо* ‘чернозем’, *хар гурил* ‘ржаная мука’, *хар талх* ‘ржаной хлеб’, *хар байван* ‘черный купорос’, *хар тугалга* ‘свинец’ и др.

В составе ботанических и зоологических терминов лексема *хар* выступает в качестве цветового определителя: *хар гүнжид* ‘дикий лен’, *хар мод* ‘лиственница сибирская’, *хар бурам* ‘черный тростниковый сахар’, *хар нэрс* ‘черника’, *хар чавга* ‘чернослив’, *хар шарилж* ‘полынь рутолистная’, *хар цийр* ‘тмин’, *хар ширэг* ‘осочка узколистная’, *хар галуу* ‘черный гусь’, *хар гөрөөс* ‘медведь’, *хар тогоруу* ‘черный журавль’, *хар хэрээ* ‘черный ворон’ и др.

Материалы монгольского языка показывают, что слово *хар*, как и алтайское *кара*, выступает в производно-номинативном значении ‘темный’. Например: *хар шөнө* ‘темная ночь’, *хар түнэр* ‘тьма крошечная, темно’. Данное значение также актуализируется при обозначении темных цветовых оттенков: *хар бор*, *хар сараал* ‘темно-серый’, *хар ногоон* ‘темно-зеленый’, *хар хүрэн* ‘темно-коричневый’, *хар хээр* ‘карий, темно-гнедой’ [МРС: 512; БАМРС: 44–45].

Следующие производные значения слова *хар* можно охарактеризовать как переносные.

ЛСВ₂ ‘постный, чистый’. Данное значение слово *хар* реализует в сочетании с некоторыми словами, обозначающими питье или пищу в значении без примесей: *хар цай* ‘чай без молока, незабеленный молоком чай’, *хар мах* ‘постное, нежирное мясо’, *хар шөл* ‘постный, нежирный суп, суп из одного мяса, простой мясной’ (букв.: черный суп) и др. [БАМРС: 45].

ЛСВ₃ ‘лишний, излишний; полный’. На основе каких ассоциативных связей у слова *хар* в монгольском языке возникло данное значение, неясно.

ЛСВ₄ ‘тягостный, мучительный, ужасный; неприятный’: *хар шурга* ‘ужасная метель’ (букв.: черная метель), *хар чийг* ‘вредная роса, т.е. вечерняя роса, способная вызвать простуду’ (букв.: черная влага), *хар хор* ‘черная зависть’. Данное значение лексема *хар* актуализирует также в составе фразеологических единиц: *хар хэл ам* ‘неприятные разговоры, способные навести порчу’ (букв.: черный язык), *хар хэл ам болов* ‘начались неприятные разговоры’ (букв.: начался черный язык), *хар дарах* ‘испытывать удущье во сне, пугаться кошмарных сновидений’ (букв.: давить ужасные / неприятные черные сны) [БАМРС: 45; Пюрбеев 1972: 136; Баярсайхан 1996: 58].

ЛСВ₅ ‘простой, простонародный: *хар зурхай* ‘простая астрология’, *хар хэл* ‘просторечие; разговорный язык’ (букв.: черный язык), *хар үг* ‘разговорное, нелитературное слово, разговорная речь’, *хар хэл* ‘просторечие; разговорный язык’; *хар яриа* ‘просторечие; разговорная речь’ [БАМРС: 45].

ЛСВ₆ ‘простой, обычный; физический, грубый’. Данное значение слова *хар* реализуется в составе словосочетаний: *хар ажил* ‘черная работа, неквалифицированный труд’, *хар ажилчин* ‘чернорабочий; кули’, *хар дээс* ‘грубая веревка’, *хар муйхраар* ‘путем грубого насилия, насильственным путем’, *хар хүч* ‘грубая, физическая сила; насилие’ (букв.: черная сила), *хар хүчээр* ‘при помощи грубой силы, насильственно’, *хар хүчээр дийлэв* ‘победил только благодаря своей силе’ [БАМРС: 45], *хар ажлын хувцас* ‘одежда, предназначенная для грубых, тяжелых работ’ (Бямбаахуу).

ЛСВ₈ ‘простой, простого происхождения, светский, мирской, недуховный’: *хар болгох* ‘исключить из ламского сословия’, *хар*

болох ‘стать мирянином; снять духовное звание, духовный сан’, *хар улс* ‘миряне’, *хар феодал* ‘светский феодал’, *хар хүн* ‘муж; мирянин, светский человек; гражданин’, *харц хүн* ‘простой человек’ (не дворянин), *хар тэргүүт* ‘простолюдин, человек’, *харцуул* ‘простолюдины’ (ср. *цагаан ястан* ‘знатный, родовитый’ (букв.: белая народность)), *нэг хар хүн ирлээ* ‘пришел какой-то гражданин’ и др. [МРС: 513; БАМРС: 45].

Возникновение этого значения связано с тем, что в монгольской языковой картине мира черный цвет олицетворяет простоту и противопоставляется желтому, олицетворяющему духовность, почет, уважение: *хар шар феодал* ‘светские и духовные феодалы’ (букв.: черные и желтые феодалы) [Баярсайхан 1996: 58].

ЛСВ₉, ‘самый сильный; самый’. Это значение монгольского слова *хар* реализуется в составе следующих словосочетаний: *хар бага нас* ‘раннее детство’, *хар бага насандаа* ‘в малолетстве’, *хар бороо* ‘сильный дождь; самый разгар дня’, *хар салхи* ‘сильный ветер, буря, ураган’ (букв.: черный ветер), *хар сэрүүн* ‘заморозки, прохладная, предзимняя погода’, *хар хөлс* ‘обильный пот; черный, трудовой пот’, *хар хөлс асгах* ‘сильно потеть’, *хар шуурга* ‘сильная метель, пурга’ и др. [БАМРС: 46].

ЛСВ₁₀, ‘собственный, свой’: *хар амиа хөөх* ‘идти своей дорогой’, *хар амиа алдаг* ‘потерять свою жизнь’, *хар бие* ‘одинокий; совсем одинокий человек, бобыль’, *хар биеэ зовоох* ‘измучить себя, измучиться’, *хар зоргондоо* ‘по своей воле; добровольно; самовольно, самолично; ни с того, ни с сего’, *хар тархиндаа гомдох* ‘пенять на самого себя’ и др. [БАМРС: 46].

У монгольского слова *хар*, как и у алтайского *кара*, выделяется и усилительное значение 1) ‘только, лишь; исключительно; совсем’; 2) ‘очень, слишком’: *хар амиа бодох* ‘заботиться только о себе, быть эгоистом’, *хар өглөөгүүр* ‘в непросветную рань, очень рано, затемно’, *хар эрт* ‘слишком рано, чуть свет, спозаранку’ (**ЛСВ₁₁**) [БАМРС: 46].

Появление следующих переносных значений слова *хар* в монгольском языке, безусловно, связано с негативной символикой черного цвета. У монголов он соотносится с плохим началом, опас-

ностью, бедами и злом [Баярсайхан 1996: 58]. Так, выделяются следующие коннотативные значения слова *хар* с ярко выраженной негативной оценкой.

ЛСВ₇, ‘злой, коварный, зловредный, злонамеренный, приносящий несчастье’: *хар хов* ‘злая сплетня’, *хар худал* ‘злая, черная ложь’, *хар өдөр* ‘черный день, несчастный день’, *хар бараг цагт* ‘в темные, невежественные времена’, *хар гай* ‘злая напасть’.

Данное значение монгольского слова *хар* в большинстве своем реализуется в составе фразеологических единиц: *хар бараг* ‘дурной, скверный; злой, вредный; порочный; темный, невежественный’, *хар санаа* ‘злонамерение, злоумышление, коварство’, *хар уйл* ‘подлое, худое дело’ ~ *хар хэрэг* ‘злодеяние, преступление’ (букв.: черное дело), *хар сэтгэл* ‘коварная душа’ (букв.: черная мысль), *хар дотормой* ‘зловредный, коварный’ (букв.: с черным желудком / животом) и др. [БАМРС: 45].

В рамках данного исследования следует привести и некоторые значения монгольского слова *хар*, которые в словарных статьях даны только как примеры. Рассмотрение этих значений необходимо прежде всего для выявления сходств и различий семантики данного слова с семантикой алтайского слова *кара*. Так, например, у монгольского слова *хар* можно выделить следующие значения.

ЛСВ₁₁, ‘грязный’: *хар болох* ‘становиться черным, грязным’ (Лождоо). Это значение мы характеризуем как производно-номинативное.

ЛСВ₁₂, ‘обильный’: *хар хөлс* ‘обильный пот; черный, трудовой пот’, *хар хөлс асгах* ‘сильно потеть’ [МРС: 512].

ЛСВ₁₃, ‘крепкий’: *хар архи* ‘крепкая водка’ (букв.: черная водка), *хар тамхи* ‘опиум’ (букв.: черный табак) (ср. *улаан тамхи* ‘легкий табак’) [МРС: 512; Бертагаев 1971а: 109; Баярсайхан 1996: 58].

ЛСВ₁₄, ‘ценный’: *хар булган дахаа өрөг* ‘преподносить ценную соболью доху’ (букв.: черную соболью доху) [Баярсайхан 1996: 58]. Это значение соответствует значению ‘лучший’ алтайского слова *кара*.

Монгольское слово *хар*, как и алтайское *кара*, выражает обобщение, собирательность и множественность: *хүн хар* ‘люди;

кто-либо', *хар* 'книги', *морь хар* 'лошади и прочие', *хун хард бүү хэл* 'не говори ни единой душе', *юм хар ав* 'возьми вещи' [МРС: 574, 513]. В отличие от алтайского слова *кара*, монгольское *хар* как второй компонент парных слов здесь занимает место в постпозиции, т.е. после определяемого слова.

В составе фразеологических единиц лексема *хар* в основном выражает негативную коннотацию. Здесь представлены следующие фразеологизмы: *хар бараг* 'дурной, скверный; злой, вредный; порочный; темный, невежественный', *хар санаа* 'злонамерение, злоумышление, коварство', *хар сэтгэл* 'коварная душа' (букв.: черная мысль), *хар дотортой* 'зловредный, коварный' (букв.: с черным желудком / животом) // *хөөшиг хар дотортой* 'коварный' (букв.: с черным, как сажа, желудком / животом), *хар элэгтэй* 'чужой, неродной; враждебно настроенный, холодно относящийся' (букв.: с черной печенью), *хар үзэл* 'злой умысел, козни', *хар үзэлт* 'черносотенный; черносотенец; реакционер' (букв.: черного придерживающийся), *хар уйл* 'подлое, худое дело' // *хар хэрэг* 'злодеяние, преступление' (букв.: черное дело), *хар хэл ам* 'неприятные разговоры, способные навести порчу' (букв.: черный язык), *хар хэл ам болов* 'начались неприятные разговоры' (букв.: начался черный язык), *хар санах* 'питать злобу, ненавидеть', *хар санаа санах* 'иметь злое намерение, замышлять плохое', *хар буруу санах* 'злоумышлять', *хар санаатай хэрэг* 'злонамеренный поступок', *хар авах* 'подозревать кого-л., в чем-л.; догадываться о чем-л.' (букв.: черное брать), *хар амиа бодох* 'идти своей дорогой' (букв.: думать (только) о своей черной душе), *хар амья (хараха)* 'думать только о себе, о собственном благополучии, эгоист' (букв.: черная жизнь свое думать), *хар дарах* 'испытывать удушье во сне, пугаться кошмарных сновидений' (букв.: давить ужасные / неприятные черные сны), *дотор харлах* 'сосет под ложечкой, испытывать поташнивание от голода' (букв.: внутри [внутренности] чернеть), *хар толгойгоо залгих* 'поплатиться своей головой, не сносить головы' (букв.: черную голову свою проглотить), *хар усаа балгачих* 'напиться, нализаться, хлебнуть спиртного' (букв.: черной воды наглотаться), *хар буух* 'жалеть, сожалеть, сокрушать-

ся о чем-л.' (букв.: черное оседлать), *завсараар нь хар хялгасан багатахуй* 'жить очень дружно, в большом согласии между собой, жить душа в душу' (букв.: в промежутке между кем-либо черный волосок не поместится) [МРС: 513; БАМРС: 45; Пюрбеев 1972; Энхдэлгэр 1996: 12; Баярсайхан 1996: 58].

2.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова *кара* и монгольского слова *хар* 'черный'

Анализ семантических структур алтайского слова *кара* и монгольского слова *хар* показывает, что значения данных слов во многом совпадают и в то же время национально специфичны.

Так, например, у монгольского слова *хар* мы не обнаружили производно-номинативного значения 'густой' (о деревьях), которое имеется у алтайского слова *кара* (ЛСВ₈). Главной причиной здесь послужило то, что основной ландшафт Монголии – это пустыня со скудной растительностью.

Значение 'светский, мирской, недуховный' (ЛСВ₈) слова *хар* наглядно отражает национально-культурную специфику монгольской языковой картины мира. Развитие значения связано с традиционной буддийской религией монголов, т.е. оно характеризует обычных мирских людей, в отличие от монахов, живущих в монастырях. У алтайцев же буддизм широкого распространения не получил.

Негативная символика черного цвета одинаково повлияла на развитие переносных значений рассматриваемых слов, но некоторые значения данных слов существенно отличаются. Если монгольское слово *хар* развивает переносное значение 'тягостный, мучительный, ужасный; неприятный' (ЛСВ₄), не характерное для алтайского слова *кара*, то последнее, благодаря тому, что черный цвет у тюркских народов символизирует печаль, развивает значение 'мрачный, печальный' (ЛСВ₃), которое отсутствует в семантической структуре слова *хар*.

Несмотря на некоторые расхождения в семантике, анализируемые слова имеют много общего (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Семантика слов *кара* ~ *хар*

№	Семантика	Алтайское слово <i>кара</i>	Монгольское слово <i>хар</i>
1.	‘черный; вороной’	+	+
2.	‘темный’	+	+
3.	‘смуглый’	+	—
4.	‘грязный’	+	+
5.	‘густой’	+	—
6.	‘обильный’	+	+
7.	‘большой, крупный’	+	—
8.	‘мрачный, печальный’	+	—
9.	‘плохой, негативный’	+	+
10.	‘злой, коварный’	+	+
11.	‘тягостный, мучительный, ужасный, неприятный’	—	+
12.	‘тяжелый, физический’ // ‘физический, грубый’ (о работе)	+	+
13.	‘многочисленный; масса, множество’	+	+
14.	‘крепкий, доброкачественный; ценный, лучший’	+	+
15.	‘простой, обыкновенный’	+	+
16.	‘светский, мирской, недуховный’	—	+
17.	‘постный, нежирный; незабеленный’	+	+
18.	‘лишний, излишний’	—	+
19.	‘самый сильный’	—	+
20.	‘собственный, свой’	—	+
21.	‘очень, абсолютно, совершенно’	+	—

Межъязыковые параллели в алтайском и монгольском языках можно провести и на уровне фразеологии. Из всех ФЕ с цветовыми компонентами самыми многочисленными являются фразеологизмы с компонентами *кара* ~ *хар*. В алтайском и монгольском языках обнаружены следующие эквиваленты (см. Таблицу 7).

Таблица 7

Алтайские и монгольские фразеологические эквиваленты с компонентами *кара* ~ *хар*

№	Алтайские ФЕ	Монгольские ФЕ
1.	<i>ичи кара</i> ‘злой, коварный, подлый’ (букв.: нутро черное)	<i>хар дотортой</i> ‘зловредный, коварный’ (букв.: с черным желудком / животом); <i>хөөшиг хар дотортой</i> ‘коварный’ (букв.: с черным, как сажа, желудком / животом)
2.	<i>кара бажын ачу ашка сук</i> = ‘злоупотреблять алкоголем, подвергаться алкогольной зависимости’ (букв.: черную голову=свою опустить в горькую воду)	<i>хар усаа балгачих</i> ‘напиться, нализаться, хлебнуть спиртного’ (букв.: черной воды наглотаться)
3.	<i>кара бажы базыл</i> = ‘поплатиться своей головой, умереть; оказаться в безвыходной ситуации’ (букв.: черная голова=его придавлена); <i>кара бажы кыйыл</i> = ‘поплатиться своей головой, умереть’ (букв.: черная голова=его усечена)	<i>хар толгойгоо залгих</i> ‘поплатиться своей головой, не сносить головы’ (букв.: черную голову свою проглотить)
4.	<i>каран бастык</i> = ‘испытывать удушье, видеть кошмары во сне (в полудреме); бредить’ (букв.: быть придавленным черным)	<i>хар дарах</i> ‘испытывать удушье во сне, пугаться кошмарных сновидений’ (букв.: давить ужасные / неприятные черные сны)
5.	<i>кара кардына болуп (jүрер)</i> ‘эгоистичный, корыстолюбивый человек, живущий ради себя самого’ (букв.: живущий ради черного желудка=своего); <i>janгыс ла (бойынын) кара кӧдӧнин сананар</i> ‘эгоист’ (букв.: думающий только о черном заде=своем)	<i>хар амиа бодох</i> ‘идти своей дорогой’ (букв.: думать (только) о своей черной душе); <i>хар амья (хараха)</i> ‘думать только о себе, о собственном благополучии, эгоист’ (букв.: черная жизнь свое думать)

6.	<i>кара керек</i> ‘плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление’ (букв.: черное дело); <i>кара кылык</i> ‘плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление’ (букв.: черный поступок)	<i>хар хэрэг</i> ‘злодеяние, преступление’ (букв.: черное дело); <i>хар уйл</i> ‘подлое, худое дело’ (букв.: черное дело)
7.	<i>кара сагышту</i> ~ <i>кара санаалу</i> ‘злой, коварный, злопамятный’ (букв.: с черными мыслями)	<i>хар сэтгэл</i> ‘коварная душа’ (букв.: черная мысль)
8.	<i>кара санаа</i> ‘зло; злоба, злые, недобрые помыслы’ (букв.: черная мысль)	<i>хар санаа</i> ‘злонамерение, злоумышление, коварство’
9.	<i>кара санан</i> = ‘думать о ком-либо плохо, желать плохого’ (букв.: черное думать)	<i>хар санах</i> ‘питать злобу, ненавидеть’; <i>хар санаа санах</i> ‘иметь злое намерение, замышлять плохое’;
10.	<i>кара сууга түйш</i> = ‘покрываться, обливаться потом’ (букв.: опуститься в черную воду)	<i>хар хөлс асгах</i> ‘сильно потеть’
11.	<i>дзёк-бууры карар</i> = ‘проглодаться’ (букв.: нутро=его чернеет)	<i>дотор харлах</i> ‘сосет под ложечкой, испытывать поташнивание от голода’ (букв.: внутри [внутренности] чернеть)

Таким образом, проведенный анализ показал, что черный цвет в языковых картинах мира алтайцев и монголов содержит сложную символическую нагрузку. В мировосприятии монголов, как и у алтайцев, черный цвет не всегда означает одно плохое. Иногда он может восприниматься как нейтральный цвет, иногда выражает положительную коннотацию. Эта особенность отразилась в неоднозначности семантики слов *кара* ~ *хар*, обозначающих черный цвет в алтайском и монгольском языках.

§ 3. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова *кызыл* и монгольского слова *улаан* ‘красный’

Основным обозначением красного цвета в алтайском языке является общетюркское слово *кызыл*. Большинство исследователей этимологию данного слова связывают с глагольной основой на *кыз* = в значениях: 1) ‘быть красным’; 2) ‘пламенеть, накаляться, раздражаться’ [Петрова, Бугаева 1969: 200; Кононов 1978: 177; Кормушин 2001: 603]. В алтайском языке от этой основы, кроме лексемы *кызыл*, образованы глагол *кызы* = ‘накаляться’ и прилагательное *кызу* ‘горячий, накаленный’. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что лексема *кызыл* ‘красный’ в тюркских языках отождествляется с огнем, накаливанием. Почитание огня с древнейших времен занимает важное место в повседневной жизни алтайцев, как и большинства тюркоязычных народов. Огонь для них считается священным, ассоциируется с животворящим началом; его магическая сила способна очищать всякое зло. Поэтому почти все алтайские обряды и обычаи начинаются с приветствия и прославления огня.

Этимологию слова *улаан* – основного обозначения красного цвета в монгольском языке – также связывают с глагольной основой: *улаан* < *ула-лзах* ‘краснеть, рдеть’ [Бертагаев: 1969: 117]. Известна и другая точка зрения: исходным для данного слова считают денотативное значение ‘мясо или кровь’, сохранившееся в выражении *улаа гараха* ‘заколоть на мясо овцу’ (букв.: вынести красное) [Санжеев 1941: 36].

3.1. Семантическая структура алтайского слова *кызыл* ‘красный’

В мировосприятии алтайцев красный цвет ассоциируется с кровью и олицетворяет собой физическую силу, мощь, молодость, красоту, здоровье. По всей видимости, это связано с тем, что по своим физическим свойствам красный цвет относится к *теплым*

цветам и отличается своей яркостью, интенсивностью. В целом, в культурологическом аспекте красный цвет алтайцами воспринимается как хороший, благоприятный цвет. К примеру, на вопрос: «*Кандый жүрүң?*» – «Как живешь?» алтайцы отвечают: «*Кызыл-күрен жүрүм*» – «Хорошо живу (букв.: красно-коричнево живу)». У жителей Улаганского района Республики Алтай красный цвет считается сакральным, цветом-оберегом. Согласно обычаям, жители этого района почетным гостям завязывают пояса красного цвета, а женское свадебное одеяние *чегедек* шьют из красной ткани, что не столь характерно для жителей других районов Республики Алтай.

В «Ойротско-русском словаре» слово *кызыл* представлено в значениях: 1. красный, рыжий: *кызыл мааны* ‘красное знамя’, *кызыл-коныр ат* ‘красно-рыжий конь’; 2. румяный: *кызыл жаакту* ‘краснощекий, румяный’ [1947: 103].

Анализ семантической структуры слова *кызыл* в алтайском языке позволяет говорить о его многозначности. Мы выделяем следующие значения слова: 1) красный; 2) румяный (о цвете лица); 3) рыжий; 4) спелый; 5) *перен.* молодой; здоровый, крепкий; 6) *перен.* красивый; 7) абсолютно, совершенно.

В своем основном значении (**ЛСВ₁**) лексема *кызыл* обозначает цвет артефактов и натурфактов. Примеры:

Бистин үстибисте бу кызыл күн бийиктенг нени көрөт, неге сүүнөт? (БУ, АКБ, 52) – Это красное солнце над нами что [оно] видит, чему радуется?; *Жортуп келзе, туранын сок жангыс көзнөгинде лампанын кызыл оды, турада аккордеон торт билинер-билинбес ойноп, ойноп турды* (АА, ÖЧК, 68) – Когда подъехал к дому, в единственном окне дома – красный огонек лампы, в доме неистово играл, играл аккордеон.

Лексема *кызыл* в алтайском языке выступает в роли цветового определителя в составе ботанических, зоологических и других специальных терминов: *кызыл тал* ‘верба’, *кызыл тыт* ‘лиственница’, *кызылгат* (< *кызыл кат*) ‘красная смородина’ (букв.: красная ягода), *кызыл тазыл* ‘красный корень’; *кызыл түлкү* ‘рыжая лиса’; *кызыл жес* ‘красная медь’ и др.

Семантическая структура слова *кызыл* в алтайском языке представляется нам иерархически организованной, где главен-

ствующая роль отводится основному значению. По способу связей ЛСВ друг с другом смысловую структуру данного слова можно отнести к радиальному типу полисемии. Все производные значения мотивируются основным. Они разделены на две группы.

В первой группе производных значений мы выделяем три производно-номинативных значения (ЛСВ₂, ЛСВ₃, ЛСВ₄). Эти значения объединены общей семой «признак света / цвета».

ЛСВ₂ ‘румяный’. Данное значение реализуется при описании цвета лица человека, в частности, румяных щек. Например: *А байа түнде дезе онын эки кызыл сопогын, эки кызыл качарын түженип кондым* (БУ, Т, 198) – А прошедшей ночью мне снились ее два красных сапога и две румяных щеки.

ЛСВ₃ ‘рыжий’. Данное значение в первом случае реализуется при описании цвета волос, бороды человека. Например: *Кааканын кызылзымак суйук Сагалы, түлкүнинг куйругынан эткен жаказы чүрчедде ле кырутый берер* (ЖК, ОЖ, 125) – Рыжеватая редкая борода Каака, воротник из лисьего хвоста мигом покрывались инеем.

Во втором случае данная семема выражает рыжую масть животных: *Кара ат ла кызыл ат бой-бойына чурап ла барган* (БУ, СÖ, 122) – Вороной и рыжий кони ринулись друг на друга; *Кызыл башту, тыртык мүүстү кой, койлордын алдынан айыл жаар көндүкти* (ПК, ТАП, 140) – Рыжеголовая, криворогая овца вперед всех овец устремилась домой.

ЛСВ₄ ‘спелый, созревший’. Данный ЛСВ выражает красный цвет созревших плодов и ягод. Например: *Колындагы эки кызыл аламань ого: «Ме, балам» – деп, эмди ле табыштырып берер күүндү* (БУ, Т, 9) – Со словами «На, дочь=моя» [она] готова была сейчас же отдать два наливных яблока, находящихся в руках.

В деривационном отношении от лексемы *кызыл* ‘спелый’ в алтайском языке образовано слово *кызак* в значении ‘раннеспелая ягода’.

Вторая группа производных значений представлена рядом переносных значений, возникших на основе символики красного цвета.

ЛСВ₅ ‘молодой; здоровый, крепкий’. Данное значение мы рассматриваем как переносное, образованное в результате метафорического переноса. Как уже отмечалось ранее, красный цвет в мировоззрении алтайцев олицетворяет молодость, здоровье, нередко ассоциируется с цветением и созреванием. Красный – это цвет весны, когда на Алтае цветут розово-красные пионы, кандык, багульник. А пора цветения, весна в жизни человека – это его молодость. Поэтому не случайно в алтайском языке молодость человека сравнивается с красным багульником – *кызыл-марал*. Например: *Бир тужында бис те кызыл-марал кыстар болгон эдис ле. Эмди ле чырчыйдыс, эмди ле карыдыс* (БУ, СӨ, 231) – Когда-то и мы были юными девушками (букв.: красный багульник девушками). Это нынче мы покрылись морщинами, это сейчас мы состарились.

Собранный фактический материал показывает, что лексема *кызыл* в анализируемом значении чаще всего выступает в составе устойчивых образных выражений, в которых подчеркивается молодой возраст человека: *кызыл тушта* ‘в молодости’ (букв.: в красную пору). Например: *Кызылгат быжар тужында бойын келеринг жиирге. Кызыл жараи тужында бойын келеринг ойноорго* (песня) – В пору созревания кислицы сама придешь отведать. В молодую красивую пору сама придешь веселиться; *кызыл-күрен тушта* ‘в молодости’ (букв.: в красно-коричневую пору). Например: *Кызыл-күрен јаш тушта ойноп, ойноп ол албай* (песня) – В цветущую юную пору надо играть-веселиться; *кызыл-марал јиитте* ‘в молодости’ (букв.: в красный багульник молодости). Например: *Көөркий кызыл-марал јиитте канай өлөтөн* (ЖК, КТ, 51) – Бедная, как [ей] умирать такой молодой; *јаак кызыл тушта* ‘в молодости’ (букв.: в пору, когда щеки были красными). Например: *Эн јакшы, тийингдий јенгил, көбөлөктий көөрөм, кызыл-марал баалу тужы мынайып ла өдүп калды* (ЖК, КТ, 173) – Самая лучшая, легкая как белка, задорная как бабочка, юная драгоценная пора вот так и прошла; *түлкүдий кызыл тушта* ‘в молодости’ (букв.: в пору, когда был красным, как лис). Например: *Јаагым кызыл тужым јаар, кызыл-марал кырлар јаар јанкелерим, Эзендик* (БС, АСҮ, 362) – Я

вернусь, [к тебе] Эзендик, во времена молодости=моей, к горам с красным багульником.

Примечательно, что слово *улаан*, заимствованное из монгольского языка в эпических произведениях алтайского фольклора также употребляется в переносном значении ‘молодой, юный’: *Улу-јаан јаштулар бир башика јуулдылар, улаан, јиит уулдар бир башика јуулат* (АБ, 8, 48) – Старик и взрослые собрались в одно место, юные (букв.: красные), молодые парни собираются в другое место.

В чувашском языке, напротив, словом *херле* ‘красный, алый’ подчеркивают зрелый возраст. Так называют женщину, получившую статус полноправного члена семьи мужа, т.е. женщину, имеющую детей и находящуюся под покровительством мужа и его родственников [Лебедева 1992: 115].

Известно, что в русской языковой картине мира молодость ассоциируется с зеленым цветом. Наиболее ярко это иллюстрируют выражения «молодо-зелено», «зеленый, незрелый, юный, неопытный». В данном случае, по словам А. А. Брагиной, ассоциация проводится с цветом зеленых незрелых плодов, свежих и молодых: *зеленый плод > незрелый плод; зеленый > незрелый > молодой* [1972: 88].

ЛСВ₆ ‘красивый’. Это переносное значение возникло благодаря символике красного цвета как символа красоты, поскольку на фоне других цветов он выделяется своей яркостью. Рассматриваемое значение в алтайском языке в большинстве случаев реализуется при описании женской красоты. Примеры:

Кымыс будук јогынан да кызыл, јараи (АА, ÖЧК, 323) – Кымыс и без косметики хороша (букв.: красная), красива; *Кызыл-јараи чырайлу кыстар, келиндер јуулала, кожондожып ойноды* (АБ, 2, 218) – Девушки, женщины с красивыми лицами (букв.: красно-красивыми лицами), собравшись, соревновались в пении; *Јок-јок, бу јеней там ла там кызыл-марал бол бар јат* (КТ, КЈ, 34) – Нет-нет, наша невестка все больше и больше хорошеет (букв.: все больше и больше становится красным багульником).

Специфика красного цвета как символа красоты наиболее ярко отражена в содержании следующих паремий: *Кызылы кызыл,*

кылыгы кандый болбогой? – Красив-то красив (букв.: красен-то красен), а норов-то каков?; *Кыстын көзи кызылда* – Девушки падки на красивое (букв.: девичьи глаза на красном). Эти паремии широко представлены и в текстах художественной литературы. Примеры:

Бу куучыннанг укса, Каалга кызылы кызыл ла, а бот кылыгы кандый болбогой? (ЖК, КТ, 143) – Судя по рассказу, Каалга красив-то красив, а норов-то [у него] каков?; *Кыстын көзи кызылда*. Алып-Нере керегинде кажы ла көөркий туйка үшкүрүп жүретен болбой (ЖК, КТ, 55) – Девушки падки на красивое. Об Алып-Нере, наверное, каждая девушка тайком мечтает.

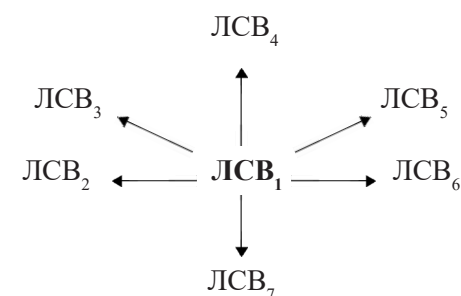
ЛСВ₇ ‘абсолютно, совершенно’. В семантической структуре слова *кызыл* выделяется усилительное значение. В этой позиции лексема *кызыл* выступает в роли интенсификатора.

Значение ‘абсолютно, совершенно’ лексема *кызыл* актуализирует в составе словосочетания *кызыл эт* ‘абсолютно голый, обнаженный’ (букв.: красное тело). Например: *Эрлик-Аба киреле, кызыл эт албатыга тынын кийдирип салды, албаты жүгүриже берди* (АКК, 27) – Эрлик-Аба вошел, абсолютно голым людям вдохнул жизнь, народ забегал.

В усилительном значении ‘абсолютно, совершенно’ лексема *кызыл* выступает и в составе устойчивого словосочетания *кызыл тас* в значении ‘абсолютно лысый, голый’ (букв.: красный голый). Думается, данное словосочетание первоначально употреблялось по отношению к голому человеческому телу, а затем стало употребляться шире. Например, оно стало характеризовать отсутствие волосяного покрова у животных, голый ландшафт местности. Примеры:

Јерде тырландан, кызыл тас шайрак кураан јатты (ЖК, ЭОП, 408) – На земле, дрыгаясь, лежал абсолютно лысый длинноногий ягненок; *Алдында Алтайда агаи јок, кызыл тас кырлар болгон эмтир* (АКК, 65) – Оказывается, раньше на Алтае были безлесные, абсолютно лысые горы.

Итак, по типу полисемии смысловая структура слова *кызыл* в алтайском языке относится к радиальной полисемии. Она имеет следующую схему:

3.2. Фразеологически связанные значения слова *кызыл*

Абсолютно все ФЕ с цветовым компонентом *кызыл* в алтайском языке антропоцентричны. Лексема *кызыл* в составе этих фразеологизмов подчеркивает реальный красный цвет крови и анатомических органов, а также выражает негативную семантику. К примеру, в негативно-оценочном значении лексема *кызыл* участвует в образовании фразеологизма *кызыл ийди кынзып турар, кара ийди кангылап турар* ‘человек с тяжелым характером’ (букв.: красная собака=его скулит, черная собака=его лает) (АЧС, 142).

В первую группу фразеологизмов входят ФЕ, в которых лексема *кызыл* ассоциируется с жизнью человека. Особый интерес среди них представляют фразеологизмы, в составе которых встречается термин *кызыл тын* ‘душа’ (букв.: красная душа (красное дыхание)). Экспликация семантики этих фразеологизмов приводит к выводу о том, что в наивной картине мира алтайского народа душа человека представляется очень уязвимой, в виде тонкой нити или волосинки; нередко она ассоциируется с тонкой трахеей. Трахея – один из важных анатомических органов, участвующий в процессе дыхания, через нее в человеческий организм поступает кислород. В обыденном сознании алтайского народа она представляется очень тонкой и уязвимой частью тела, находящейся в области шеи. Вполне понятно, что какое-либо внешнее физическое воз-

действие на шею (трахею) может привести к потере здоровья или гибели человека, т.е. дыхание его будет прервано. Лексема *кызыл* в данном случае, как нам кажется, обозначает красный цвет трахеи. Это обстоятельство, по нашему мнению, наглядно отражено в семантике фразеологизма *кызыл тын, кыл ёёч* ‘еле-еле душа в теле’ (букв.: красная душа (красное дыхание), с волосинку трахея).

Приведенные ниже фразеологизмы являются яркой репрезентацией вышеизложенных фактов.

Кызыл тын ‘жизнь’ (букв.: красная душа (красное дыхание)). Например: *Кызыл тыныс армакчынын бажында болгон* (Тижимеева) – *Жизнь*=наша была на волоске (букв.: красное дыхание=наше было на кончике аркана).

Кызыл тын бойы ‘сам (живой)’ (букв.: сам со своей красной душой). Например: *Эмди менде алган эжим де, азыраган балам да жок. Кызыл ла тын бойым арт калганымды сен ондоорун ба?* (КТ, КЖ, 37) – Теперь у меня нет ни жены, ни детей, которых я воспитал. Поймешь ли ты, что только я *сам* и остался *живой*.

Кызыл тынын кый= ‘убить, лишить жизни’ (букв.: красное дыхание=его оборвать). Например: *Кыйа көрбөгөр, кызыл тыным кыйбагар, айбыгарды угун жүрейин, кара бажым кеспегер* (ИШ, КЖ, 178) – Пожалейте меня, *не убивайте* меня, буду выполнять все ваши просьбы, не лишайте меня жизни (букв.: черную голову мою не рубите).

Кызыл тынын божот= ‘убить, прикончить’ (букв.: красную душу выпустить). Например: *Кызыл тынын божоткон, колында онын не де жок* (СС, Э, 18) – *Жизнь*=свою *кончил*, ничего не имеет (букв.: в руках его ничего нет).

Кызыл тыны кыйыл=~*кызыл тыны үзүл*= ‘умереть, лишиться жизни’ (букв.: красное дыхание=его обрывается). Примеры:

Кажы бир тушта оозы чечилзе – кызыл тыны кыйылар (ЭТ, К, 33) – Если однажды проговорится – *лишится жизни*; *Ада болгон алтайыма айланып ойто келейим. Кызыл тыным үзүлбөзүм, кылду бажым базылбазым* (ЖК, АЖЭ, 337) – Пусть я вернусь на отчизну. Пусть я *не погибну*, пусть я не умру (букв.: голова=моя волосатая не будет придавлена).

Кызыл тынын кысканбас ‘не жалеть жизни, рисковать своей жизнью’ (букв.: красную душу=свою не пожалеет). Примеры:

Бастыра улус кызыл тынын кысканбай, канду өштүлө согушуп жат, а жангыс Жеекен-Бала каат коркыдып, тоноп, тайга-ташка жажынып, уйалбай да жортуп жүрөт (ЭЯ, ОТ, 78) – Все люди, *рискуя жизнью*, воюют с проклятым врагом, а только один Дьеекен-Бала пугает женщин, грабит их, скрываясь в тайге, насколько не стесняясь, ездит на коне; *А мен сенин ордына жууга барган болзом, айса болзо, герой до бол айабас эдим. Ук турун ба, ге-ро-ой до бол айабас эдим. Эмезе кызыл тыным да кысканбас эдим* (КТ, КЖ, 36) – А если бы я вместо тебя отправился на войну, возможно, героем стал бы. Слышишь, ге-ро-ем стал бы. А может даже *жизнь*=свою *не пожалел бы*.

Кызыл тынын алып (жүр)= ‘спасаться от смерти; спасти свою жизнь (душу); заботиться о своей душе, о своем благополучии’ (букв.: красную душу=свою беречь). Примеры:

Коркышту жеткерден айрылып, кызыл тынын алып, качкан (Петпенекова) – Минуту страшную гибель, *спасая жизнь*=свою, бежал; *Албатыга шок этпей, кызыл тынын алып жүргөн кижин* (АА, УБТ, 234) – Человек, который, не причиняя людям вреда, *живет ради своего блага* (букв.: живет, заботясь о красной душе=своей).

Во второй группе ФЕ лексема *кызыл* подчеркивает естественный красный цвет анатомических органов, цвет обнаженной кожи, а в переносном смысле реализует негативную семантику. Так, указанная лексема выражает красный цвет языка, непрерывно мелькающего во рту говорящего. Язык – это подвижный анатомический орган в полости рта, участвующий в процессе говорения. В переносном же смысле он ассоциируется с красноречием, остроумием, а также с таким индивидуальным качеством личности как болтливость. Это обстоятельство как нельзя лучше отражено в многозначном фразеологизме *кызыл тил* (букв.: красный язык), который выступает в следующих значениях: 1) ‘болтливый; болтун, пустомеля; 2) слух, сплетня; злые языки’. Примеры:

Эх, көөркийди ле сени, жангыс ла кызыл тил (КТ, ТДК, 111) – Эх ты, бедняга, всего лишь болтун; Мыны бастыра бойы кызыл тил неме Куук көргөн болтыр (ЖК, ОЖ, 166) – Оказывается, это увидел чересчур болтливый тип Куук; Бистинг Айсулу кижиге барган деп, деремнеде та кем де кызыл тил божоткон эмтир (Шукаева М.) – Оказывается, в деревне кто-то пустил слух о том, что наша Айсулу вышла замуж; Кызыл тилдинг коронынан жалтанып турган болдыс (ЭТ, К, 58) – Не страшимся ли мы яда злых языков.

Кызыл тилдү ‘красноречивый; языкастый, язвительный’ (букв.: с красным языком). Например: Балыр тилдү Бабаашка баи ла болзын, туштаарга. Кызыл тилдү, кыл өөчтү, калак ла де жайнаарга (СС, Э, 33) – Не дай, боже, встретиться с Бабаашем, у которого развязный язык. Язвительный, с тонкой трахеей, упрашивать [его] очень трудно.

Кызыл тилле ‘одним лишь языком, на словах’ (букв.: красным языком). Примеры:

Je киж и жангыс кызыл тилле де база нени эдип (ЖК, ОЖ, 157) – Да что может сделать человек одним лишь языком; Кезиктери бастыра немени кызыл тилле эдер эмес бед и (БУ, Т, 47) – Ведь некоторые все делают только на словах.

С негативно-оценочной семантикой слово кызыл выступает и в составе фразеологизма **кызыл кардына болуп (jүр=)** ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради красного желудка=своего). Примеры: Кижининг ачап-сыйабы качан токтоор? Айса jүрүминде жангыс ла бойынын кызыл кардына болуп jүретен болуп жайалган ба? (ЭТ, Кү, 200) – Когда жадность человека прекратится? Или он сотворен, чтобы жить только ради себя; Немени кайдан уурдаар бу, кызыл кардына ла болуп базын jүрген киж и не (ЭТ, Кү, 112) – Да где ему украсть-то что-нибудь, он же человек, живущий сам по себе.

В алтайском языке при описании слабого, еще неокрепшего организма употребляют фразеологизм **кызыл чий** ‘слабый, неокрепший’ (букв.: красный сырой, неспелый). Компонент кызыл здесь подчеркивает красный (кровавый) цвет тела. Так обычно говорят о только что родившемся младенце либо о кровавых сса-

динах и ранах на теле животных, в частности, на спине лошадей после долгой езды. Примеры:

Бала чыкса, оны «кызыл чий бала» дежер. Баланы jунган кийинде, он кун өткөн сонгында ондоло берет (Тижинава) – Когда ребенок только рождается, его называют «неокрепший ребенок». После того, как ребенка моют, по истечении десяти дней [он] входит в тело; А бузул тарткан аттар онду болгон болзо кайдар. Аркаларына киж и отуруп болбос. Кызыл чий (КТ, Т, 26) – А хоть бы кони, возившие копна, были лучше. На спины-то [им] не сядешь. Слабые.

В третьей группе ФЕ лексема кызыл подчеркивает цвет обнаженного тела, а также актуализируется в переносном значении ‘бедный, нищий’. Все эти фразеологизмы объединяются общей семой «отсутствие чего-либо». Эта группа представлена рядом фразеологических единиц.

Фразеологизм **кызыл jыланаш** в алтайском языке имеет значения: ‘без какой-либо верхней одежды, голый; бедный, нищий’ (букв.: красный голый). Примеры:

Ол кыста уйат jок: кызыл jыланаш jылып барадыры (НУ, АМ, 188) – У той девушки стыда нет: ползет голая; «А бистинг тоноор деген буржуй кызыл jыланаш» – деп, база ла байагы киж и унчукты (ЖК, ОЖ, 32) – «А тот буржуй, которого мы собираемся ограбить, – нищий», – проговорил тот же человек.

Фразеологизм **кызыл шалдан** со значением ‘абсолютно голый, обнаженный; бедный, нищий’ (букв.: красный обнаженный) синонимичен предыдущему фразеологизму. Примеры:

Оогош балдар ондый эмей: кызыл шалдан jүгүрерин jакшызынар (Тижимеева) – Маленькие дети ведь такие: любят бегать абсолютно голыми; Тура тутканыс. Эмди кызыл шалдан артып калдыс (Кыйынова) – Дом строили. Теперь совсем обнищали (букв.: остались красными нагими).

Тот факт, что во фразеологизме **кызыл бут** в значении ‘босоногий; бедный, нищий’ (букв.: красные ноги) речь идет о босоногом человеке, вызывает неодобрительную оценку, а наличие компонента кызыл ‘голый’ лишь усиливает негативную семантику всего сочетания. Примеры:

Слердинг Ольга кайда жажынын жат? Ол эмди кызыл бут эмес, а кызыл ботинкаларлу жүрер (БУ, Т, 34) – Где ваша Ольга прячется? Она теперь будет ходить не босоногой, а в красных ботинках; *Оны кызыл бут база берген деп айдыжат* (Чагышева) – Говорят, что он совсем обнищал.

В составе следующих фразеологизмов лексема *кызыл* подчеркивает естественный красный цвет обнаженных рук. Здесь идет речь о человеке, который кроме своих рук ничего в своем распоряжении не имеет (орудий труда, каких-л. приспособлений).

Кызыл кол ‘с пустыми руками, ни с чем’ (букв.: красные руки). Например: *Манды Шире сүгүнүп, каткырып ийген, айткан: «Менде мылтык жок, саадак жок, жыда жок, үлдү жок, жангыс ла кызыл кол канайып мен барарым?»* (АКК, 16) – Манды Шире, обрадовавшись, засмеялся, произнес: «У меня нет ни ружья, ни лука, ни копья, ни меча, как я пойду с пустыми руками?»

Кызыл колло ‘голыми руками; без какого-либо орудия, приспособления’ (букв.: красными руками). Например: *«Уха» деп, сок жангыс сөс айдып, чой печкенин үстүндө турган кара көбүшү айылдын ээзи кызыл колдорыла ала койып, экелип түргөн тургусты* (БУ, Т, 46) – Произнеся лишь одно слово «уха», хозяин дома схватил голыми руками стоящий на чугунной печке черный чугунок и быстро поставил на стол.

Фразеологизм **кызыл колдын күчиле** имеет значение ‘собственными руками, своими собственными силами; вручную, без всяких орудий, приспособлений’ (букв.: силами красных рук). Примеры:

Айылдын ичинде нек-сакты кызыл колдын күчиле жуугам, эжигинде турган мал – менийи, мында ол тербезеннин камааны да жок (ЭТ, Кү, 149) – Все добро в доме собрал собственными силами, скот во дворе – мой, в этом нет заслуги того проходимца; *Ол тушта бис бастыра ишти жангыс ла кызыл колдын, бу ла колдын күчиле эткенис* (БУ, ЭТ, 16) – Тогда всю работу мы выполняли вручную, вот этими руками.

3.3. Семантическая структура монгольского слова *улаан* ‘красный’

В монгольско-русских словарях приведены следующие значения слова *улаан*: 1) красный, алый; 2) румяный; 3) краснорыжий; раскрасневшийся от вина; 4) определение некоторых предметов и явлений, имеющих красный цвет; 5) красный (относящийся к революции); 6) беззастенчивый, бессовестный, наглый; алчный, корыстолюбивый; 7) голый, открытый; 8) плохой, скверный, низкого сорта; 9) мясной [МРС: 451; БАМРС: 317–318].

В своем первичном значении слово *улаан* в монгольском языке обозначает красный, алый цвет (ЛСВ₁) конкретных реалий: *улаан будаг* ‘красная краска’, *улаан дарс*, *улаан архи* ‘красное вино’, а также буланую масть лошади: *улаан морь* ‘лошадь буланой масти’. Она является цветовым определителем в составе специальных терминов: *улаан зос* ‘мумия’ (краска), *улаан шунх* ‘киноварь’ (краска), *улаан буудай* ‘пшеница’, *улаан бургас* ‘тальник’, *улаан гур* ‘красный железняк’, *улаан лууван* ‘редиска’, *улаан лууль* ‘помидор’, *улаан манжин* ‘свекла’, *улаан харгана* ‘чилига колючая’, *улаан суул* ‘краснопер’ (рыба), *улаан эсэргэнэ* ‘скарлатина’, *улаан хоолой* ‘пищевод’ и др. [БАМРС: 318].

С выражением цветового признака непосредственно связано производно-номинативное значение ‘румяный’ (ЛСВ₂): *улаан хачартай* ‘краснощекий’, *улаан арьстай* ‘краснокожий’, *улаан мөнгөгүй* ‘ни гроша за душой’ [МРС: 451].

С признаком красного цвета, безусловно, связано возникновение значения ‘мясной’ (ЛСВ₁₀): *улаан идээ* ‘мясные продукты; недоброкачественные мясные продукты’, *улаан идээний бузар болох* ‘отравиться недоброкачественными мясными продуктами’ [БАМРС: 318].

Цветовой признак присутствует и в следующем значении слова *улаан* – ‘красный (относящийся к революции)’ (ЛСВ₃). Это значение отражает исторические события прошлого: *улаан булан* ‘красный уголок’, *улаан бүч* ‘красный галстук’, *улаан партизан* ‘красный партизан; народный ополченец, участник народной революции 1921 года’ и др. [БАМРС: 318].

В мировосприятии монголов красный цвет, как и у тюркских народов, ассоциируется с животворящим огнем. Как цвет огня, он олицетворяет интенсивность, силу, мощь, здоровье, величие, из чувств – радость, счастье. Самостоятельность и независимый дух монголов отражает выражение *улаан залаатай монгол хүн* ‘монгол с красной кисточкой (на шапке)’. Оно сложилось исторически, в процессе борьбы против подчинения свободного населения догматам буддийской религии (красная кисточка символ независимости, личной свободы и процветания) [Баярсайхан 1996: 56].

Символика красного цвета, как символа возвышения, процветания, прогресса; чего-либо хорошего, радостного отражено также в семантике следующих сочетаний: *улаан гал* ‘красный, багряный огонь’ (символ освящения, очищения и чистоты), *улаан далбаа* ‘красный флаг, знак радостной вести’, *ургахын улаан нар* ‘красное (или багряное) солнце’, *улаан халз* ‘хлопчатобумажное украшение красного цвета в форме крестовины с круглым отверстием для дымохода в центре, которое укрепляют к чехлу юрты (символ знатности и богатства)’ [БАМРС: 318].

У монгольского слова *улаан* также выделяется значение ‘молодой, сильный, здоровый’ (ЛСВ₆): *гурван настай гуан улаан баатар* ‘сильный (красный), как трехлетний бык, богатырь’; *тунамал улаан хацар* ‘прозрачные сияющие (красные) щеки’; *жаргах тэнэрийн хаяа нэг улаан, жалганд ургасан сухай нэг улаан, жаргалтай хатны хацар нэг улаан* ‘красен горизонт неба, когда солнце садится, красен тamarиск, растущий в овраге, красны щеки у счастливой княгини’ – выражение символизирует физическую красоту, молодость и здоровье [Баярсайхан 1996: 56]. Следует отметить, что данное значение слова *улаан* в словарях не зафиксировано.

Последующие производные значения слова *улаан* можно охарактеризовать как переносные, содержащие негативную коннотацию. К ним относятся следующие значения:

ЛСВ₇, ‘голый, открытый’. В данной позиции лексема *улаан* подчеркивает красный цвет обнаженной кожи человека и употребляется в сочетании со словами, обозначающими людей, чаще детей, или с названиями частей тела человека: *улаан цах* ‘новоро-

жденное дитя’ (букв.: красный младенец), *улаан нярай, улаан нялцгай* ‘новорожденный’ (букв.: красный новорожденный), *улаан нуур* ‘красное лицо; неприкрытое лицо’, *улаан нүүрээр* ‘лично; лицом к лицу, наедине’, *улаан нүүрээр уулзах* ‘встретиться лицом к лицу’, *улаан гараар* ‘голыми руками; собственными руками’, *улаан нударгаар* ‘голым кулаком’, *улаан шарах* ‘открытая рана’ и др. [МРС: 452; БАМРС: 318].

ЛСВ₈, ‘беззастенчивый, бессовестный, наглый; алчный, корыстолюбивый, жадный’. В данном случае лексема *улаан* в монгольском языке характеризует внутренние свойства человека, его отрицательные качества: *улаан дайрах* ‘нагло, бесцеремонно бросаться к кому-чему-л.’, *улаан нүд* ‘алчный, ненасытный’, *мөнгө цагаан, нүд улаан* (поговорка) ‘серебро белое, а глаза красные (алчные)’, *улаан гүжир* ‘наглая клевета’, *улаан дайралдат өртөх* ‘подвергаться беззастенчивым нападкам’, *улаан дээрэм* ‘наглый грабеж’, *улаан дээрэмчин* ‘наглый бандит’, *улаан заль* ‘бесцеремонный обман, наглый обман’, *улаан луйвар* ‘бессовестное жульничество’, *улаан луйварчин* ‘беззастенчивый мошенник’, *улаан тонуул* ‘наглый разбой’, *улаан тонуулчин* ‘нахальный грабитель’, *улаан худал* ‘беззастенчивая ложь’, *улаан худалч* ‘наглый лжец, бессовестный лгун’, *улаан яргачин* ‘бессовестный убийца’ [МРС: 451; БАМРС: 318].

ЛСВ₉, ‘плохой, скверный, низкого сорта’: *улаан гурил* ‘плохая мука, мука низкого сорта, мука третьего сорта’, *улаан тамхи* ‘скверный, плохой табак, табак низкого сорта’, *улаан цай* ‘крепкий с молоком чай; плохой чай, чай низкого сорта’ [БАМРС: 318].

ЛСВ₁₁, ‘сухой; пыльный’: *улаан тоос* ‘пыль’ (букв.: красная пыль), *улаан салхи* ‘пыльная буря’, *улаан шуурга* ‘сухая, сильная буря’ (букв.: красная буря) [Энхдэлгэр 1996: 16]. Это значение в словарях не зафиксировано.

Таким образом, в рамках настоящего исследования у монгольского слова *улаан* можно выделить следующие значения: 1) красный; алый; 2) румяный; 3) краснорыжий; раскрасневшийся от вина; 4) определение некоторых предметов и явлений, имеющих красный цвет; 5) красный (относящийся к революции); 6) молодой,

сильный, здоровый; 7) голый, открытый; 8) беззастенчивый, бессовестный, наглый; алчный, корыстолюбивый; 9) плохой, скверный, низкого сорта; 10) мясной; 11) сухой; пыльный.

В составе фразеологических единиц лексема *улаан* выражает красный цвет, а также актуализируется в значениях ‘голый; бедный’, ‘наглый, бессовестный’: *улаан амь* ‘живая жизнь’ (букв.: красная жизнь), *улаан гар* ‘голые руки’ (букв.: красные руки), *улаан гараара* ‘голыми руками’ (букв.: красными руками), *улаан нуцган* ‘голый, бедный (кроме себя ничего не имеет), *улаан хөл* ‘голые ноги; быстрые ноги’, *улаан хөлт* ‘голоногий, двуногий человек; быстроногий, быстроходный’, *улайран [улаан] дайрах* ‘нагло, бесцеремонно бросаться на кого-что-л.’ (букв.: краснея [красное] нападать) и др. [БАМРС: 318; Пюрбеев 1971: 171; Баярсайхан 1996: 56].

3.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова *кызыл* и монгольского слова *улаан* ‘красный’

Анализ семантических структур алтайского слова *кызыл* и монгольского *улаан* показал, что семантика рассматриваемых слов совпадает и в то же время отличается. Так, в обозначении масти животных алтайское слово *кызыл* обозначает рыжую масть, а монгольское слово *улаан* – буланую. Алтайское слово *кызыл* не имеет значений ‘алчный, корыстолюбивый, жадный; бессовестный, наглый (ЛСВ₅)’, ‘сухой; пыльный’ (ЛСВ₆), характерных для монгольского *улаан*. Если в семантической структуре монгольского слова *улаан* выделяется значение ‘голый, открытый’ (ЛСВ₄), то алтайское *кызыл* это значение реализует только в составе фразеологических единиц (*кызыл жыланаш* ‘голый; бедный, нищий’). У монгольского слова *улаан* не обнаружено производно-номинативного значения ‘спелый’ (ЛСВ₄) и усилительного значения ‘абсолютно, совершенно’ (ЛСВ₇), имеющих у слова *кызыл*.

Сходство семантики анализируемых слов проявилось в том, что их развитие протекало в двух противоположных направлениях: оба слова выражают как положительную семантику, так и отрицательную. Например, переносные значения алтайского слова *кызыл*

(ЛСВ₅ ‘молодой, здоровый, крепкий, сильный’, ЛСВ₆ ‘красивый’) и монгольского *улаан* (ЛСВ₃ ‘молодой, сильный, здоровый’) выражают положительную коннотацию. А такие значения, как ‘голый; бедный, нищий’ в составе ФЕ у алтайского слова *кызыл* и ЛСВ₄ ‘голый, открытый’, ЛСВ₅ ‘алчный, корыстолюбивый, жадный; бессовестный, наглый’ у монгольского *улаан* содержат негативную коннотацию.

В сводной Таблице 8 отражены все совпадающие и несовпадающие значения слов *кызыл* ~ *улаан* в алтайском и монгольском языках.

Таблица 8

Семантика слов *кызыл* ~ *улаан*

№	Семантика	Алтайское слово <i>кызыл</i>	Монгольское слово <i>улаан</i>
1.	‘красный’	+	+
2.	‘румяный (о цвете лица)’	+	+
3.	‘рыжий’	+	–
4.	‘спелый’	+	–
5.	‘молодой; здоровый, крепкий,	+	+
6.	сильный’		
7.	‘красивый’	+	–
8.	‘абсолютно, совершенно’	+	–
9.	‘голый, открытый’	+	–
10.	‘алчный, корыстолюбивый,	–	+
11.	жадный; бессовестный, наглый’		
12.	‘сухой; пыльный’	–	+

На уровне фразеологии выявлены следующие эквивалентные фразеологизмы:

1) алт. *кызыл тын* ‘жизнь’ (букв.: красная душа (красное дыхание)) – монг. *улаан амь* ‘живая жизнь’ (букв.: красная жизнь);

2) алт. *кызыл кол* ‘с пустыми руками, ни с чем’ – монг. *улаан гар* ‘голые руки’ (букв.: красные руки), *улаан гараара* ‘голыми руками’ (букв.: красными руками);

3) алт. *кызыл жыланаш* ‘без какой-либо верхней одежды; голый, обнаженный; бедный, нищий’ (букв.: красный голый), *кызыл шалдан* ‘абсолютно голый, обнаженный; бедный, нищий’ (букв.: красный обнаженный) – монг. *улаан нуцгэн* ‘голый, бедный (кроме себя ничего не имеет);

4) *кызыл бут* ‘босоногий; бедный, нищий’ (букв.: красные ноги) – *улаан хөл* ‘голые ноги; быстрые ноги’, *улаан хөлт* ‘голоногий, двуногий человек; быстроногий, быстроходный’.

§ 4. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова *көк* и монгольского слова *хөх* ‘синий’

В алтайском языке для обозначения синего цвета служит слово *көк*. В тюркских языках исходной семантикой слова *көк* принято считать значение ‘небо’. А. М. Щербак полагает, что в общетюркское время одним из путей образования прилагательных является «семантико-функциональная трансформация существительных в прилагательные»: *көк* ‘синий, голубой’ (< **көк* ‘небо’), *кара* ‘черный’ (< **кара* ‘мрак’) [1997: 109]. По мнению К. Мусаева, первичное *көк* ‘небо’ затем стало обозначать разные окраски неба: ‘синий, голубой; сизый, серый, зеленый’ [1996: 173].

В монгольских языках для обозначения синего цвета служит слово *хөх*. В древнемонгольском языке слово *хөх*, как и древнетюркское *көк*, означало ‘небо’ [Бертагаев 1971: 100]. Тюркское *көк* и монгольское *хөх* относятся к общетюркско-монгольскому пласту лексики. Очевидно, генетически они восходят к одной основе.

4.1. Семантическая структура алтайского слова *көк* ‘синий’

У древних тюрков, как известно, был сильно развит культ неба – тенгрианство. Так, некогда этнополитическое объединение тюрков называло себя *көк турк* ‘голубые тюрки’, считая себя сыновьями неба. Культ неба ярко отражен и в мировоззрении алтайского

народа. Как отмечает этнограф С. П. Тюхтенева, синий (голубой) и белый цвета для алтайцев считаются сакральными, поскольку являются цветами вечного синего неба и вечных бело-голубых ледников. Они наводят на мысль о том, что Алтай вечен [1994: 65].

Синий цвет в мировосприятии алтайцев олицетворяет собой молодость, силу, бесстрашие. Причем ассоциация проводится с образом синего волка – *бөрүдий көк тушта* ‘в молодости, когда был силен и бесстрашен’ (букв.: в пору, когда был синим, как волк). Например: *Јерде јаткан Ак-Каанга чике көрбөй, эмди айдат: «Сен бөрүдий көк тужында бөлөлөжип жүрөтөн эдин? Кызыл түйкү бойын тушта кырмалажып жүрөтөн эдин?»* (АК, АС, 111) – Он, не смотря в глаза Ак-Каану, живущему на земле, говорит: «Когда ты был силен и бесстрашен (букв.: в пору когда был сильным (синим) как волк), не отделялся ли? Когда был молодым (букв.: в пору красного лиса), не задибался ли?».

Этимология этого выражения связана с реальными историческими фактами. Известно, что голубые тюрки считали своим предком-тотемом синего волка, изображение которого на их знаменах символизировало силу и величие. Именно с этим обстоятельством можно связать появление в алтайском языке вышеупомянутого выражения. Аналогично синий цвет воспринимают киргизы: *көк* ‘храбрый, бесстрашный’, *көккө чык* – достигнуть полного расцвета, благоденствия, быть в полном довольстве (букв.: вознестись на небо); синий цвет олицетворяет упорство и настойчивость: *эр болсоң көк бол, айткан сөзгө бек бол* – если ты молодец, будь настойчив (букв.: синим), в слове будь тверд [КиргРС: 418].

Восприятие синего как цвета молодости отмечается у башкирских чувашей. Здесь в фольклорных текстах слово *кавак* ‘синий’ означает ‘молодость’, ‘неопытность’: *эсё кавак-ха, ним те курман* – ты еще молодой (букв.: синий), ничего еще не видел [Лебедева 1992: 116].

В современном алтайском языке слово *көк* сохранило свое исходное значение ‘небо’. Примеры:

Өрө көрзөм, көк көрүнбейт, төмөн көрзөм јер көрүнбейт (АА, УБТ, 66) – Вверх посмотрю, неба не видно, вниз посмо-

трю, земли не видно; *Ол узак аҗыктанат. Эриндери́ле шымыранат. Онон ол бийиктеги көктөң көзи тайкылып, ойто эжик јаар баитанды* (БУ, СӨ, 361) – Он долго оглядывается. Шепчет губами. Затем, оторвав глаза от высокого неба, направился обратно к двери.

Известно, что в представлении древних тюрков небо отождествлялось с Богом. Многие тюркологи, как например, К. Мусаев [1996: 169], М. Томанов, Ж. Сарбалаев [1990: 233], считают, что культ неба как божества способствовал появлению у слова *көк* метафорического значения ‘бог’. Это значение слова *көк* в современном алтайском языке тоже сохранилось. Примеры:

Ўстимде турган Көк, ырұс берген Јайаачы! (ЖК, КТ, 45) – Бог, находящийся надо мной, Творец, давший благословения!; *Катан-Коо өлүмдү жууга јазанып алып, өрө турган көккө мұрғұйт* (АБ, 11, 120) – Катан-Коо, приготовившись к смертному бою, молится Всевышнему.

В «Ойротско-русском словаре» слово *көк* представлено имеющим следующие значения: 1. зелень, трава; 2. синий, голубой; зеленый; *көк өлөн көгөрүп чыкты* ‘зазеленела трава’: *көк тенгери* а) голубое небо; б) бог [ОРС: 90].

В современном алтайском языке у слова *көк* выделяются следующие значения: 1. 1) синий; 2) голубой; 3) серый, сизый, сивый (о масти); 4) зеленый (о траве); 5) седой; 6) *перен.* неспелый, незрелый (о фруктах, злаках); 7) совсем, совершенно, абсолютно; 2. синяк; 3. небо; 4. бог; 5. молодая трава.

В алтайском языке слово *көк* в своем основном номинативном значении (*ЛСВ₁*) обозначает цвет конкретных реалий, воспринимаемых человеческим зрением: *көк тенгери* ‘синее небо’, *көк чечек* ‘синий цветок’, *көк килин* ‘синий бархат’ и др.

Слово *көк* является компонентом в составе специальных терминов: *көк оору* ‘сибирская язва’ (букв.: синяя болезнь), *көк таиш* ‘медный купорос’ (букв.: синий камень); *көк-таман* ‘прострел’ (букв.: синяя подошва), *көк-кат* (< *көк кат*) ‘голубика’; *көктөш* (< *көк төш*) ‘синица’ (букв.: синяя грудь), *көгөрчин* ‘голубь’; *көк чай* ‘зеленый чай’ и др.

В результате расширения семантики слова *көк* на основе метонимического переноса образовано *көк* ‘синяк’, которое имеет статус самостоятельного слова и по отношению к исходному *көк* ‘синий’ является омонимом. Рассматриваемое слово выражает наличие синяка на теле человека и употребляется в составе изафетных сочетаний: *көзи көк* ‘глаз=его в синяке’, *јүзи көк* ‘лицо=его в синяке’. Примеры:

Көс көк, кийим јыртык та болуп айабас (ЖК, АҢӨ, 69) – Глаз в синяке, и одежда может оказаться рваной; *Колым оорыган. Кичинек ле көк јер бар болгон.* (АКК, 167) – Рука болела. Было всего лишь маленькое место с синяком.

Отдельную группу значений слова *көк* составляют номинативные значения, объединенные общей семой «признак цвета» – *ЛСВ₂* ‘голубой’, *ЛСВ₃* ‘серый, сивый’, *ЛСВ₅* ‘зеленый’. Поскольку, в этимологическом аспекте невозможно определить какое из этих значений общетюркского слова *көк* появилось раньше, мы называем их, наряду с семемой ‘синий’, номинативными значениями. Но основным в этом ряду значением является семема ‘синий’.

ЛСВ₂ ‘голубой’. Данное цветовое значение лексемы *көк* в современном алтайском языке утрачивается, так как для обозначения голубого цвета используется специальный термин *чанкыр*. Поэтому в рассматриваемом значении лексема *көк* выступает в редких случаях: *көк ынаар* ‘голубая дымка’. Например: *Арка-туунын көк ынаарда көмүлүп калган көксин торгылта күүк јынкылдада эдип јат* (КТ, Кј, 57) – Проникая в глубь лесов и гор, окутанных голубой дымкой, звонко кукует кукушка.

В обозначении цвета неба лексема *көк* может выражать как синий, так и голубой цвет: *көк тенгери* ‘голубое небо, синее небо’ [ОРС: 91].

ЛСВ₃ ‘серый, сизый, сивый (о масти)’. Реализация этого значения осуществляется при описании серой, темно-серой масти животных с синеватым отливом. Примеры:

Килемчи көзнөк алдында карарган содон айлы јаар кылчас та этпеди, эжиктин јанында јаткан јеерен ле көк уйлары јаар көрбөди де (ЖК, ЭӨП, 323) – Килемчи даже не взглянул на темно-

щий перед окном, остроконечный аил=свой, не взглянул на рыжую и серую коров=своих, лежащих возле двери; *Көк ийт Чабдарды жаба жеделе, куйругынан ала койды* (ЖК, АЮ, 215) – Серый пес, догнав Игренового, ухватился за хвост.

ЛСВ₄ ‘зеленый’. Данный ЛСВ реализуется при описании зеленого цвета молодой травы, свежего сена. Примеры:

Ол адынан түжүн, жолды жакалай узундай өзүн келген көк өлгөнүн устінде амыр отурды (АА, А, 52) – Спустившись с коня, он мирно сидел на высокой зеленой траве возле дороги; *жаскы куннинг жылузына такаа да сүүнүп жат! өрө өскөн көк өлгөн дө сүүнүп, жайканып турар* (АА, ÖЧК, 236) – Тепло весеннего дня и курица радуется! И пробивающаяся наверх зеленая трава, радуясь, качается; *Фуражирди жакшы көк обоо бер деп жакырым* (ЖК, ОЈ, 95) – Попрошу фуражира, чтобы дал хороший зеленый (свежий) стог.

От слова *көк* в значении ‘зеленый’ на основе метонимического переноса образовано омонимичное *көк* ‘молодая, свежая трава, зелень’. Примеры:

Көккө тойынган койлор амыр ла токыналу (АА, ÖЧК, 448) – Насытившиеся зеленью овцы мирны и спокойны; *Күнөт меестерде, кобы-жиктерде көк жангы ла чымырайып баштаган* (ИШ, ÖЈ, 3) – На солнечных холмах, логах молодая трава только начала всходить.

В свою очередь, от *көк* в значении ‘молодая, свежая трава’ получило свое развитие сочетание *көктинг суузы* ‘сок травы’ (букв.: сок синего), в переносном смысле обозначающее молоко, полученное от коровы, питавшейся свежей, молодой травой. Обычно такое молоко бывает жидким и имеет синеватый оттенок. В дальнейшем, в результате некоторой семантической трансформации сочетание *көктинг суузы* стало обозначать также молочную водку (араку). В конечном итоге, деривационная связь внутри рассмотренных лексических единиц представляет собой последовательное семантическое наложение одного значения на другое: *көк* ‘молодая трава’ > *көктинг суузы* ‘сок травы’ > *көктинг суузы* ‘молоко’ > *көктинг суузы* ‘молочная водка’. Примеры:

Көктинг суузы деп жангы чыккан өлгөннунг суузын айдат. Көктинг суузы малдын оозына өдүн жат (Токоеков) – Соком травы

называют сок только что взошедшей травы. Сок травы течет изо рта скота; *Уксан бирүзи Айабасов эшти айылдап ийген турар. Бу не? Төрөөн бө? Жо-ок, теп ле тегин: «айылдаш жаткан кижиге көктинг суузы карам эмес»* (КТ, ТДК, 146) – Как ни услышишь, один из них гостил у Айабасовых. Кто он? Родственник? Не-ет, просто так: «человеку, живущему по соседству, араку не жалко».

Молочную водку в алтайском языке также переносно называют *көктөн тамган аш* (букв.: из молока процеженный (изготовленный) напиток). Например: *Көктө турган көк булут көк боронын серүүни. Көктөн тамган ачу аш – көөркийлердинг күндүзи* (песня) – Синее облако на небе – тень для серого коня. Арака – милых угощение. Ср. *актан тамган аш* ‘молочная водка’ (букв.: из белого процеженный напиток).

ЛСВ₅ ‘седой’. На наш взгляд, это производное значение слова *көк* возникло на базе ЛСВ₃ ‘серый’. Данная семема реализуется при описании цвета волос: *көк башту кижиге* ‘человек с седыми, пепельного цвета волосами’ (букв.: ‘человек с синей головой’).

Значение ‘седой’ в алтайском языке также передается словом *көкшин* ‘седой’, производным от *көк*, где формант *=шин* характеризует ослабление качества. Например: *Сакыл өбөгөннунг карачачы кажайып, көкшин боло берген* (АЛ, 5, 9) – Черная голова старика Сакула поседела, стала пепельно-седой. В данном значении лексема *көк* в алтайском языке используется редко: седину волос обозначают в основном словом *буурыл* ‘седой’.

В деривационном отношении от слова *көкшин* ‘седой’ в результате семантической конверсии образовано слово *көкшин* ‘старец’ [Вербицкий 1889: 183].

ЛСВ₆ ‘неспелый, несозревший’. Это значение расценивается как переносное. Безусловно, оно возникло на базе ЛСВ₃ ‘зеленый’. В данной позиции лексема *көк* употребляется по отношению к неспелым фруктам, овощам, злакам, подчеркивая их зеленоватый цвет. Например: *Жетире бышпаган көк арбанын чарагы сүрекей жылымзу болор ине* (АА, УБТ, 26) – Зерно еще несозревшего, неспелого ячменя бывает довольно сладковатым (букв.: тепловатым).

ЛСВ₇ ‘совсем, совершенно, абсолютно’. В данном значении лексема **көк** в составе словосочетаний выражает сильную степень качества, интенсивность признака, выполняя роль интенсификатора. Так, например, в алтайском языке широко представлены следующие сочетания.

Көк үлүш ‘совершенно мокрый’ (букв.: синий мокрый). Примеры: *Сабу турала, көк үлүш кижси калтырап, ыйлап туруп, айлы жаар басып ийди* (ЖК, АЖÖ, 67) – Сабу встал, совершенно мокрый человек, дрожа от холода, всхлипывая, направился домой; *Je Капшун мыны жаан керекке албады – тегин де бастыра бойы көк үлүш* (ЖК, КТ, 152) – Но Капшун не обратил на это большого внимания, и так весь совершенно мокрый.

Көк төгүн ‘наглая (абсолютная) ложь’ (букв.: синяя ложь). Примеры: *Көрзөн ол Эзенайды. Локтоп, көрүн салдым деген. Көк төгүн* (СМ, АК, 94) – Погляди-ка на эту Эзенай. Говорила, что осмотрела, проверила. Наглая ложь; *Тарынчак керегинде жүзүн-жүүр куучындар бар, је оло ончозы кей-кебизин ле көк төгүн* (ЭТ, Кү, 37) – Про Тарынчак ходят разные слухи, но все это вздор и абсолютная ложь.

Көк төгүнчи ‘наглый лжец, бессовестный лгун’ (букв.: синий лгун). Примеры: *Айдарда, мен слердин алдаарга көк төгүнчи болуп калдым ба?* (БУ, Т, 72) – Итак, я перед вами оказался бессовестным лгуном?

Көк тенек ‘очень глупый; глупец’ (букв.: синий глупец). Примеры: *Көк тенек – көлөткөзиле кожо согушкан* (БУ, АКБ, 5) – Очень глупый дрался со своей тенью; *Көгүстү кижси – көс төөн көрөр, Көк тенек – кийим жаар көрөр* (АС, АСҮ, 109) – Умный – в глаза смотрит, совсем глупый – на одежду смотрит.

Көк жүүлгек ‘совсем сумасшедший’ (букв.: синий сумасшедший). Например: «*Бу слер көк жүүлгек кижсиге совхозтын койлорын канайып кабыртып жаткан улус!*» – деп, конторага кирген ле бойынча, *Лыман управляющий Саналов Санаага үкүстеп барган* (БУ, СÖ, 16) – Дыман, зайдя в контору, стал нападать на управляющего Саналова Санаа: «Как вы могли совсем сумасшедшему доверить совхозных овец!».

Көк тескери ‘совершенно упрямый’ (букв.: синий упрямый). Например: *Сыйнынын көк тескери кылыгын Айдар жакшы биле-*

тен (Шукаева М.) – О совершенно упрямом (букв.: синем упрямом) характере своей сестры Айдар знал хорошо.

Көкө түйште ‘днем, среди белого дня’ (букв.: синим днем). Примеры: *Бир кижиден оло кемзингилебеген де, коркыгылабаган да, ол төрт малды чедендерине кийдире айдайла, көкө түйште жыга чаап, согумдап алгандар* (ЖК, АЖЧ, 20) – Они даже не постеснялись, не побоялись одного человека, среди белого дня загнали четырех коней, завалив, закололи на мясо; *Мындый мылтык онын Аспакту журтында кемде де жок, көкө түйште от то камызала бедрезен, табылбазы керегинде айткан* (БУ, ЭТ, 125) – Он сказал, что такое ружье в его селе Аспакту днем с огнем не отыщешь.

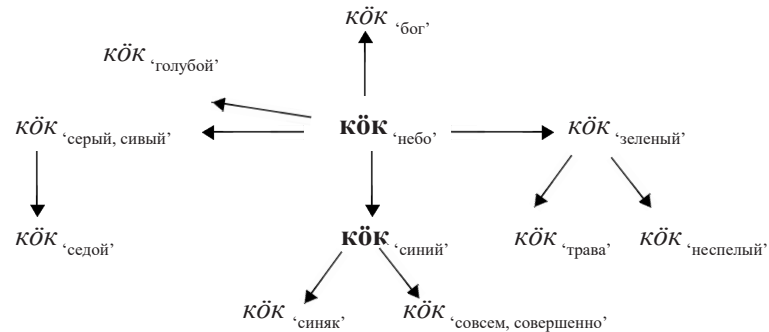
Көкө жаш ‘совсем молодой, юный’ (букв.: синий молодой). Например: *Черүге атанып жаткандарды көрзө, кижинин ичи ачыыр. Көкө лө жаш, бир тунгей уулдар браадар* (ЭТ, Кү, 130) – Когда увидишь отправляющихся в армию, сердце (букв.: нутро) занает. Совсем юные парни отправляются.

Подобные сочетания встречаются и в других тюркских языках: тув.: *көк суг* ‘совершенно (насквозь) мокрый’ (букв.: синяя вода), *көк меге* ‘явная (наглая) ложь’, *көк шалбаа* ‘совершенно (насквозь) мокрый’ (букв.: синяя лужа), *көк элээр* ‘совершенно трезвый’ (букв.: синий трезвый), *көк мелегей* ‘круглый дурак’ (букв.: синий дурак) [Татаринцев 1987: 63]; башк.: *күк һөт* ‘очень жидкое молоко’ (букв.: синее молоко), *күк яшык* ‘очень худой, тощий’ (букв.: синий тощий) [Суфьянова 1998: 76].

Проведенный анализ показывает, что развитие семантики слова **көк** в алтайском языке протекало в самых различных направлениях: как в обозначении разных участков цветового спектра, так и в своих переносных значениях. В результате расширения значения (после распада полисемии) у слова **көк** появились некоторые лексико-грамматические омонимы (**көк** ‘синяк’, **көк** ‘молодая трава’).

В целом, семантические линии развития всех значений слова **көк** ‘синий’ в алтайском языке представляются нам в виде сложной схемы, отражающей неравномерное развитие значений данного слова. (см. Схему).

Схема 7

4.2. Фразеологически связанные значения слова кӧк

Лексема кӧк в составе фразеологических единиц в одних случаях выражает реальный синий цвет, а в других – выполняя роль интенсификатора, актуализирует значения ‘совсем, совершенно, очень’. Так, в составе фразеологизма **кӧк тош** ‘замерзший, оледеневший’ (букв.: синий лед) лексема кӧк обозначает синий цвет льда. Например: *Бу баланын буды кӧк тош эмтир* (Каташева А.) – Оказывается, ноги у ребенка совсем ледяные.

Образ козла в обыденном сознании алтайцев ассоциируется с бодливостью, пакостливостью, упрямством. Согласно алтайским мифам, верховный бог Ульгень одним из домашних животных создал овцу. Подражая ему, владыка подземного мира Эрлик сотворил бородатого и рогатого козла. Поэтому в народе его прозвали *Эрликтин малы* ‘чёртова скотина (скотина Эрлика)’. Согласно поверьям, якобы козел желает человеку смерти, чтобы затем рыть копытами землю на его могиле. На основе этих представлений, видимо, в алтайском языке появился фразеологизм **кӧк теке** ‘водка’ (букв.: синий козел) [АЧС: 151], т.е. дьявольское зелье, употребив которое человек теряет над собой контроль и совершает нехорошие поступки. Лексема кӧк в составе фразеологизма выступает в качестве интенсификатора, усиливая тем самым негативную семантику всего сочетания.

Фразеологизм **кӧк мӧӧн** функционирует в значениях: 1) ‘мокрый; 2) непросыхающий (о пьющем человеке)’; 3) ‘глупый, несообразительный; неумеха’ (букв.: синяя двенадцатиперстная кишка). Примеры:

Бастыра бойы кӧк мӧӧн кижини соок салкын ӧткӱре чаап турган (ЖК, ОЖ, 218) – Человека, полностью промокнувшего, ветер продувал насквозь; *Ӧгӧӧним кӧк мӧӧн аракызак, балдарымды кӧрӧр, угар – токто деп айдар кижини жок* (ЧА, ЧУТ, 30) – Мой муж – непросыхающий пьяница, некому присматривать за детьми, воспитывать их; *Городтогы жееним нени де эдип билбес, кӧк мӧӧн неме* (Тжинова) – Мой городской племянник ничего не умеет делать, неумеха.

Фразеологизм кӧк мӧӧн в алтайском языке появился на основе сходства с анатомическим органом – двенадцатиперстной кишкой, которая, будучи вынутой из нутра, бывает наполненной водой. Этому фразеологизму в тувинском языке соответствует фразеологизм *кӧк мӧӧн* ‘промокший до нитки, совсем мокрый, весь в поту’ [Хертек 1976: 54].

Что касается третьего значения данной ФЕ, очевидно, здесь глупый человек образно уподобляется тупой, замкнутой кишке.

У вышеуказанного фразеологизма в алтайском языке имеется вариант **кӧк мӧлт** ‘совершенно мокрый’. По всей видимости, второй компонент *мӧлт* – это фонетический вариант слова *мӧӧн*. Но, возможно, это звукоподражательное слово, означающее бултыхание воды. Примеры: *Ӧлӧн кӧк мӧлт эмтир, бӱгӱн жуулбас болбой* (Карманова) – Сено совсем мокрое, наверное, сегодня собрать не удастся.

В текстах алтайского героического эпоса часто встречается эпитет кӧк в составе сочетания **кӧк житке** (букв.: синий затылок). Очевидно, здесь лексема кӧк подчеркивает голую, неприкрытую кожу человека. Например: *Эки баатыр ат устӱнен узун болот ӱл-дӱлерге кӧк житкеге чабыштылар, ушпа кара жыдаларыла буурга сайыштылар* (АБ, 3, 99) – Два богатыря, сидя на конях, били друг друга по голым затылкам длинными стальными мечами, крепкими копьями пронзили друг другу печень.

Возможно, сочетание **кӧк житке** ‘голый, неприкрытый затылок’, архаическое по своему происхождению, в какой-то период

развития языка подверглось некоторой трансформации, в результате которой появился фразеологизм *көк жутке* ‘лентяй, ленивый’ (букв.: синий затылок). В наивном представлении алтайцев затылок, а точнее ямочка, находящаяся на нем, является местом средоточия такой отрицательной черты характера как лень. Принято считать, что чем глубже ямочка на затылке, тем ленивее человек. Именно это обстоятельство характеризует семантика фразеологизма *көк жутке*. Примеры:

Jeenim мал кабырып болбоды. Көк жутке бала эмтир (Токтошев) – Мой племянник не смог пасти скот. Ленивый ребенок, оказывается; *Сендий көк жуткени азырабас керек* (Чагышева) – Такого лентяя, как ты, не стоит кормить.

В составе фразеологизма *көк тарыска* ‘очень худой, тощий; хилый’ (букв.: синий прут) лексема *көк* выступает в качестве интенсификатора. Примеры:

Janгы ла ичегеннен чыккан өркөлөр семис. Олордын эдин көдүртип олгөн уйлардын көк тарыска жажыгына түнгейлейтен неме дейзин бе? (БУ, СӨ, 28) – Жирны суслики, только что вышедшие из своих нор. Как можно сравнивать их мясо с совсем хилым негодным мясом умерших от истощения коров; *А менен база нени алар: бу жаргак тонымды ба айса ту көк тарыска жабаамды ба?* (КТ, КЖ, 110) – А что с меня еще возьмешь: это поношенную дубленку либо того очень тощего жеребца.

Дифференциация значений слова *көк* несколько затруднена во фразеологизме *көк айас* ‘мокрый’ (букв.: синее ясное). Возможно, указанное слово здесь актуализируется в значении ‘синий’ (о небе), а, возможно и то, что оно выступает в значении ‘небо’ (небо ясное). Например: *А бу баланын алгагы көк айас турбай* (Токтошева) – Оказывается, низ у ребенка мокрый.

4.3. Семантическая структура монгольского слова *хөх* ‘синий’

Синий цвет у монголов ассоциируется прежде всего с небом. Небо для них считается верховным божеством. Небо олицетворяет собой Высшую силу, которая вечна. Она управляет земным ми-

ром, предопределяя поступки и жизнь людей, всех живых существ. Поэтому синий цвет в монгольской языковой картине мира символизирует вечность, а в пределах человеческой жизни – верность: *Хөх тэнгэр* ‘Вечное Небо’, *Хөх монгол* ‘Вечная Монголия’, *Хөх дэвтэр* ‘Вечные тетради’ (т.е. ведшиеся испокон веков родословные монгольских ханов) [Баярсайхан 1996: 55].

В «Большом академическом монгольско-русском словаре» зафиксированы следующие значения слова *хөх*: 1) синий, голубой; 2) зеленый; серый, сивый, темновато-пепельный (о масти); 4) смуглый, темный, черный (о цвете лица, коже); 5) массивный (о мускулах); 6) иронический, насмешливый; 7) суровый [БАМРС: 149].

В своем основном значении слово *хөх* (ЛСВ₁) в монгольском языке обозначает синий цвет: *хөх байван* ‘медный (синий) купорос’, *хөх будаг* ‘синяя краска, индиго’, *хөх тэнгэр* ‘синее небо’, *хөх утаа* ‘синий дым’, *хөх цэнхэр* ‘светло-синий, синевато-голубой; *хөх болжомор* ‘жаворонок’, *хөх тариа* ‘рожь’, *хөх цэцгий* ‘синица’ и др. [МРС: 557; БАМРС: 149].

Последующие три значения можно охарактеризовать как производно-номинативные. Интегральной семой, объединяющей эти значения, является сема «признак цвета / света».

ЛСВ₂ ‘серый, сивый’ (чаще о масти): *хөх сараал* ‘мышастый’ (о масти) *хөх дэгли* ‘серая цапля’, *хөх чоно* ‘серый волк’, *хөх үнс* ‘пепел’ (букв.: серая зола) [МРС: 557].

ЛСВ₃ ‘зеленый’ (о растениях): *хөх ногоо* ‘свежая, молодая трава’ (букв.: синяя зелень), *хөх өвс* ‘свежее, свежескошенное сено’, *хөх хаг* ‘зеленая плесень’. По отношению к кожаным изделиям лексема *хөх* подчеркивает цвет свежей плесени, в отличие от лексем *ногоон*, означающей цвет застарелой плесени: *хөх хаг* ‘только что появившаяся плесень’ [Баярсайхан 1996: 56].

ЛСВ₄ ‘смуглый, темный, черный’ (о цвете лица, о коже). В данном значении лексема *хөх* в монгольском языке выражает пейоративную характеристику болезненной смуглости «с синим отливом» или посинелости от холода: *хөх царай* ‘болезненно-смуглое лицо; лицо, посинелое от холода’, *цэлдэн хөх* ‘иссиня-смуглый’ [Баярсайхан 1996: 56].

Остальные значения слова *хөх* можно назвать переносными, возникшими на основе различных ассоциативных связей.

ЛСВ₅ ‘массивный’. Данный ЛСВ употребляется по отношению к мышцам, обозначая их мускулистость, жилистость: *хөх булчин нь зангирсан* ‘с развитыми (букв.: связанными) сильными мышцами’ (напр., о культуристах) [Баярсайхан 1996: 56].

ЛСВ₆ ‘иронический, насмешливый’. В данном случае лексема *хөх* выражает негативную характеристику: *хөх инээд* ‘иронический смех’ [МРС: 557]; *хөх инээд хүрэв* ‘вызывать (у говорящего) неодобрительный смех’ [Баярсайхан 1996: 56].

ЛСВ₇ ‘суровый’. Лексема *хөх* в рассматриваемом значении употребляется для обозначения холодной зимы – *хөх өвөл* ‘суровая зима’ [БМРС: 149].

Таким образом, семантическая структура монгольского слова *хөх* представлена основным, рядом производно-номинативных и переносных значений. Фразеологически связанных значений у слова *хөх* в монгольском языке не обнаружено.

4.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова *көк* и монгольского слова *хөх* ‘синий’

Семантика слов *көк* ~ *хөх* в алтайском и монгольском языках совпадает в том, что данные слова могут обозначать синий, серый и зеленый цвета. Но в отличие от алтайского слова *көк*, монгольское *хөх* не обозначает голубой цвет, а также цвет седых волос. Если у монгольского слова *хөх* и отсутствует цветовое значение ‘голубой’, то оно имелось у древнемонгольского *хөх* [Бертагаев 1971б: 100].

Расхождения в семантике сопоставляемых слов обнаруживаются также в развитии переносных значений. В семантической структуре алтайского слова *көк* отсутствуют значения ‘массивный’ (ЛСВ₅), ‘иронический, насмешливый’ (ЛСВ₆), имеющиеся у монгольского *хөх*. В свою очередь, у монгольского слова *хөх* не обнаружены значения ‘неспелый, незрелый (о растениях)’ и ‘совсем, совершенно, абсолютно’, имеющиеся у алтайского *көк*.

Следует также отметить, что в отличие от монгольского слова *хөх*, алтайское *көк* сохранило первичное значение ‘небо’. В современном монгольском языке небо обозначается словом *огторгой* ~ *огторгуй* ‘небо, небесное пространство’, образованное от *хөх* ‘синий’ (*огторгуй* < *көкторгуй*), где формант =*тор* выражает неполноценность признака [Бертагаев 1971а: 110; Мусаев 1996: 173].

Более подробно сходства и различия анализируемых слов приведены в Таблице 9.

Таблица 9

Семантика слов *көк* ~ *хөх*

№	Семантика	Алтайское слово <i>көк</i>	Монгольское слово <i>хөх</i>
1.	‘синий’	+	+
2.	‘голубой’	+	–
3.	‘серый, сивый’	+	+
4.	‘седой’	+	–
5.	‘зеленый (о траве)’	+	+
6.	‘неспелый, незрелый (о растениях)’	+	–
7.	‘совсем, совершенно, абсолютно’	+	–
8.	‘смуглый, темный, черный’ (о цвете лица, о коже)’	–	+
9.	‘массивный’	–	+
10.	‘иронический, насмешливый’	–	+

В целом, синий цвет и алтайцами, и монголами воспринимается как цвет неба и ассоциируется с силой, мощью, молодостью и вечностью, чему способствовал культ неба – тенгрианство. У алтайцев синий цвет ассоциировался также с образом синего (серого) волка – тотемом-прародителем могущественных тюрков.

§ 5. Сопоставительный анализ семантических структур алтайского слова *боро* и монгольского слова *бор* ‘серый’

В качестве основного обозначения серого цвета в алтайском языке используется слово *боро*. В современном алтайском языке употребляются как тюркский, так и монгольский варианты *бос* ~ *боро*, причем вариант *боз* используется гораздо реже, чем вариант *боро*. Впервые слово *бос* в алтайском языке было зафиксировано в «Грамматике алтайского языка» как *пос* ‘пепельно-беловатый, серый’ [1869: 240].

В семантической структуре слова *бос* выделяются следующие значения: 1. 1) серый; 2) темный; 3. ранний (о рассвете); 4. *перен.* упрямый, несговорчивый; злой.

В своем первичном значении слово *бос* обозначает серый цвет. Примеры:

Туунын-суунын бажына бос бороон түйүти (НУ, АМ, 138) – На поверхность гор и рек опустилась серая выюга; *Онон ары бар јатса, база бир алып туштады. Ак-бос атту эмтир* (АБ, 8, 150) – Поехал дальше, еще один богатырь встретился. На светло-сером коне, оказывается.

Лексема *бос* является цветовым определителем в названиях некоторых зоологических терминов: *бос-баарчык* ‘дрозд-дербяба’ (букв.: серый скворец), *босторкой* ‘жаворонок’ (букв.: серый шелк), *боскос* ‘пескарь’ (букв.: серый уголь).

По своей природе серый цвет считается смешанным, состоящим из белого и черного цветов, чем и определяется его нерасчлененность – переходность от светлого к темному, и наоборот. Именно поэтому семантика алтайского слова *боз* с первичным значением ‘серый’ оказалась связанной с обозначением совершенно противоположных отрезков времени: рассвета либо сумерек. Эта особенность отражена в синтаксически обусловленном значении ‘ранний’ (об утре). Например: *Түн тугенип, бос танда тыны чыкты Кулжынын* (СС, Э, 14) – После ночи, в ранний рассвет Кулды умер.

Более наглядно это явление в алтайском языке характеризуют слово *бозом*, производное от слова *бос*, с синтаксически обуслов-

ленными значениями ‘ранний’ (об утре), т.е. период времени, когда брезжит рассвет, ‘поздний’ (о вечере), когда уже смеркается, и глагол *бозор*= ‘рассветать’. Примеры:

Бозом тан (ЭТ, Кү, 135) – Раннее утро; *Тал-түйүтин кийинде атанала, бозом энирде городко јеттим* (АА, ÖЧК, 139) – Выехав после обеда, поздно вечером [я] доехал до города; *Тан бозорып адарда ла, Саадакты адазы ойгосты* (ШЯ, ÖТ, 145) – Как только начал брезжить рассвет, отец разбудил Саадака.

В текстах фольклорных произведений лексема *бос* встречается как эпитет *Эрлика*, владыки подземного мира. Нам представляется, что в данном случае слово *бос* реализуется в переносном значении ‘злой’. Например: *Алтын-Тууы бос Эрликтин јерине једин калган болбойтон беди* (АБ, 1, 201) – Алтын-Тууды уже достигла земли злого Эрлика.

Возможно, отсюда возникло значение ‘упрямый, несговорчивый’ [ОРС: 33].

Из всего этого следует, что рассматриваемая лексема в алтайском языке так или иначе выражает негативную оценку: *Бос бойынын ла алдын сананар* (поговорка) – Эгоист будет думать лишь о себе.

Несмотря на то, что слово *бос* сохранило свое первичное значение ‘серый’, в алтайском языке в обозначении серого цвета закрепился его фонетический вариант *боро*.

5.1. Семантическая структура алтайского слова *боро* ‘серый’

Серый цвет в мировоззренческом представлении алтайцев воспринимается как нейтральный и не обладает какой-либо определенной символикой. Но на вербальном уровне серый цвет нередко олицетворяет серость, унылость, повседневность, посредственность, что отражено и в семантике слова *боро*.

В «Ойротско-русском словаре» слово *боро* зафиксировано в значении ‘серый, светло-серый, сивый’: *боро ат* ‘серая лошадь, серко’ [1947: 33].

Согласно собранного фактического материала, у алтайского слова *боро* выделяются следующие значения: 1) серый; сивый

(о масти); 2) седой; 3) грязный; мутный (о цвете воды); 4) *перен.* серый, посредственный, неважный, невзрачный; 5) *перен.* мрачный, печальный; 6) *перен.* постный, скудный (о еде).

В своем основном значении (ЛСВ₁) слово *боро* выражает цветовой признак натурфактов и артефактов: *боро таи* ‘серый камень’, *боро булут* ‘серое облако’, *боро туман* ‘серый туман’ и др.

По отношению к животным лексема *боро* обозначает серую, сивую масть. Примеры:

Эмиктен онын боро адынын бажсы көрүнүп турды (АА, УБТ, 91) – Из-за провода виднелась голова его серого коня; *Бут алдына оролып, боро чычкан сыйтылдайт* (СС, Э, 156) – Путаясь под ногами, пищит серая мышь.

Лексема *боро* является цветовым определителем в составе ботанических и зоологических терминов: *боро кушкаш* ‘воробей’ (букв.: серая птичка), *боро бачыртка* ‘дрозд’ (букв.: серый дрозд), *боро жылан* ‘уж’ (букв.: серая змея); *боро тал* ‘серый тальник’, *боронгот* (> *боро кат*) ‘смородина’ (букв.: серая ягода) и др.

Семантическая структура слова *боро* в алтайском языке представляется нам иерархически организованной: производные значения мотивируются основным значением. По способу связей ЛСВ друг с другом смысловая структура рассматриваемого слова относится к радиальному типу полисемии. Все производные значения разделены на две группы.

В **первую группу** входят два производных значения (ЛСВ₂, ЛСВ₃), объединенные общей интегральной семой «признак света / цвета». Их мы относим к производно-номинативным значениям.

ЛСВ₂ ‘седой’. Данный ЛСВ актуализируется при описании цвета седых волос. Например: *Кырдын жанында турага жууктап келзе, кирнестеде таакызырап калган быйыраш боро чачту, ондый ок жетире кырылбаган буурыл сагалду, кыскачак коркок тумчукту кижси отурган* (АА, ÖЧК, 241) – Когда он подошел к дому возле горы, на крыльце сидел человек с запутавшимися волнистыми седыми волосами, такой же не до конца побритой бородой, с коротким горбатым носом.

ЛСВ₃ ‘грязный, мутный’. В этой позиции слово *боро* выражает цвет грязи, а также обозначает мутный цвет воды. Например: *Көзнөктөрдү көрөр дө эмес, бор-боро. Лунар керек* (Ябыкова) – На окна невозможно смотреть, грязные-прегрязные. Надо мыть; *Суунын өңи бор-боро* (АКК, 319) – Цвет воды мутный-мутный.

Вторую группу производных значений составляют переносные значения. Эта группа представлена следующими значениями.

ЛСВ₄ ‘серый; посредственный, неважный, невзрачный’. Рассматриваемый ЛСВ прежде всего выражает пейоративную оценку. Как показывают материалы алтайского языка, реализация этого значения осуществляется при описании серых дней. Например: *Ол күндөр, турнанын канады ошкош, боро болгон* (ПК, ТАП, 106) – Те дни были серыми, как журавлиное крыло.

Анализируемый ЛСВ характеризует также невзрачную, неважную одежду человека. Например: *Кийиминде өң жок, торт бор-боро* (ЭТ, Кү, 69) – Одежда [ее] невзрачная, совсем неважная (букв.: серая-пресерая).

В данной позиции лексема *боро* подчеркивает также неважный вид человека, а точнее, состояние усталости, изнеможения (от голода, болезни и т.д.). Дифференциальной семой в этом случае является сема «физиологическое состояние человека». Примеры:

Кырачылар бош ло борорыжа берт. Сенин де бүдүйш-бадыжынды көрзөн: бор ло боро (КТ, КЖ, 7) – Пахари совсем устали (букв.: совсем посерели). На себя-то посмотри: вид совсем неважный (букв.: серый-пресерый); *Je бат, шак бу тушта, очоктын күлине кирип, торолоорго једип, бороргылап отурган балдарын көрүп чыдабай, Монулдай колхозтын чарын уурдап сойгоны канайып ундылзын* (БУ, Т, 331) – Ну вот, как забудется то, как в это время Монулдай, не будучи в силах смотреть на изможденных (букв.: посеревших) от голода, копошащих золу в очаге детей=своих, угнал и заколол колхозного быка.

ЛСВ₅ ‘мрачный, печальный’. Данное переносное значение реализуется при описании психоэмоционального состояния человека. Примеры: *Болор ло болбос керекти көпчидип, боро санаага бастырып канайдар?* (СС, Э, 151) – Зачем преувеличивая все подряд,

предаваться мрачным мыслям?; *Ејигейдин таи чылап тонуп калган боп-боро чырайынан нени эдерге ле нени сананып турганын билерге кўч болгон* (ЧА, ЧУТ, 106) – По мрачному лицу Едигея, застывшему как камень, трудно было догадаться о том, что он собирается делать и о чем [он] думает.

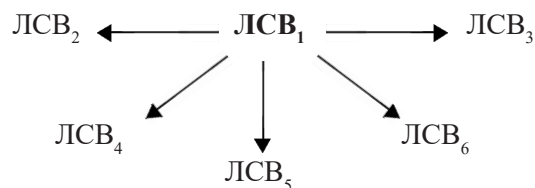
Рассматриваемая семема содержится и в семантике глагольной основы *борор* = ‘грустить, печалиться’, производной от *боро* ‘мрачный, печальный’. Примеры:

Сан башка бала. Бирде көрзө, кожондоп, каткырып турар, а бирде чек ле эригип, борорып калган жүрер (АА, УБТ, 348) – Странный ребенок. Смотришь в иной раз – поет, смеется, а в другой, совсем заскучав, ходит грустный; *Тен омордын борорышкан көстөрүн ле көрбөйтөн арга бар болзо* (КТ, ЭОП, 110) – Если бы только была возможность не видеть их грустные (букв.: посеревавшие) глаза.

ЛСВ₆ ‘постный, скудный (о еде)’. Материалы алтайского языка показывают, что слово *боро*, как и слово *кара*, актуализирует значение ‘без примеси, без чего-либо (о скудной еде, о незабеленном чае)’. Например: *Аш-курсагы – боро ботко, кайнаткан чалкан дежет. Мен айнайда уккам* (СС, АКС, 146) – Говорят, еда – скудная похлебка (букв.: серая похлебка), вареная крапива. Я так слышал.

Таким образом, семантическая структура слова *боро* в алтайском языке представляет собой иерархически организованную систему, где все производные значения мотивированы основным. Смысловая структура слова *боро* представлена в следующей схеме.

Схема 8

5.2. Фразеологически связанные значения слова *боро*

В составе фразеологических единиц лексема *боро* выражает пейоративную оценку. Все эти ФЕ входят в понятийную сферу «Человек». Собранный фактический материал показывает, что в алтайском языке функционируют следующие фразеологизмы с компонентом *боро*.

Боро момон ‘простофиля; невежда’ (букв.: серый крот). Например: *Боро момон, бифштекс ле отбивнаянын башказын ылгаштырбаган да* (Ойнчинова) – Простофиля, даже не смог разобратся, где бифштекс, где отбивная.

Боро чычкан ‘ничем не примечательный человек; серая мышка’ (букв.: серая мышка). Например: *Бу ак-жарыкка жангыс катан жүрер кыска жүрүм берилерде, боро жоннын боро чычканы болуп жүрүп койорго кандый ачу* (ЖМ, JJ, 17) – Когда дана всего одна короткая жизнь на белом свете, как обидно прожить ее серой мышкой серого народа.

Отрицательные черты характера человека в алтайском языке репрезентируют вариативные фразеологизмы **боро кардына болуп** (*жүр*=) ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради серого желудка=своего) и **боро кардына салдырып** ‘ради себя’ (букв.: серому желудку=своему уступив). Примеры:

Олор жангыс ла боро кардына болуп иштеп турган эмес. Олордын ижинде улу амаду бар (АА, А, 35) – Они, ведь, работают не только ради себя. В их работе заключена великая цель; *Боро кардына салдырган учун, бойына ла болуп сандыраган учун, жүткиген күүнине једерге болуп јолында турганды ийде салары не де эмес учун ачу!* (СС, Э, 132) – За то, что они живут только ради себя, хлопочут только за себя, за то, что им ничего не стоит столкнуть стоящего на пути ради намеченной цели обидно!

У вышеуказанных ФЕ в алтайском языке имеются и другие варианты: *кара кардына болуп* (*жүр*=) (букв.: жить ради черного желудка=своего) // *кызыл кардына болуп* (*жүр*=) (букв.: жить ради красного желудка=своего) со значением ‘жить ради себясамого; быть эгоистом’. Выбор черного, красного и серого цветов в дан-

ных ФЕ, несомненно, связано с тем, что их обозначения в алтайском языке имеют тенденцию к развитию негативной семантики.

Близкая семантика алтайских слов *кара* и *боро* проявляется и во фразеологически связанных значениях данных слов. Например, в алтайском языке они участвуют в образовании фразеологизма *кара-боро санаалу ~ боро-кара санаалу* ‘злой, коварный’ (букв.: с черно-серыми мыслями). Например: *Бокту бойы да боро-кара санаалу неме змей* (АА, А, 47) – Бокту и сам-то ведь коварный тип; *Оны угун, Эжен каруузын јандырды: «Кара-боро санаалу Калдан-Ойроттын јурты дөдөн уулымды ла келинимди бербезим»* (АКК, 213) – Услышав это, Эдьен ответил: «В местожительство злого Калдан-Ойрота сына=своего и невестку=свою не отправлю».

Весь представленный список фразеологизмов с компонентом *боро* в рамках данной работы, конечно, не является исчерпывающим. Но их количество в алтайском языке значительно меньше, чем число фразеологизмов с компонентами *ак*, *кара* и *кызыл*.

5.3. Семантическая структура монгольского слова *бор* ‘серый’

Монгольское слово *бор* в «Большом академическом монгольско-русском словаре» зафиксировано в следующих значениях: 1) серый; сизый, сивый (о масти); 2) смуглый (о цвете лица); 3) невзрачный; 4) простой, неприхотливый, нетребовательный [БАМРС: 264].

В своем основном номинативном значении монгольское слово *бор* обозначает серый цвет различных реалий и серую, сивую масть животных: *бор боролзой* ‘пижма трехдольная’, *бор тайр* ‘качим пустынный’, *бор бургас* ‘вяз’, *бор улиас* ‘осина»; *бор бух* ‘сивый или серый бык’, *бор морь* ‘сивая или серая лошадь’, *бор чоно* ‘серый волк’, *бор өтөг* ‘бурый медведь’, *бор гөрөөс* ‘косуля’ (букв.: серый зверь), *бор бүргэд* ‘серый беркут, орел’, *бор шувуу* ‘воробей’ (букв.: серая птица) и др. [БАМРС: 264].

Производные значения слова *бор* можно подразделить на производно-номинативные и переносные значения. Производно-

номинативным значением можно назвать значение ‘смуглый’ (ЛСВ₂), связанное с выражением признака света. Данное значение реализуется при обозначении смуглой кожи человека: *бор царай* ‘смуглое лицо’ (Бямбаахуу).

В числе переносных значений у слова *бор* выделяются всего два значения: ‘невзрачный’ (ЛСВ₃) и ‘простой, неприхотливый, нетребовательный’.

ЛСВ₄ ‘простой, неприхотливый, нетребовательный’. В этом актуализированном значении слово *бор* в монгольском языке употребляется в составе следующих сочетаний: *хар бор ажил* ‘простая физическая работа’; *бор гэр* ‘серая юрта; кухня, амбар’, *бор хирийн хүн* ‘неприхотливый человек’; *бор хоол* ‘мясная пища’ [МРС: 77; БАМРС: 149].

Переносные значения монгольского слова *бор* наглядно свидетельствуют о том, что серый цвет монголами воспринимается не самым лучшим образом. В подтверждение этому можно привести существующее в монгольском языке выражение *бүрэг хараас бүр хар дээр* ‘чем быть серым, лучше быть совсем черным’ [БАМРС: 45].

5.4. Общее и специфическое в семантике алтайского слова *боро* и монгольского слова *бор* ‘серый’

Семантический анализ слов *боро ~ бор* в алтайском и монгольском языках показал, что, несмотря на то, что оба слова генетически восходят к одной основе, развитие их значений осуществлялось по разному. Отличие проявилось в том, что у алтайского слова *боро* не обнаружено производно-номинативного значения ‘смуглый’, имеющегося у монгольского *бор*. У монгольского слова *бор* отсутствуют значения ‘седой’, ‘грязный; мутный’, ‘мрачный, печальный’, ‘постный, скудный (о еде)’, имеющихся у алтайского слова *боро*.

Сходство семантики проявилось в том, что близкими оказались коннотативные значения ‘серый, посредственный, неважный, невзрачный’ (ЛСВ₄) у алтайского слова *боро* и ‘невзрачный’ (ЛСВ₃), ‘простой, неприхотливый, нетребовательный’ (ЛСВ₄) у монгольского слова *бор*. В этом обнаружились специфические черты данных слов.

Примечательно, что некоторые переносные значения слова *боро* ~ *бор* ‘серый’ в алтайском и монгольском языках составляют параллель с переносными значениями слов *кара* ~ *хар* ‘черный’. В алтайском языке у слов *кара* и *боро* отмечаются значения ‘мрачный, печальный’, а в монгольском языке у слов *хар* и *бор* имеются значения ‘простой, неприхотливый’.

Сходства и различия семантики слов *боро* ~ *бор* в алтайском и монгольском языках отражены в Таблице 10.

Таблица 10

Семантика слов *боро* ~ *бор*

№	Семантика	Алтайское слово <i>боро</i>	Монгольское слово <i>бор</i>
1.	‘серый; сивый (о масти)’	+	+
2.	‘седой’	+	–
3.	‘смуглый (о цвете лица)’	–	+
4.	‘грязный; мутный (о цвете воды)’	+	–
5.	‘невзрачный’, ‘серый, посредственный, неважный’	+	+
6.	‘простой, неприхотливый, нетребовательный’	–	+
7.	‘мрачный, печальный’	+	–

Таким образом, данные Таблицы 10 свидетельствуют о том, что значения обоих слов полностью совпадают в обозначении серого цвета. Алтайское слово *боро* и монгольское *бор* имеют также общие переносные значения ‘невзрачный’, ‘серый, посредственный, неважный’. Эти значения обусловлены символикой серого цвета, олицетворяющего собой серость, повседневность, посредственность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что система цветообозначений алтайского языка структурируется по полемому принципу: обладает такими специфическими свойствами, как наличие ядра (центра, доминанты) и периферии, определенными системными отношениями парадигматики и синтагматики. Парадигматические отношения в семантическом поле (СП) алтайского языка широко представлены гипонимическими, синонимическими, антонимическими корреляциями. Синтагматические отношения представлены на уровне синтаксической сочетаемости цветовых наименований: они могут вступать в *свободные, конструктивно обусловленные* и *фразеологически связанные* сочетания.

Базовыми терминами СП цвета алтайского языка являются цветообозначения *ак* ‘белый’, *боро* ‘серый’, *јажыл* ‘зеленый’, *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *күрен* ‘коричневый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’. Остальные наименования цвета группируются вокруг них, формируя отдельные микрополя.

В СП цветообозначений алтайского языка выделяются 8 микрополей: 1) микрополе белого цвета; 2) микрополе черного цвета; 3) микрополе красного цвета; 4) микрополе синего цвета; 5) микрополе серого цвета; 6) микрополе желтого цвета; 7) микрополе зеленого цвета; 8) микрополе коричневого цвета. Имена цвета в данных микрополях распределяются по принципу интенсивности цветового признака в зоне *ядра* и убывания – в зоне *периферии*. Между ними находится *околоядерная* зона, куда относятся имена цвета, тяготеющие к зоне ядра и выражающие интенсивность цвета, а также *средняя* зона, в которую входят наименования средней частотности.

В культурологическом аспекте предпочтительными для алтайцев являются перечисленные выше основные цвета белый, серый, зеленый, черный, синий, коричневый, красный и желтый. В монгольском языке основные цвета представлены терминами *цагаан* ‘белый’, *хөх* ‘синий’, *цэнхэр* ‘голубой’, *ногоон* ‘зеленый’, *улаан* ‘красный’, *хүрэн* ‘коричневый’, *улбар шар (хондон улаан)* ‘оранжевый’, *шар* ‘желтый’. Эти же цвета являются основными в традиционной культуре монголов, а самым любимым цветом для них яв-

ляется коричневый цвет печени. Ткань коричневого цвета широко применяется для шитья национальной одежды монголов. В алтайской национальной одежде используются яркие радужные тона.

Алтайцы классифицируют цвета согласно общепринятым научным таксономиям и делят их на *основные* (базовые), *оттеночные* и *смешанные*. В монгольском языке классификация цветов отличается тем, что монголы называют цвета «по-своему». Белый цвет они называют «материнским», поскольку от него образуются все остальные цвета. Все хроматические цвета у них объединены понятием «отцовские цвета», ахроматические серый и черный цвета объединены понятием «цвета прислуги (рабы)». Смешанные и оттеночные цвета названы «сыновними».

Лексические единицы в системе цветообозначений алтайского языка представлены исконно тюркскими названиями (*ак* ‘белый’, *яжыл* ‘зеленый’, *кёк* ‘синий’, *кара* ‘черный’, *куба* ‘бледный, бледно-желтый’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’) и терминами монгольского происхождения (*бараан* ‘темный’, *боро* ‘серый’, *буурал* ‘седой’, *ногоон* ‘зеленый’, *күрен* ‘коричневый’, *чанкыр* ‘голубой’, *чоокыр* ‘пестрый’, *оошкы* ‘розовый’, *чагаан* ‘белый’, *улаан* ‘красный’, *солоон* ‘цвета радуги; разноцветный’). Наименования *кара* ‘черный’, *кёк* ‘синий’ и *сары* ‘желтый’ в рамках данного исследования отнесены к общетюркско-монгольскому пласту лексики (Ср. монг. *хар(а)* ‘черный’, *хөх* ‘синий’, *шар* ‘желтый’).

В структурном отношении цветовые термины алтайского и монгольского языков представляют собой *простые* и *сложные* наименования, *цветовые наименования компаративно-интенсивной семантики* и *компаративные конструкции с цветовыми компонентами*. В сопоставляемых языках они образуются путем словосложения, частичной и полной редупликации, словообразовательной модификацией, а также при помощи квалификаторов (определителей цветового качества).

Анализ семантической структуры слов-цветообозначений в алтайском языке в сопоставлении с их монгольскими эквивалентами позволяет сделать вывод о том, что данные слова в результате расширения семантики развивают большое количество производных значений. В рамках данного исследования у этих слов мы выделяем 5 типов значений: *основное* (*первичное*) *номинативное*;

производно-номинативное значение; *переносное* значение; *фразеологически связанное* и *усилительное* значения.

В алтайском языке самыми многозначными являются цветообозначения *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *кёк* ‘синий’ и *боро* ‘серый’, что и послужило отправной точкой в выборе данных слов и их монгольских эквивалентов для нашего семантического анализа. Многозначность этих слов обусловлена их частотностью в речи, способностью к словопроизводству, участием в образовании ФЕ. Например, в семантической структуре слова *ак* нами выделено 6 значений, а в семантической структуре слова *кара* – 16 значений. Смысловая структура рассматриваемых слов имеет иерархически организованную структуру: все производные значения мотивируются основным. Смысловые отношения между отдельными ЛСВ относятся к радиальному типу полисемии.

Результаты исследования показывают, что возникновение многих переносных значений слов-цветообозначений часто оказывается обусловленным символикой цвета. Так, в мировоззрении алтайцев и монголов белый цвет олицетворяет божественное начало, чистоту, мудрость, святость, поэтому большинство переносных значений алтайского слова *ак* и монгольского слова *цагаан* имеет положительную коннотацию.

Синий цвет алтайцами и монголами воспринимается как цвет неба и ассоциируется с силой, мощью, молодостью и вечностью, чему способствовал культ неба – тенгрианство. У алтайцев синий цвет ассоциируется также с образом синего волка – тотемом-пра-родителем всех тюркоязычных народов.

Адекватным в культурах алтайцев и монголов оказалось и восприятие красного цвета как яркого и красивого, олицетворяющего красоту, молодость и здоровье, что послужило появлению у слов *кызыл* ~ *улаан* переносных значений ‘молодой, здоровый, крепкий’.

Символика черного цвета в языковом сознании алтайцев и монголов оказалась весьма неоднозначной. Здесь черный цвет не является абсолютным олицетворением всего негативного, а содержит более сложную смысловую нагрузку. Вследствие этого слова *кара* ~ *хар* имеют емкую семантическую структуру. Переносные значения алтайского слова *кара* и монгольского *хар* прежде всего

отражают специфику мировосприятия и мироощущения носителей данных языков. Например, черный цвет у алтайцев (шире – у тюрков) ассоциируется с печалью, что способствовало развитию у слова *кара* значения ‘мрачный, печальный’. У монгольского слова *хар* данное значение не зафиксировано.

Серый цвет у алтайцев и монголов в основном ассоциируется с серостью, повседневностью, что отразилось в развитии переносных значений слов: у алтайского слова *боро* – ‘серый, посредственный, неважный, невзрачный’ (ЛСВ₄), у монгольского *бор* – значения ‘невзрачный’ (ЛСВ₃), ‘простой, непривлекательный, нетребовательный’ (ЛСВ₄).

Сходство развития семантики слов-цветообозначений в сопоставляемых языках проявилось и в том, что данные слова могут развивать значения, как с положительной коннотацией, так и с ярко выраженной негативной коннотацией. Например, алтайское слово *кызыл* имеет переносные значения с *положительной* коннотацией – ‘молодой, здоровый, крепкий’ (ЛСВ₃), ‘красивый’ (ЛСВ₆), а монгольское *улаан* имеет значения ‘молодой, сильный, здоровый’ (ЛСВ₆). С другой стороны, оба слова имеют значения с *негативной* коннотацией: у алтайского слова *кызыл* – ‘голый; бедный, нищий’ в составе ФЕ, у монгольского *улаан* – ‘голый, открытый’ (ЛСВ₇), ‘беззащитный, бессовестный, наглый; алчный, корыстолюбивый’ (ЛСВ₈).

Результаты семантического анализа показывают, что в алтайском языке слова *ак*, *кара*, *кызыл* и *кёк* способны развивать *усилительное* значение ‘очень, совсем, совершенно, абсолютно’. Исключение в этом ряду составляет слово *боро*. Для семантики монгольских слов-цветообозначений такая особенность не характерна. В усилительном значении здесь выступает лишь слово *хар*. Несмотря на то, что в сопоставляемых языках развитие производных (переносных) значений слов-цветообозначений является универсальной чертой, сфера их употребления несколько отличается, что отражает прежде всего специфику языкового сознания алтайского и монгольского народов. Например, в обоих языках имена цвета могут выступать определителями качества некоторых артефактов. Алтайское *кара* и монгольское *хар* выражают крепкое

качество вина: алт. *кара аракы* ‘крепкое вино’ (букв.: черное вино) – монг. *хар архи* ‘крепкое вино’ (букв.: черная водка). Монгольское *хар* обозначает также крепкое качество табака – *хар тамхи* ‘опиум’ (букв.: черный табак). Наоборот, легкий табак в монгольском языке подчеркивают словом *улаан* – *улаан тамхи* (букв.: красный табак). Для алтайского слова *кызыл* такое употребление не характерно.

Если в алтайском языке муку второго сорта называют *кара кулур* (букв.: черная мука), то в монгольском – *улаан гурил* (букв.: красная мука). В монгольском языке для обозначения наглой лжи, клеветы используют слово-интенсификатор *улаан* – *улаан гужил* ‘наглая клевета’ (букв.: красная клевета), а в алтайском языке для этого используется слово *кёк* ‘наглая ложь’ (букв.: синяя ложь).

Сходство семантики слов-цветообозначений в сопоставляемых языках проявляется и на уровне фразеологически связанных значений. В алтайском и монгольском языках обнаружено 17 эквивалентов ФЕ с цветовыми компонентами. Цветообозначения в данных ФЕ в большей степени актуализируют негативную коннотацию. Большинство фразеологизмов в данных языках характеризуют человека, репрезентируют его отрицательные качества. Это говорит о том, что в культуре алтайцев и монголов положительные качества человека афишировать не принято. Кроме того, эти ФЕ отличаются архаичностью, они отражают мифологичность языкового сознания носителей алтайского и монгольского языков, в противоположность демифологизации, наблюдающейся в последнее время во многих индоевропейских языках.

В целом, можно сказать, что семантика слов-цветообозначений в алтайском и монгольском языках имеет много общих черт, но в то же время и отличительных. Многие сходства в хроматической лексике алтайского и монгольского языков являются свидетельством того, что носители этих языков в историческом прошлом имели тесные языковые контакты и входили в единое военнополитическое, торгово-экономическое, культурное и языковое пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдуллаев А.З. К вопросу $r \sim z$ в тюркских языках // Советская тюркология. – Баку, 1984. – № 2. – С. 36–42.

Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). – Ростов-на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 108 с.

Айтмуратов Д. Этноним «кара-кытай» // Вестник Каракалпакской филологии. АН Уз. ССР, 1988. – № 3. – С. 72–76.

Алексеев С.С. Научные сведения о цвете // Школа изобразительного искусства, 1962. – Вып. 5. – С. 61–82.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.

Алимпиева Р.В. К проблеме семантического развития цветообозначений // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – С. 7–13.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 1994. – 148 с.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 173 с.

Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР, Серия лит. и языка, 1971. – Вып. 6. Т. XXX. – С. 509–523.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.

Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточно-славянских языках. – М.: Наука, 1974. – С. 112–148.

Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. – Л.: Просвещение, 1966.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сб. пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журина. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – Вып. I–XV. – 896 с.

Байрамова Л. Социально-языковая номинация с цветолексемами // Słowo. Text. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21–23 listopada 2003 r. Czas VII / Uniwersytet Szczeciński; pod redakcją Michaila Aleksiejewki i Marzanny Kuczuńskiej, Szczecin, 2004. S. 195–198.

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.

Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов (названия по полу, возрасту и масти). Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1976. – 28 с.

Баскаков Н.А. Алтайский язык. – М., 1958.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слово о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 205 с.

Баева М.И. Красный цвет в русском и английском языках // Русская речь, 2004. – № 7. – С. 125.

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.

Баярсайхан Е. Цветовые обозначения и цветовая символика // 90 лет Н. А. Баскакову. Studia philologica РАН ИЯ. М., 1996. – С. 55–59.

Бертагаев Т.А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности в алтайских языках. – Л., 1971а. – С. 90–110.

Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология. – М.: Наука, 1971б. – 150 с.

Бидерман Г. Энциклопедия знаков и символов. – М., 1996. – 335 с.

Благова Г.Ф. Антропонимы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С. 679–683.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.

Боргоякова А.П. Образы мира в языковом сознании хакасов // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. Материалы международной научной конференции, посвященной 280-летию дешифровки древнетюркской письменности. Абакан, 2001. – С. 81–86.

Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). – Л., 1979. – 232 с.

Босова Л.М. Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных (на материале русского и английского языков). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 184 с.

Бочкарева Т.В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 112–126.

Брагина А.А. Красный // Русская речь, 1969. – № 1. – С. 30–33.

Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1972. – С. 73–105.

Братчикова Н.С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании. Автореф. дис... докт. филол. наук. – М., 2006. – 39 с.

Брутян А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии, 1972. – № 10. – С. 87–96.

Бугаева Т.Г. К этимологии цветообозначений «зеленый – синий» в корейском и других алтайских языках // Алтайские этимологии. – М., – Л.: Наука, 1984. – С. 178–189.

Будаев Ц.Б. Фразеология бурятского языка. – Улан-Удэ, 1970. – 88 с.

Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.

Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначений в языках разных систем. – М.: Наука, 1987.

Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Автореф. дис... докт. филол. наук. – М., 2003. – 95 с.

Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в ин-

доевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 9–29.

Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1971. – № 5. – С.

Васильев Ю.И. Устойчивые сравнения с цветом «белый» в якутском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. научных трудов. Вып. VII. – Новосибирск, 1978. – С. 113–119.

Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке. – Новосибирск, 1986. – 111 с.

Васильева Е.Ф. Название цвета в чувашском языке // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1980. – С. 145–164.

Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. Сб. пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журина. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–152.

Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – 2-е изд. Горно-Алтайск, 1993. – 268 с.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, 1953. № 5. – С. 3–29.

Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания, 1960. – № 5. – С. 3–30.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М., 1977.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. – М., 1981.

Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52–65.

Габышева Л.Л. Цвет и зоосимволика в якутском эпосе олонхо // Советская тюркология. – Баку, 1984. – № 3. – С. 27–30.

Габышева Л.Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 3–23.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале русского и французского языков. – М., 1977.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

Ганина Н.А. Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 83–101.

Ганина Н.А. Система цветообозначений в готском языке и восточногерманском ареале // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 101–112.

Гете И. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: Изд. АН СССР, 1957.

Грамматика алтайского языка. – Казань, 1869.

Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология / Отв. ред. О. В. Захарова. – Фрунзе: «Илим», 1987.

Грамматика ойротского языка / Сост. Н. П. Дыренкова. – М.–Л., 1940.

Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Сост. Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. – М., 1961.

Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Наука, 1978.

Грановская Л.М. Цветообозначения в истории русской лексики // Русская историческая лексикология. – М.: Наука, 1968. – С. 83–95.

Грановская Л.М. Наименования цвета в русском языке 18–19 вв. // Русская речь 1970. – № 1. – С. 30–33.

Гузев Ж.М. Проблема словника толковых словарей тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1984.

Гузев Ж.М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик, 1985.

Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

Гурдов А. Семантическая структура английских прилагательных *white, black* и туркменских «ак», «кара» и их деривационный потенциал в сопоставляемых языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1972. – 35 с.

Данилин А.Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск: «Ак-Чечек», 1993. – 208 с.

Добродомов И.Г. Карий // Русский язык в школе, 1970. – № 4. – С. 105.

Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 102–130.

Добродомов И.Г. К историческому изучению русских цветовых прилагательных (Проблемы источников и методики) // Проблемы теории и методики языка, 1980. – С. 3–13.

Добродомов И.Г. Держать в черном теле // Русская речь, 1986. – № 1 – С. 146.

Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки, 1973. – № 1. – С. 89–98.

Досмухамедова К. Передача цветовых значений прилагательных в русско-казахском словаре // Известия АН Каз. ССР. Серия филология. Алматы, 1976. – № 4. – С. 28–35.

Дыбо А.В., Михайлова Т.А., Норманская Ю.В. Основные цветообозначения в кельтских языках // Московский лингвистический журнал. – М., 2002. Т. 6. – С. 47–52.

Дыбо А.В. Названия мастей в русском языке: система и происхождение // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола / Филол. фак. МГУ; Институт языкознания РАН (ред. А. П. Василевич). – М., 2004. – С. 14–16.

Жанпеисов Е.Н. Этнокультурная лексика казахского языка. – Алма-Ата, 1989.

Жаркынбекова Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание // Вестник Московского университета, 2003. Сер. 9. – № 1.

Жаркынбекова Ш.К. Ментальная репрезентация концептов разных лингвокультур и их культурно-специфическая представ-

ленность // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Сб. материалов 26–28 сентября 2006 г. – Тамбов, 2006. – 190–191.

Завьялова М.В. Цветонаименования в литовском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 198–229.

Закиров Р.Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 24 с.

Залевская А.А. Полевая модель в современной лексикологии // Полевые структуры в системе языка / Научн. ред. З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж-го ун-та, 1989. – 197 с.

Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки, 2002. – № 3. – С. 248–265.

Екеев Н.В. Об этнонимах «Белые и черные калмыки» (к этнической истории алтайцев XVII–XVIII веков) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 114–119.

Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные *к', *к, *g // Этимология 1964, – М.: Наука, 1965. – С. 338–343.

Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Наука, 1956.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. – М., 1961. – 141 с.

Каталог названий цвета в русском языке / Сост. А. П. Василевич и др. – М., 2002.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М., – Л., 1965. – 109 с.

Кацаева Л.А. «Зеленому лекарству – зеленую улицу» // Русская речь, 1987. – № 1. – С. 60–64.

Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки, 2004. – № 4. – С. 79–86.

Киклевич А. Притяжение языка. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Olsztyn, 2007. – 441 с.

Когунбаева Н.И. Алтайский язык в картинках (словарь). – Горно-Алтайск, 1992.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов. – Л., 1955. – 28 с.

Кокошникова О.Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 144 с.

Коморовска Э. Цветовые средства языковой номинации в польском языке // Słowo. Text. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21–23 listopada 2003 r. Czas VII / Uniwersytet Szczeciński; pod redakcją Michaila Aleksiejenki i Marzanny Kuczuńskiej, Szczecin, 2004. S. 107–117.

Кононов А.Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. Изв. отд. общественных наук АН Тадж. ССР, 1954. Вып. 5. – С. 83–85.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. – М., 1978. – С. 158–179.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников <VII–XX вв.> – Л.: Наука, 1980.

Коньров Т.К. Цветообозначение в структуре сравнения // Т. К. Коньров. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке (компаративные конструкции). – Алма-Ата: Мектеп, 1985. – 215 с.

Кормушин И.В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1971, – С. 9–29.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.

Кормушин И.В. Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С. 592–608.

Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вест. Барнаул. ГПУ. Серия: Гуманитарные науки, 2002. Вып. 2.

Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Филологические науки, 1973. – № 1. – С. 99–103.

Кругликова Л.Е. Серые люди // Русская речь, 1995. – № 3. – С. 108–111.

Кубрякова Е. Лингвистическая сущность номинации: когнитивно-семиотические характеристики // Słowo. Text. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21–23 listopada 2003 r. Czas VII / Uniwersytet Szczeciński; pod redakcją Michaila Aleksiejenki i Marzanny Kuczuńskiej, Szczecin, 2004. S. 15–20.

Кудечина Н.А. Эвфемизмы в названиях некоторых диких животных в алтайском языке // Алтайский язык на современном этапе его развития. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 133–139.

Кузьменков Е.А. К этимологии монгольских цветовых обозначений // Тюркология – 88. – Фрунзе: «Илим», 1988. – С. 126–127.

Кузнецов П.М. Сравнительная характеристика систем базовых цветообозначений восточной и северной диалектных групп хантыйского языка // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Выпуск 3. Сб. научных трудов и материалов / Под ред. А. А. Ким. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2007. – С. 113–119.

Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М., 1963.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: ВШ, 1989.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Московский Лицей, 2001. – 470 с.

Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевро-

пейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 126–185.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику (перевод с англ. яз.). – М.: Прогресс, 1979. – 543 с.

Лебедева Е.А. Семантика чувашских цветовых обозначений в культурно-историческом аспекте // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. – Казань, 1992. Т. 1. – С. 115–117.

Лезметс Х.Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 92–108.

Литвин Ф.А. Многозначность слов в языке и речи. – М.: ВШ, 1984.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 225 с.

Лукьянова Н.А. Схематизация терминов и понятий лексикологии (на материале вузовского курса «Современный русский литературный язык»). – Новосибирск, 1993.

Лукьянова Н.А. Виды номинаций с точки зрения типов структур их лексических значений // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. – Новосибирск, 1996. – С. 26–39.

Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.

Люшер М. Магия цвета. – Харьков, 1996. – 432 с.

Люшер М. Цвет вашего характера. – М.: «Рипол-Классик», «Вече», 1997. – 240 с.

Люшер М. Цветовой тест / Макс Люшер; пер. с англ. А. Никоновой. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 190 с.

Майзина А.Н. Семантические особенности слова *кызыл* 'красный' в алтайском языке // Филологический поиск. Материалы межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной Международному году гор. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 12–17.

Майзина А.Н. Семантика слова *ак* 'белый' в алтайском языке // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник 2002. – Горно-Алтайск. – С. 42–43.

Майзина А.Н. Семантическая структура слов *бос ~ боро* 'серый' в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 13. – Новосибирск, 2003. – С. 250–256.

Майзина А.Н. Семантическая структура слова *кара* 'черный' в алтайском языке // Исследования по алтайскому языку. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 98–114.

Майзина А.Н. Семантика слова *кёк* 'синий' в алтайском языке // Исследования по алтайскому языку. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 114–121.

Майзина А.Н. Фразеологические единицы, характеризующие человека, с цветовым компонентом *кара* 'черный' в алтайском языке // Материалы XLII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск, 2004. – С. 128–130.

Майзина А.Н. Алтай тилдинг ле литературанын урокторында онди темдектеген лексиканы тузаланары // Алтай тилдинг курч сурактары. Билим-методикалык жуунты. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 78–82.

Майзина А.Н. Цветовые наименования в алтайском языке // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Вып. 9. – Абакан, 2005. – С. 33–36.

Майзина А.Н. Система цветообозначений в алтайском языке // Материалы 2-ой Всероссийской конференции «Урал-Алтай: через века в будущее». – Уфа, 2005. – С. 132–133.

Майзина А.Н. Названия цвета в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком) // Алтай-Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (г. Горно-Алтайск, 16-19 мая 2006 г.). Том II. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 249–253.

Майзина А.Н. Фразеологические единицы с компонентом *кара* 'черный' в алтайском языке // Тюркские языки: проблемы и исследования. Сб. материалов Международной конференции к 100-ле-

тию со дня рождения Н. А. Баскакова. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 108–117.

Майзина А.Н. Структурная классификация цветовых наименований в алтайском языке // Языки и литературы народов Горного Алтая: Международный ежегодник – 2006. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 51–56.

Майзина А.Н. К проблеме разработки теории многозначности в алтайском языке (на примере цветообозначений) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы VIII международной конференции (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.). – Том I. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 311–314.

Майзина А.Н. Компаративные конструкции с цветовыми компонентами в алтайском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. – С. 90–93.

Майзина А.Н. Роль соматизмов и цветообозначений в составе фразеологизмов (на примере алтайского языка) // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева. – Уфа, 2008. – С. 148–151.

Майзина А.Н. Антропология цвета: к изучению цветовой перцепции в традиционной культуре алтайцев // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы и достижения современной антропологии». – Новосибирск, 2008. – С. 232–235.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л., 1951. – 451 с.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М. – Л., 1952. – 114 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л., 1959. – 111 с.

Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнолингвистика – М.: Наука, 1988. – С. 116–120.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

Маточкин Е.П. Цвет и свет в «Маадай-Кара» // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). – Горно-Алтайск. 1995. – С. 11–19.

Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. – Вып. 2. – Улан-Удэ, 1968. – С. 37–40.

Мерзук Я. Устойчивые сочетания, включающие цветообозначения в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Воронеж, 1997. – 18 с.

Михайлова Т.А. Система цветообозначений в старофранцузском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 77–83.

Михайлова Т.А. Система цветообозначений в гойдельских языках // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 229–243.

Михеев А.В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1983. – 21 с.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова О.Т. Прилагательные *ак* и *кара* в алтайском ономастиконе // Вопросы изучения алтайского языка. – Горно-Алтайск, 1981. – С. 113–127.

Молчанова О.Т. Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастиконе алтайцев // Советская тюркология. – Баку. 1985. – № 3. – С. 30–40.

Молчанова О.Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе // Тюркология 1986. – Л.: Наука, 1986. – С. 192–201.

Молчанова О.Т. Серые, красные, синие, промежуточные цвета в ономастиконе некоторых тюркских народов // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. – Уфа, 1988. – С. 89–103.

Молчанова О.Т. Алтайское *кызыл*, монгольское *ulaγan* / *ulan* в составе географических имен // Вторая Всесоюзная конференция

«Исторические названия – памятники культуры» 3-5 июня 1991 г. Сб. материалов. Вып. 2, – М., 1991. – 115.

Молчанова О.Т. Тюрко-монгольские связи некоторых восточно-славянских, а также польских цветоименований // *Kontakty językowe polsko-wschodniosłowiańskie*. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Rzeszów, 1995. S. 185–201.

Молчанова О.Т. Роль этнопсихологии при выборе ономастических признаков мотивации в процессе наименования объектов среды обитания // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 34. PAN, Instytut Slawistyki. Warszawa 1998. S. 225–246.

Молчанова О.Т. Rec.: C.L. Hardin and Maffi (eds), *Colour Categories in Thought and Language*. Cambridge University Press 1997. 372 p. // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 36. PAN, Instytut Slawistyki. Warszawa 2000. S. 275–284.

Морозова В.С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры и языка русской культуры, 1999. – С. 300–304.

Москович В.А. Система цветообозначений в современном английском языке // Вопросы языкознания. – М., 1960. – № 6. – С. 83–87.

Москович В.А. Семантическое поле цветообозначений (опыт типологического исследования семантического поля): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1965. – 35 с.

Мусаев К. Пратюркские названия неба // 90 лет Н. А. Баскакову. *Studia philologica* РАН ИЯ. – М., 1996. – С. 169–179.

Николина Е.В. Уровни межъязыкового сопоставления фразеологических единиц при модельном описании соматических фразеологизмов в тюркских языках Сибири и казахском языке // Гуманитарные науки в Сибири, 2002. – № 4. – С. 52–56.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.

Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. – М.: С&К, 2005.

Норманская Ю.В. Цветообозначения в санскрите // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и

исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 40–54.

Норманская Ю.В. Цветообозначения в древнегреческом языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 54–66.

Одинцов Г.Ф. О слове цветной и некоторых других цветообозначениях по материалам малоизученных памятников письменности // Проблемы теории и методики языка. – Ярославль, 1980. – С. 13–17.

Ойношев В.П. О некоторых цветовых признаках в алтайской традиции // Аборигены Сибири: Тезисы международной научной конференции. – Новосибирск, 1995. Т. 2. – С. 195–197.

Ойношев В.П. Символика мифологии алтайского героического эпоса: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 21 с.

Ондар Б.К. Некоторые параллели в топонимии Тывы и Хакасии (на примере топонимов с прилагательными *ак* и *кара*) // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. Материалы международной научной конференции, посвященной 280-летию дешифровки древнетюркской письменности. – Абакан, 2001. – С. 120–124.

Орузбаева Б.О. О собственных именах в эпосе «Манас» // Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1980. – С. 72–76.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Пелевина Н.Ф. О соотношении языка и действительности (обозначение красного и синего цветов) // Филологические науки. – М., 1962. – № 2. – С. 149–152.

Пелевина Н.Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей (значения света и цвета): Автореф. дис... докт. филол. наук. – Л., 1971. – 31 с.

Петров К.И. К этимологии термина «кыргыз». Цветовая древнетюркская топонимика Южной Сибири // Советская этнография, 1964. – № 2. – С. 81–92.

Петрова Т.И. Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений в нанайском языке // Ученые записки ЯГПИ им. А. И. Герцена. 1954. Т.101. – С. 115–117.

Петрова Т.И., Бугаева Т.Г. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак «красный» в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 191–202.

Пищальникова В.А. К вопросу о функционировании цветowych прилагательных в русских говорах // Русские говоры Западной Сибири. – Тюмень, 1982. – С. 13–20.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Воронеж, 1984.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М.–Л., 1937.

Плунгян В.А. К описанию африканской «наивной» картины мира // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 155–160.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.

Праченко О.В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 22 с.

Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола. М.: ИЯз РАН, 2004.

Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. – М.: Наука, 1972. – 207 с.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в современном освещении. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980.

Рассадин В.И., Будаев Б.И. Названия молочных продуктов в монгольских языках // Этнокультурная лексика монгольских языков. – Улан-Удэ, 1994. – С. 3–22.

Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 29–40.

Русаков А.Ю. К описанию системы цветообозначений в албанском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 267–279.

Самарина Л.В. Традиционная культура и цвет // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 1992. – № 2. – С. 47–57.

Самарина Л.В. Библиография по антропологии цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 279–314.

Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.–Л., 1941.

Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1960.

Санжина Д.Д. Использование фразеологизмов в бурятских исторических романах // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1985. – С. 102–114.

Свешников Т.С. Типологический анализ ФЕ с компонентами прилагательными, обозначающими цвет. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1969. – 22 с.

Седакова И.А. Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 185–198.

Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. – М.: Наука, 1975.

Серебренников Б.А. Что было первичным *r* или *z* // Советская тюркология, 1971. – № 1. – С. 13–19.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 655 с.

Сетаров Д.С. Тюркизмы в русской коневодческой терминологии // Тюркизмы в восточнославянских языках. – М.: Наука, 1974. – С. 229–238.

Сетаров Д.С. Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология, 1981. – № 6. – С. 16–32.

Симонов М.Д. Цветообозначение в языке совреченских эвенков // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 64–76.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993.

Скородумова Л.Г. Языковая картина мира монголов // Л. Г. Скородумова. Монгольский язык: Образы мира. – Улан-Батор: Изд-во «Бемби-Сан», 2004. – С. 214–275.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове. Проблема тождества слова // Труды ИЯ АН СССР Т. IV. – М., 1954. – С. 3–49.

Современный казахский язык / Под ред. Л. П. Ефремова, Н. А. Менжулина и др. – Алма-Ата, 1962. – 448 с.

Солдуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки, 1997. – № 5. – С. 43–54.

Солопов А.И. Цветообозначения в латинском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 66–77.

Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.

Стернин И.А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. VIII. Российское общество преподавателей русского языка и литер-ры; под научн. ред. И. П. Лысакова. СПб., 2006: Изд-во «Сударыня». – С. 8–20.

Субракова О.В. Система цветообозначений в хакасском языке // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Вып. IX. – Абакан, 2005. – С. 36–38.

Суровцова М.А. Развитие значения слова «красный» // Русский язык в школе, 1970. – № 3. – С. 97–100.

Суфьянова Н.Ф. Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. – Уфа: «Гилем», 1998. – 102 с.

Сыдыков С. Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1973.

Татаринцев Б.И. Омонимы и лексемы (на материале тувинского и других языков) // Лексика и морфология тюркских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 43–53.

Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М., 1987.

Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: 1995. – 397 с.

Тобурокова В.М. К вопросу о специфике цветообозначений в русском и якутском языках // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994, – С. 125–131.

Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. – М., 1960.

Тодаева Б.Х. Язык монголов внутренней Монголии. Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981.

Токмашев Д.М. Тюркские фольклорные антропонимы в зеркале этнолингвистики (на материале имен с компонентом-цветообозначением) // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Выпуск 3. Сб. научных трудов и материалов / Под ред. А. А. Ким. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2007. – С. 109–113.

Толбина М.А. Цветовые эпитеты алтайских волшебных сказок // Фольклорное наследие Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1989. – С. 49–71.

Толубаев М.А. Некоторые особенности названия мастей животных в киргизском и алтайском языках // Тюркологические исследования. – Фрунзе: «Илим», 1985. – С. 56–61.

Томанов К., Сарбалаев Ж. Из истории имени прилагательного в казахском языке // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата; «Гылым», 1990. – С. 232–244.

Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983.

Тыбыкова А.Т. Составные глаголы типа имя + глагол с реальным значением в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 1976. – С. 71–89.

Тыбыкова А.Т., Кыйынова М.Ю. К проблеме фразеологизмов в алтайском языке // Алтайская этимология. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 144–157.

Тыбыкова Л.Н. Семантические типы именных сравнительных конструкций в алтайском языке // Язык и культура алтайцев (сборник научных статей). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 55–69.

Тюнтешева Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 225 с.

Тюхтенева С.П. О символике цвета в культуре алтайцев // Материалы по истории и культуре Республики Алтай (тезисы к конференции, посвященной 125-летию Г. И. Чорос-Гуркина). – Горно-Алтайск, 1994. – С. 60–66.

Укачина К.Е. Алтайские народные загадки. – Горно-Алтайск, 1984.

Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975.

Ураксин З.Г. Цветовые обозначения в башкирских этнонимах // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1987. – С. 127–131.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – С. 135–169.

Уфимцева А.А. Теория семантического поля и возможности применения словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968.

Уфимцева А.А. Семиологический подход к изучению лексики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1984. Т. 43, – № 5. – С. 428–442.

Федорова К.И. Названия масти лошадей в якутском языке // Полярная звезда. – Якутск, 1980. – № 3. – С. 123.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. – М., 1997. – 432 с.

Фрумкина Р.М. О методе изучения семантики изучения семантики цветообозначений // Семиотика и информатика. Вып. 10. – М., 1978. – С. 143–162.

Фрумкина Р.М. Об отношениях между методами и объектами изучения в современной семантике (в связи с изучением семанти-

ки цветообозначений) // Семиотика и информатика. Вып. 11. – М., 1979, – С. 149–174.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа – М.: Наука, 1984.

Хертек Я.Ш. О фразеологических параллелях в некоторых тюркских и современном монгольском языках // Советская тюркология. – Баку, 1976. – № 4. – С. 12–25.

Хертек Я.Ш. Фразеология современного тувинского языка. – Кызыл, 1978. – 99 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Названия мастей мифологизированных животных в башкирском языке // Материалы 2-ой Всероссийской конференции «Урал-Алтай: через века в будущее». – Уфа, 2005. – С. 115–118.

Цолоо Ж. Термины традиционного летоисчисления у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. – Улан-Удэ, 1994. – С. 27–44.

Чарков С.Л. Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими. – Л.: Наука, 1990.

Чельшева И.И. Система цветообозначений итальянского языка // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 243–267.

Черкасов С.Л. «Цветовые» прилагательные в составе топонимов // Топонимика. Вып. 2. – М.: Наука, 1967. – С. 14–15.

Черемисина М.И. Язык и его отражение в науке о языке. – Новосибирск, 2002. – 254 с.

Черданцева Г.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 78–92.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1997.

Щербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). – СПб. ИЛИ РАН, 1997.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Эдоков А.В. Письменная и изобразительная культура (Постановка проблемы языковой семантики) // Алтай и Центральная Азия: Культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 173–180.

Эдоков А.В. Декоративное искусство Горного Алтая. С древнейших времен до наших дней. – Горно-Алтайск, 2002. – 208 с.

Эдоков А.В. Восприятие цвета в традиционной культуре алтайцев // Тюркология. – Туркистан, 2004. – № 4. – С. 74–80.

Энхдэлгэр О. Цветообозначения в русском языке (с позиции носителя монгольского языка). Автореф дис... канд. филол. наук. – М., 1996. – 18 с.

Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990. – 169 с.

Яимова Н.А. Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 226–229.

Berlin Brent, Key Payl. Basic colour terms: their universibility and evolution. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 178 p.

Druminski K. The sub-field of the English *brown* and polish *brazowy* (physical characteristics). In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 39–59.

Ishakova G. About the namings of horse colours in the Altaic languages. In.: Kazan and the Altaic world: 50th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC) (Kazan, July 1–6, 2007): Articles and texts / Editor: Z. Nigmatov. – Kazan: Idel-Press, 2007. P. 89–91.

Iwinska A. Colour-terms in English and Polish lexical relationships within the sub-field of the English *bluy* and the Polish *niebieski*. In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 61–80.

Mikolajczyk D. Colour-terms in English and Polish (the sub-field of the English *purply* and the Polish *purpurowy*). In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 95–112.

Mielcarek G. Semantic aspects of the English basic colour-term *black* and Polish *czarny*. In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 81–94.

Molchanova O. Colour-terms in the proper names of Siberian Turkic languages. In.: XX Congrès International des Sciences Onomastiques (20–25 September 1999). Abstracts. Instituto da Lingua Galega, Santiago, 1999. P. 147–148.

Molchanova O. General remarks on colour-terms used in common and proper naming (with special reference to the English *black*, Russian *ch'ornyj* and Altai *kara*). In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 19–38.

Molchanova O. Colour perception and its reflection in proper-naming. In.: Molchanova O. From Words to Place-Names (Topography Cognition and Semantics). – Szczecin: Wydawnictwo naukowe uniwersytetu Szczecińskiego, 2007. – P. 88–98.

Niewiarowicz R. Colour-terms in English and Polish: the sub-field of the English *brown* and Polish *brazowy*. In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 113–129.

Teres A. The sub-field of the English *red* and the Polish *czerwony* (the componential analysis of *red* and *czerwony*). In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 131–144.

Wyrebiak E. The sub-field of the English *orange* and the Polish *pomarańczowy*. In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 145–159.

Zalewska M. Different approaches to colour study. In.: Linguistics across culture. Szczecin, 2003. P. 161–172.

Словари

Башкирско-русский словарь / Отв. ред. З. Г. Уракин. – М.: «Дигора», «Русский язык», 1996.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002.

Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Изд. 2-е, – Абакан, 2000. – 144 с.

Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. – М., 1951.

Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М., 1977.

Казахско-русский словарь / Отв. ред. Г. Мусабаев. – Алма-Ата, 1954.

Киргизо-русский словарь / Отв. ред. К. К. Юдахин. – М., 1965.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.

Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957.

Морфемный словарь алтайского языка (с переводом на русский и английский языки) / Сост. А. Т. Тыбыкова, Дж. Б. Вуд, К. К. Пиянтинова, Л. Н. Тыбыкова, Г. Вуд. – Горно-Алтайск, 2005. – 318 с.

Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. – М., 1947.

Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. – М., 1964.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д»). – М.: Наука, 1980.

Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1979.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000 (Т. I: А, Б).

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2002 (Т. II: Д, Ё, И, Й).

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2004 (Т. III: Л, К).

Тувинско-русский словарь / Сост. Ш. Ч. Сат. – М., 1955.

Турецко-русский словарь / Сост. Д. А. Магазник. – М., 1945.

Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Чумакаев А.Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. – Горно-Алтайск, 2005. – 312 с.

Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». – Вып. I. РАН ИЯ / Отв. ред. Г. Ф. Благова. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 368 с.

Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». РАН ИЯ / Отв. ред. А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2003. – 446 с.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford: At the Clarendon Press, 1972.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Библиографические сокращения

БАМРС	Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002.
Б-МРС	Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. – М., 1951.
БРС	Башкирско-русский словарь / Отв. ред. З. Г. Ураксин. – М.: «Дигора», «Русский язык», 1996.
ГТЯ	Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Сост. Ф. Г. Исаков, А. А. Пальмбах. – М., 1961.
ГХЯ	Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Наука, 1978.
ДТС	Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
КалмРС	Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М., 1977.
КРС	Казахско-русский словарь / Отв. ред. Г. Мусабаев. – Алма-Ата, 1954.
КиргРС	Киргизо-русский словарь / Отв. ред. К. К. Юдахин. – М., 1965.
КХРФС	Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Изд. 2-е. – Абакан, 2000. – 144 с.
ЛЭС	Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
МРС	Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957.
ОРС	Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. – М., 1947.
РАС	Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. – М., 1964.
СКЯ	Современный казахский язык / Под ред. Л. П. Ефремова, Н. А. Менжулина и др. – Алма-Ата, 1962.
СЭС	Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1979.
ТРС	Турецко-русский словарь / Сост. Д. А. Магазник. – М., 1945.

ТувРС Тувинско-русский словарь / Сост. Ш. Ч. Сат. – М., 1955.

ХРС Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

СААНТЯ Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.

ЭСТЯ 1974 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974.

ЭСТЯ 1978 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978.

ЭСТЯ 1980 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д»). – М.: Наука, 1980.

ЭСТЯ 1997 Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». Выпуск первый РАН ИЯ / Отв. ред. Г. Ф. Благова. – М.: «Языки русской культуры», 1997.

ЭСТЯ 2003 Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С. РАН ИЯ / Отв. ред. А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2003. – 446 с.

Обозначения текстовых источников

АА Алтай алкыштар. – Горно-Алтайск, 1993.

АА, А А. Адаров. Амаду. – Горно-Алтайск, 1964.

АЕ, КЈ А. Ередеев. Куулгазынду јай. – Горно-Алтайск, 1985.

АА, АСЎ А. Адаров. Алтай совет ўлгерлик. – Горно-Алтайск, 1987.

АА, ЈТЈ А. Адаров. Јаан телекейге јол. – Горно-Алтайск, 1979.

АА, ЫЧК А. Адаров. Ылўмнин чанкыр кужы. – Горно-Алтайск, 1993.

АА, ЫЧК, ЈЫО А. Адаров. Ылўмнин чанкыр кужы. Јўрек ѳртѳгѳн ѳт – Горно-Алтайск, 2002.

АА, УБТ А. Адаров. Уча берген турналар. – Горно-Алтайск, 1980.

АБ Алтай баатырлар I–XII т.т. – Горно-Алтайск, 1958–1995.

АЈ В. А. Муйтуева, М. П. Чочкина. Алтай јан. – Горно-Алтайск, 1996.

АЕ, КЈ А. Ередеев. Куулгазынду јай. – Горно-Алтайск, 1985.

АК, АС А. Калкин. Ай-Сологой ло Кўн-Сологой. – Горно-Алтайск, 1994.

АКК Алтай кеп куучындар. – Горно-Алтайск, 1994.

АЛ Алтай литература. Учебник для 5 класса. – Горно-Алтайск, 1995.

АР, АА Агутагава Рўноскѳ. Агаш аразында / Алтай тилге Б. Бедюров кѳчўрген // Туулардын јылдызы (журнал), 1976. – С. 51–60.

АС, АСЎ А. Саруева. Алтай совет ўлгерлик. – Горно-Алтайск, 1987.

АЧ Алтайдын Чолмоны. Республиканская массовая газета.

АЧС Алтай чўмдў сѳстѳр / Тургузаачызы К. Петешева. – Горно-Алтайск: «Ак Чечек», 2007. – 152 с.

БА, ЫТ Б. Адаров. Ыйлѳрдин тўбинен. – Горно-Алтайск, 1993.

БС, АСЎ Б. Суркашев. Алтай совет ўлгерлик. – Горно-Алтайск, 1987.

БС, ССК Б. Суркашев. Сай-Солон кожоны. – Горно-Алтайск, 1990.

БУ, АКБ Б. Укачин. Айдын-кўннин белгеzi. Горно-Алтайск, 1993.

БУ, СЫ Б. Укачин. Сўўш ле ѳштѳжў. – Горно-Алтайск, 1981.

БУ, Т Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. – Горно-Алтайск, 1971.

БУ, ЫТ Б. Укачин. Ыэлў туулар. – Горно-Алтайск, 1971.

ЈМ, ЈЈ Ј. Маскина. Јўрўмнин јуруктары. – Горно-Алтайск, 2002.

ЖК, АҮӨ	Ј. Каинчин. Айлыбыс јаныс өзөктө. – Горно-Алтайск, 1984.
ЖК, АҮЧ	Ј. Каинчин. Аттарыс јаныс чакыда. – Горно-Алтайск, 1976.
ЖК, ЈҮЭ	Ј. Каинчин. Јастын јылу эзини. – Горно-Алтайск, 1989.
ЖК, К	Ј. Каинчин. Койчылар. – Горно-Алтайск, 1976.
ЖК, КТ	Ј. Каинчин. Карган тыт. – Горно-Алтайск, 1994.
ЖК, ОЈ	Ј. Каинчин. Ол јараттан. – Горно-Алтайск, 1980.
ЖК, ҮСА	Ј. Каинчин. Үч-Сүмер алдында. – Горно-Алтайск, 1986.
ЖК, ЭӨП	Ј. Каинчин. Эмдиги өйдин повестьтери. – Горно-Алтайск, 1989.
ИШ, КЈ	И. Шодоев. Кызаланду јылдар. – Горно-Алтайск, 1984
ИШ, Ө	И. Шодоев. Өлүмди јенип. – Горно-Алтайск, 1981.
ИШ, ӨЈ	И. Шодоев. Өткөн јолымнан. – Горно-Алтайск, 1995.
КТ, Т	К. Төлөсов. Таныбаган. – Горно-Алтайск, 1980.
КТ, ТДК	К. Төлөсов. Турналар деген кожомым. – Горно-Алтайск, 1981.
КТ, КЈ	К. Төлөсов. Кадын јаскыда. – Горно-Алтайск, 1985, 1987.
КТ, ЭӨП	К. Төлөсов. Эмдиги өйдин повестьтери. – Горно-Алтайск, 1989.
ЛК, АК	Л. Кокышев. Алтайдын кыстары. – Горно-Алтайск, 1980.
ЛК, ЛП	Л. Кокышев. Јүс письмо. – Горно-Алтайск, 1990.
МК	Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1973.
МК, АК	М. Кильичаков. Айулу кобы / Алтай тилге В. Самык көчүрген // Кадын. – Горно-Алтайск, 1973. № 15. – С. 15–66.
НК, АЛ	Н. Киндикова. Алтай литература јаны кычырышта. – Горно-Алтайск, 1998.
НУ, АМ	Н. Улагашев. Алып-Манаш. Т.1. – Горно-Алтайск, 1985.
ПК, ТАП	П. Кучияк. Талдап алган произведениелер. – Горно-Алтайск, 1953.

СМ, АК	С. Манитов. Аш кылгада. – Горно-Алтайск, 1989.
СМ, ЈС	С. Манитов. Јүрегистин сызы. – Горно-Алтайск, 1993.
СС, АКС	С. Суразаков. Алтайым керегинде сөс. – Горно-Алтайск, 1985.
СС, АЧА	С. Сартакова. Ак-Чолушпа Алтайым. – Горно-Алтайск, 1995.
СС, Э	С. Сартакова. Эрјине. – Горно-Алтайск, 1995.
ЧА, ЧУТ	Ч. Айтматов. Чактан узун түн / Алтай тилге А. Адаров көчүрген. – Горно-Алтайск, 1988.
ЭП, АСҮ	Э. Палкин. Алтай совет үлгерлик. – Горно-Алтайск, 1987.
ЭТ, К	Э. Тоюшев. Кечүлер. – Горно-Алтайск, 1978.
ЭТ, Кү	Э. Тоюшев. Күрлер. – Горно-Алтайск, 1987.
ЭЯ, ӨТ	Э. Яимов. Өйлөрдin түбинен. – Горно-Алтайск, 1993.
ШЯ, ӨТ	Ш. Ялатов. Өйлөрдin түбинен. – Горно-Алтайск, 1993.

Языки

азерб. – азербайджанский
алт. – алтайский
ар. – арабский
башк. – башкирский
бур. – бурятский
казах. – казахский
калм. – калмыцкий
кирг. – киргизский
монг. – монгольский
общетюрк. – общетюркский
перс. – персидский
письм.-монг. – старописьменный монгольский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркские
хак. – хакасский
шор. – шорский
як. – якутский

ПРИЛОЖЕНИЕ II
Список информантов
Носители алтайского языка

1. Аларушкина Аларушкина Ия Михайловна, 1978 г.р., Усть-Канский р-н, с. Козуль
2. Баина Баина Лариса Николаевна, 1976 г.р., г. Горно-Алтайск
3. Демчинова Демчинова Мира Айлчыновна 1957, к.ф.н., г. Горно-Алтайск
4. Елдошева Елдошева Арадьан Петровна, 1909 г.р., с. Усть-Кан
5. Каинчин Каинчин Диваш Берукович, 1938 г.р., г. Горно-Алтайск
6. Карманова Карманова Марина Васильевна, 1963 г.р., г. Горно-Алтайск.
7. Каташева А. Каташева Алевтина Филаретовна, 1976 г.р., Улаганский р-н, с. Балыктуюль
8. Каташева Г. Каташева Галина Михайловна, 1954 г.р., Улаганский р-н, с. Балыктуюль
9. Кыйынов Кыйынов Акча Кулерович, 1948 г.р., г. Горно-Алтайск
10. Кыйынова Кыйынова Лариса Деруловна, 1966 г.р., Усть-Канский р-н, с. Козуль
11. Каятова Каятова Инга Николаевна, 1978 г.р., Улаганский р-н, с. Чибит
12. Ойнчинова Ойнчинова Алена Маевна, 1975 г.р., г. Горно-Алтайск
13. Тазранова Тазранова Алена Робертовна, 1975, к.ф.н., г. Новосибирск
14. Темденова Темденова Зоя б/о, 1927 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
15. Пепилова Пепилова Торко Кайбаевна, 1941 г.р., Усть-Канский р-н, с. Верх-Бело-Ануй
16. Петпенекоева Петпенекоева Агафья Савостьяновна, 1929 г.р. Улаганский р-н, с. Балыкча

17. Тадыкина Тадыкина Марина Владимировна, 1965 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
18. Тижимеева Тижимеева Капшай Тасовна, 1927 г.р., Усть-Канский р-н, с. Верх-Бело-Ануй
19. Тижинова Тижинова Клара Тодошевна, 1943 г.р., Усть-Коксинский р-н, с. Сугаш
20. Токоеков Токоеков Дьямануул Самунович, 1917 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
21. Токтошев Токтошев Владимир Борисович, 1962 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
22. Токтошева Токтошева Анна Петровна, 1959 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
23. Самаева Самаева Надежда Васильевна, 1971 г.р., Горно-Алтайск
24. Сапо Сапо Керек Севастьянович, 1940 г.р., Кош-Агачский р-н, с. Кызыл-Таш
25. Сартакова Сартакова Светлана Михайловна, 1950 г.р., Улаганский р-н, с. Балыкча
26. Чагышева Чагышева Ольга Васильевна, 1972 г.р., с. Усть-Кан
27. Чандыева Чандыева Екатерина Дмитриевна, 1976 г.р., г. Горно-Алтайск
28. Чапыев Чапыев Евгений Модестович, 1910 г.р., г. Горно-Алтайск
29. Шукаева В. Шукаева Валентина Михайловна, 1949 г.р., г. Горно-Алтайск
30. Шукаева М. Шукаева Маргарита Болдыровна 1966 г.р., г. Горно-Алтайск
31. Ябыкова Ябыкова Марина Михайловна, 1980 г.р., Улаганский р-н, с. Балыктуюль

Носители монгольского языка

1. Бямбаахуу Бямбаахуу Бат Орших Арцат, 1986 г.р., Монголия, г. Ховд
2. Лождоо Лождоо Зандан, 1978 г.р., Монголия, г. Ховд

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Словарь алтайских цветовых терминов

Базовые термины

Ак 'белый'*** (квазисиноним *кажагай* ~ *кажак* ~ *кажагар* ~ *кажаар* 'белый')
аксымак 'беловатый'
агалтырым 'беловатый'
апагаиш 'беленький'
ап-апагаиш 'беленький-беленький'
ап-ак 'белый-белый'
Боро (бос) 'серый'* (квазисиноним *сур* 'сивый (о масти); серый')
борозымак 'сероватый'
боромтык 'сероватый'
борортым 'сероватый'
боро-боро 'серый-серый'
боп-боро 'серый-пресерый'
Лажыл 'зеленый'* (квазисиноним *ногоон* 'зеленый'*)
лажылзымак 'зеленоватый'
лажыл-лажыл 'зеленый-зеленый'
жап-лажыл 'зеленый-презеленый'
Кара 'черный'*
каразымак 'черноватый'
каралтым 'черноватый'
карамтык 'черноватый; темноватый'
кара-кара 'черный-черный'
кап-кара 'черный-черный'

Көк 'синий'*
көгөл 'синеватый'
көгөлтирим 'синеватый'
көгөрим ~ *көгөртим* 'синеватый'
көксимек 'синеватый'
көпөгөш 'синенький'
көп-көк 'синий-синий'
Күренг 'коричневый'* (квазисинонимы *күргүл* 'карий (о цвете глаз); каштановый (о цвете волос)', *коңгыр* 'каурий (о масти); каштановый (о цвете волос); коричневый')
күрензимек 'коричневатый'
күрентимек 'коричневатый'
күремтик 'коричневатый'
күрертим 'коричневатый'
күрен-күрен 'коричневый-коричневый'
күп-күрен 'коричневый-прекоричневый'
Кызыл 'красный'* (квазисиноним *јеерен* 'рыжий (о масти); красный')
кызылзымак 'красноватый'
кыскылтым 'красноватый'
кыскылтырым 'красноватый'
кызыл-кызыл 'красный-красный'

*** Знаком * отмечены лексемы, зафиксированные в «Ойротско-русском словаре» [1947].

кып-кызыл 'красный-прекрасный'
Сары 'желтый'*
саргылтым 'желтоватый'

саргылытырым 'желтоватый'
сарызымак 'желтоватый'
сары-сары 'желтый-желтый'
сап-сары 'желтый-желтый'

Оттеночные цветообозначения

Бараан 'темный'*
барынкый 'темноватый'
Буурыл 'седой'*
буурылзымак 'седоватый'
буурыл-буурыл 'седой-седой'
Куба 'бледный, бледно-желтый'*
кубакай 'бледноватый, бледно-желтый'
Куу 'бледный, блеклый, белый, серый, седой, бледно-желтый'*
куугылтырым 'бледноватый'
куукак 'бледноватый'
куумай 'бледноватый, бледно-желтый'
куушмак ~ *куушпак* 'бледноватый'

Оошкы 'розовый'
Салаа 'светло-желтый'
Солоон 'разноцветный, пестрый; цвета радуги'
Соознак 'сиреневый'
Чанкыр 'голубой'*
чанкырзымак 'голубоватый'
чап-чанкыр 'голубой-преголубой'
чанкыр-чанкыр 'голубой-голубой'
Чоокыр 'пестрый; пегий'* (квазисинонимы *ала* 'пегий (о масти); пестрый', *өлө* 'пего-соловый, сивый (о масти); пестрый')

Смешанные цветообозначения

Боро-кызыл 'серо-красный'
лажыл-сары 'зелено-желтый'
лажыл-чанкыр 'зелено-голубой'
көгөлтирим-күрен 'синевато-коричневый'
көгөлтирим-сары 'синевато-желтый'
көк-лажыл 'сине-зеленый'
көк-кызыл 'фиолетовый'
куулы-сары 'медно-желтый' (букв.: медь-желтый) ~ *сары-куулы* 'медно-желтый' (желтый-медь)

күрен-лажыл 'коричнево-зеленый'
күрен-кара 'коричнево-черный'
күрен-кызыл 'бордовый, темно-красный' (букв.: коричнево-красный)
күрен-сары 'коричнево-желтый'
кызыл-көк 'красно-синий'
кызыл-күрен 'красно-коричневый'
кызыл-сары 'оранжевый' (букв.: красный-желтый)

<i>кыскылтым-көк</i> ‘сиреневый’ (букв.: красновато-синий)	<i>саргылтым-боро</i> ‘желтова- то-серый’
<i>кыскылтым-күрен</i> ‘краснова- то-коричневый’	<i>сарызымак-боро</i> ‘желтовато-се- рая’
<i>кыскылтым-сары</i> ‘краснова- то-желтый’	<i>чанкыр-кызыл</i> ‘голубо-красный’
<i>сары-күрен</i> ‘желто-коричневый’	<i>чанкырзымак-сур</i> ‘голубова- то-серый’

Наименования, выражающие яркость цветового тона

<i>Ай-кара</i> ‘черный-пречерный’ (букв.: месяц-черный)	<i>кара-көк</i> ‘темно-синий’
<i>ак-боро</i> ‘светло-серый’	<i>кара-күрен</i> ‘темно-коричневый’
<i>ак-сары</i> ‘светло-желтый’	<i>конгыр-сары</i> ‘светло-русый’ (о цвете волос)
<i>ак-сур</i> ‘светло-серый’	<i>көк-куу</i> ‘бледно-синий’
<i>ак-чанкыр</i> ‘светло-голубой’	<i>кубакай-кызыл</i> ‘бледно-красный’
<i>барынкый-чанкыр</i> ‘темно-голу- бой’	<i>кубакай-сары</i> ‘бледно-желтый’
<i>боромтык-јажыл</i> ‘темно-зеле- ный’	<i>куу-сары</i> ‘бледно-желтый’
<i>кара-боро</i> ‘темно-серый’	<i>күргүл-сары</i> ‘светло-каштановый’
<i>кара-јажыл</i> ‘темно-зеленый’	<i>күрен-куу</i> ‘бледно-коричневый’
	<i>күрен-кызыл</i> ‘темно-красный’

**Парные слова, обозначающие близкие
по цветовой гамме цвета**

Ак-буурыл ‘седой’ (букв.: бело-седой)
борортым-буурыл ‘седой’ (букв.: серовато-седой)
борортым-сур ‘серый’ (букв.: серовато-серый)
көк-чанкыр ‘голубой’ (букв.: синий-голубой)
кызыл-јеерен ‘огненно-рыжий’ (букв.: красно-рыжий)
өлө-чоокыр ‘пестрый’ (букв.: пестро-пестрый)
тарлан-чоокыр ‘пестрый’ (букв.: пестро-пестрый)

**Цветовые наименования компаративно-
интенсивной семантики**

Ак-сүт ‘молочно-белый’ (букв.: белый-молоко)
алтын-кызыл ‘золотисто-красный’ (букв.: золото-красный)
алтын-сары ‘золотисто-желтый’ (букв.: золото-желтый)

јес-кара ‘черный-черный’ (букв.: медь-черный)
јес-кызыл ‘медно-красный’ (букв.: медь-красный)
јишлек-кызыл ‘красный-красный; цвета красной ягоды’ (букв.: яго-
да-красный)
жылдыс-чоокыр ‘звездно-пестрый’ (букв.: звезда-пестрый)
жылан-кара ‘блестяще-черный, черный-черный’
жынтыс-кара ‘черный-черный’ (букв.: звезда-черный)
кан-кара ‘черный-черный, густой черный’ (букв.: кровь-черный)
кан-кызыл ‘кроваво-красный’ (букв.: кровь-красный)
кара-төгөт ‘черный-черный’ (букв.: черный-деготь)
килин-кара ‘блестяще-черный’ (букв.: бархат-черный)
килин-көк ‘блестяще-синий’ (букв.: бархат-синий)
койон-ак ‘белый-белый’ (букв.: заяц-белый)
корон-сары ‘ядовито-желтый’ (букв.: яд-желтый)
көзөр-кара ‘пестро-черный’ (букв.: игральные карты-черный)
көзөр-чоокыр ‘пестрый-пестрый’ (букв.: игральные карты-пе-
стрый)
көд-кара ‘черный-черный’ (букв.: сажа-черный)
кусун-кара ‘черный-черный’ (букв.: ворон-черный)
кызыл-јалбыш ‘огненно-красный’ (букв.: красный-пламя)
кызыл-марал ‘румяный; цвета красного багульника’ (букв.: крас-
ный-багульник)
кызыл-өрт ‘огненно-красный’ (букв.: красный-пожар)
кызыл-эт ‘красный-красный’ (букв.: красный-мясо)
от-кызыл ‘огненно-красный’ (букв.: огонь-красный)
сары-корон ‘ядовито-желтый’ (букв.: желтый-яд)
суу-кара ‘блестяще-черный’ (букв.: вода-черный)
сүт-ак ‘молочно-белый’ (букв.: молоко-белый)
тас-кара ‘черный-черный’ (букв.: гриф-черный)
терс-кара ‘черный-черный’ (букв.: сгусток крови-черный)
торко-јажыл ‘нежно-зеленый’ (букв.: шелк-зеленый)
торко-сары ‘нежно-желтый’ (букв.: шелк-желтый)
төгөт-кара ‘черный-черный’ (букв.: деготь-черный)
чийне-кызыл ‘румяный; цвета красного пиона’ (букв.: пион-крас-
ный)
чычкак-сары ‘ядовито-желтый; цвета поноса’ (букв.: понос-жел-
тый)

Боронготтый кара ‘черный как смородина’
кардый ак ‘белый как снег’
койдый ак ‘белый как овца’
койондый ак ‘белый как заяц’
көмүрдий кара ‘черный как уголь’
куулыдый сары ‘желтый как медь’
кускундый кара ‘черный как ворон’
күделидий ак ‘седой (белый) как лен’
кызыл өрттий ‘красный как огонь’
мешкедий ак ‘белый как гриб’
оттый кызыл ‘красный как огонь’
сүттий ак ‘белый как молоко’
теленгирдий куу ‘бледный как олово’
тенгеридий чанкыр ‘голубой как небо’
тостый куу ‘бледный как береста’
төгөттий кара ‘черный как деготь’
түндий кара ‘черный как ночь’

Список алтайских фразеологизмов
с цветовыми компонентами

Агынча айт = ‘говорить откровенно, начистоту; признаться честно’ (букв.: с белое говорить): *Агынча айтса, газетчилердин ижинен ыраак турган* (БУ, Т, 239) – Признаться честно, он был далек от работы газетчиков.

Ак жүректү ‘добросердечный, добродушный, отзывчивый’ (букв.: с белым сердцем): *Жердин үстинде ачык-жарык, ак жүректү улус түнөй ле көп* (Елдошева) – На земле добродушных, отзывчивых людей все равно много.

Ак сагыш ‘добро; чистые помыслы, благие намерения’ (букв.: белая мысль): *Жаанбаш колын онын жардына салып, айтты: «Же, ыйлаба. Бисти өлтүрүп ийген эмес, незин ыйлаар. Карын андый ла ак сагыжынга алкыш-бийанду жүр»* (ШЯ, ÖТ, 178) – Джаанбаш, положив руку=свою на ее спину, сказал: «Ну, не плачь. Нас же не убили, чего плакать. Наоборот, с такими же чистыми помыслами=своими живи с миром».

Ак сагышту ‘добрый, доброжелательный, отзывчивый’ (букв.: с белой мыслью): *Бого конгон анчылар одынды одыбаганына сүйүнүп: «Кандый ак сагышту анчылар конды не!» – деп, жылу сананды* (ШЯ, ÖТ, 98) – Радуюсь тому, что ночевавшие здесь охотники не растопили дрова, с теплотой подумал: «Какие же доброжелательные охотники ночевали!».

Ак санаа ‘добро; чистые помыслы, благие намерения’ (букв.: белая мысль): *«Албаты-жоннын ак санаазын жаба базарга ба?!» – деп, Мойно оны жоон корчок сабарыла кезедип, ичкери энчейип, фуфайказынан тарылгазын чечип, айтты* (АА, УБТ, 46) – «Хочешь подавить благие намерения народа?!», – сказал Мойно, угрожая ему большим кривым пальцем, наклоняясь вперед, сняв с фуфайки металлическую бляшку.

Ак санаалу ‘добрый, доброжелательный, отзывчивый’ (букв.: с белой мыслью): *Бис слерди ак санаалу кижиде деп, азыйдан билеп ле тооп жадыбыс, Чакылдай өбөгөн* (БУ, Т, 163) – Мы с давних пор знаем и уважаем вас как честного человека, уважаемый Чакылдай.

Акту јерге ‘безвинно; без причины; на пустом месте’ (букв.: на белом месте): *Кижини акту јерге бурулаары качан да јенил* (ЭТ, К, 75) – Человека без причины обвинять всегда легко.

Акту јүрегинен ‘от всей души, от чистого сердца; искренне’ (букв.: от чистого сердца=его): *Бу кыстын, Нуркештин, ырызын, нөкөр командир, бүгүн аргадаганар учун, слерге акту јүрегинен алкыш айдып турум* (ИШ, ÖJ, 48) – За то, что сегодня спасли жизнь (букв.: счастье) этой девушки Нуркеш, товарищ командир, от всей души выражаю вам благодарность.

Акту күүн ‘сокровенные мысли; добрые, чистые побуждения’ (букв.: чистое желание): *Томуртка онын санааларын сезип, акту күүнүн чыгара айдат* (ЖК, КТ, 118) – Томуртка, догадавшись о его мыслях, начал рассказывать о сокровенных мыслях=своих.

Акту күүнинен ‘от всей души, от чистого сердца; искренне’ (букв.: от чистого желания=его): *Мен слерди акту күүнимнен уткып, ырысту болыгар деп күүнзеп турум* (ЛК, ЈП, 100) – Я поздравляю вас от чистого сердца, желаю вам счастья; *Бу тужында эјеме чын ла акту күүнимнен килей бердим* (КТ, КЈ, 186) – В этот момент [я] действительно искренне посочувствовал сестре.

Акту сөс ‘честное слово; сокровенное слово’ (букв.: слово с белым): *Акту сөзим: шоктободым, мениле та не болгон – бойым да билбезим!* (БУ, Т, 115) – Честное слово=мое: не шучу, что со мной случилось – и сам не знаю!; *Бойынын акту сөзин, кандый бир санааларын бичип саларга күүнзеген. Онон оны балдары чыдагылап келзе, кычылазын деп* (ЧА, ЧУТ, 174) – Свои сокровенные слова, некоторые мысли пожелал написать [на бумаге]. Чтобы затем, когда дети вырастут, прочитали их.

Актын агы ‘честнее честного’ (букв.: белый из белого): *«Је, је, айдарда, актын агы болорго турун, ба, уул?» – деп сурайла, Токпоев база өрө туруп келди* (АА, А, 141) – Спросив: «Ну-ну, значит, хочешь быть честнее честного, парень?», – Токпоев тоже встал.

Актын акка ‘откровенно, начистоту; с глазу на глаз, лично’ (с белого на белое): *«Слер мени чын ондогоныгар, слер меге чын жартаганыгар!» – актын акка председателди өчөди* (БУ, Т, 237) – «Вы меня правильно поняли, вы мне правильно объяснили», – откровенно передразнил председателя; *Актын акка таныжып ала-*

ла, кан уулы Катан-Коо каруузып, мынайда айтпай кайтты: «Мен билетен јон болзо, ойто айланып келгенчем, ончозын баштап јат-кар» (АБ, 11, 100) – Лично познакомившись [с ним], царский сын Катан-Коо сказал так: «Мой народ, пока назад не вернусь, всем управляйте».

Акара-баи јок (< ак-кара баи јок) ‘бесшабашный, отчаянный, бездумный; бесшабашно, отчаянно, бездумно’ (букв.: бело-черной головы нет): *[Јалу] Јуит кыс тужында ол база акара-баи јок ло болгон эди* (БУ, СÖ, 305) – [Дьалу] В девичьем возрасте она была весьма отчаянной; *Эмди мени канча јылга озочыл колхоз баштаган председатель, јаан јашту кижии деп тоор ордына албатынын алдына акара-баи јогынан јамандап јадын* (МК, АК, 55) – Теперь меня вместо того, чтобы уважать как председателя, столько лет возглавлявшего передовой колхоз, пожилого человека, бездумно порочишь перед всем народом.

Ак-чек санаалу ‘честный, добросовестный, порядочный’ (букв.: с белой-честной мыслью): *Онон ло бери Чама бу ак-чек санаалу уулды көрбөс болгон* (АА, УБТ, 192) – С тех пор Чама невзлюбил этого честного парня.

Боро момон ‘простофиля; невежда’ (букв.: серый крот): *Боро момон, бифштекс ле отбивнаянын башказын ылгаштырбаган да* (Ойнчинова) – Простофиля, даже не смог разобраться, где бифштекс, где отбивная.

Боро чычкан ‘серый, посредственный человек; серая мышка’ (букв.: серая мышка): *Бу ак-јарыкка јангыс катап јүрер кыска јүрүм берилерде, боро јоннын боро чычканы болуп јүрүп койорго кандый ачу* (ЈМ, ЈЈ, 17) – Когда дана всего одна короткая жизнь на белом свете, как обидно прожить ее серой мышкой серого народа.

Боро кардына болуп (јүр) ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради серого желудка=своего): *Олор јангыс ла боро кардына болуп иштеп турган эмес. Олордын ижинде улу амаду бар* (АА, А, 35) – Они, ведь, работают не только ради себя. В их работе заключена великая цель.

Боро кардына салдырып ‘ради себя’ (букв.: серому желудку=своему уступив): *Боро кардына салдырган учун, бойына ла болуп сандыраган учун, јүткиген күүнине једерге болуп јолында турганды ийде салары не де эмес учун ачу!* (СС, Э, 132) – За то, что

они живут только ради себя, хлопочут только за себя, за то, что им ничего не стоит столкнуть стоящего на пути ради намеченной цели обидно!

Бууры (öзөк-бууры) карар= ‘печалиться, тосковать; разочаровываться’ (букв.: печень=его чернеет): *Нөкөрим неме бербесте, буурым карарды* (Токоеков) – Когда друг мне ничего не дал, [я] разочаровался в нем; *«Jerim санап, өзөк-буурым бош карарды»* – деп, чичкечек сөйтү Коо-Тай үшкүрди (ЖК, АЖЭ, 364) – «Скучая по родине, совсем измучился», – тяжело вздохнул тонкокостный Коо-Тай.

Ичи кара ‘злой, коварный, подлый’ (букв.: нутро=его черное): *Тышты ак, ичи кара* (поговорка) – Внешне добрый, внутри злой.

жангыс ла (бойынын) кара көдөнүн сананар ‘эгоист’ (букв.: думающий только о черной заднице=своей): *Эмдиги балдарга не де керек жок, жангыс ла бойынын көдөндөрүн сананар* (Кыйынов) – Современной молодежи ничего не надо, эгоисты.

Канга жукнас кара кучкаш ‘чванливый’ (букв.: не подходящая к еде (кровяной колбасе) черная птичка) (АЧС, 140).

Кара түрткүн ‘необразованный, неграмотный’ (букв.: черный крот): *Онын санаазында жангыс Карчага! А ондый болбой база. Мендий кара түрткүн неме эмес. Бийик үредүлү* (АА, УБТ, 177) – А у нее на уме лишь один Карчага! А как же еще. Он не такой темный невежда, как я. С высшим образованием.

Кара жүректү ‘подлый, жестокий, бесчеловечный’ (букв.: с черным сердцем): *Сен ийт! Сен – кара жүректү шайтан!* (БУ, Т, 207) – Ты – собака! Ты – подлый шайтан.

Кара бажы базыл= ‘поплатиться своей головой; умереть; оказаться в безвыходной ситуации’ (букв.: черная голова=его придавлена): *Кара бажым базылганы бу туру деп санандым* (АА, УБТ, 8) – Пропала моя голова, подумал я.

Кара бажы кыйыл= ‘поплатиться своей головой; умереть’ (букв.: черная голова=его усечена): *«Эзен жүрген болзо, Тадалай слерле кожо токыналу отулар эди, быларга ла килеп, быларды ла айланып, кижги арткан жангыс эјезине де јолыгып албайтан туру не, кара бажы кыйылган кийинде көзин соолгончо до ыйла»,* –

јаанак ыйлап ийеле, айдынып аларга айылдаштары дөөн жүрген (ЖМ, JJ, 71), – «Если была бы здорова, Тадалай сидела бы с вами спокойно, только вас и жалея, около вас и околачиваясь, даже не смогу увидиться с единственной оставшейся старшей сестрой, после того как умрет, хоть плачь, пока глаза не иссохнут» – бабушка, всплакнув, побежала жаловаться к соседям.

Кара бажын бас= ‘убивать кого-либо; притеснять кого-либо, губить чью-либо жизнь, судьбу’: *Үйинге кожо алдында канчунун кара бажын баскан, эмди ой өскө, Боксу, өскө* (ЭТ, К, 20) – Сколько ты с женой притеснял раньше, теперь время другое, Боксу, другое.

Кара бажын сал (бер)= ‘пожертвовать собой; умереть’ (букв.: черную голову=свою положить (отдать)): *Je мында да јаан түбек жок, ол темир учун кара бажын да берген улус бар* (ЖК, ОЖ, 206) – Ну и в этом нет большой беды, есть даже люди, погибшие ради этого металла.

Кара бажын ачу ашка сук= ‘злоупотреблять алкоголем, подвергаться алкогольной зависимости’ (букв.: черную голову=свою опустить в горькую воду): *А эмди көрзөгөр – алтай кижги калык адыла оморкоордын ордына кара бажын ачу ашка сугуп корондойт* (АЧ, 1998) – А теперь посмотрите – алтаец вместо того, чтобы возносить свой народ травит себя алкоголем (букв.: черную голову=свою в горькую воду опуская, травит).

Кара бажына јет= ‘причинять кому-либо зло; проучить кого-либо за проступки’ (букв.: добраться до черной головы=его): *Јаман керектери учы-түбинде кара бажына једер* (АА, УБТ, 224) – Плохие поступки=его в конце концов обернутся против него самого.

Кара бажырт ‘множество, несметное количество’ (букв.: черное множество): *Ыраагынан ла көрзөс, мал деп неме кара бажырт* (КТ, КЖ, 13) – Мы еще издали увидели: скота – множество.

Кара баш ‘человек как живое существо’ (букв.: черная голова): *Кем јаргы-маргаанды јенип алар, ол өрө тенгериге чыксын, өзөтөннүн јаргызын этсин, кара баштын салымын билзин* (АЖ, 6) – Кто одержит победу в тяжбе, тот пусть возвышается на небо и

пусть вершит суд над всеми живыми, предопределяет судьбу целовека (букв.: пусть дальнейшую судьбу черной головы знает).

Кара бууры кайыл= ‘печалиться, угасать от тоски’ (букв.: черная печень=его тает): *А мынызы Аткаыр керегинде айдадым, сени санап, кара бууры кайылып барадыры* (БУ, СӨ, 168) – А это я говорю об Аткаыре, вспоминая тебя, [он] угасает от тоски.

Кара бууры түгөн= ‘сильно утомиться, изнемогать, вымотаться’ (букв.: черная печень=его заканчивается): *Канча чактарга албатынын кара каны төгүлүп, кара жойу олжого айдадып, кара көстөрдөн канча кире жаш аккан, кыйынга-чакка кара бууры түгенип, карык баскан Алтай* (КТ, КЖ, 131) – На протяжении веков сколько слез было пролито из черных глаз оттого, что много крови народной было пролито, что угоняли [его] в плен совершенно пешим; от мучений и бед изможденный, опечаленный Алтай.

Кара жерди ‘много; повсюду’ (букв.: черную землю): *Ол кара жерди иштеп койды* (СС, АЧА, 53) – Он всю работу сделал.

Кара жерлү ‘много’ (букв.: с черной землей): *Жиит балдардын тойында кара жерлү казан азылды* (Токоеков) – На свадьбе молодых было приготовлено много блюд; *Кара жерлү мал кыштаган* (Темденова) – Много скота зимовало.

Кара каны кайна= ‘гневаться’ (букв.: черная кровь=его кипит): *Кажызынын ла ичинде кара батка түүлүп, өч аларга кара кандары кайнап жүрди* (КТ, КЖ, 75) – У каждого в душе накопилась черная желчь, желая отомстить, каждый пребывал во гневе.

Кара каны (караны) кат= ‘сердиться, раздражаться, злиться’ (букв.: черная кровь=его твердеет): *Онын бу кылыгына Эндиркенин караны кадып, ол кайра бурылала, сурады: «Картыс, ой Картыс, сен тирүү бе, өлүп калдың ба?»* (СС, АКС, 69) – Эндирке, раздражаясь такому его поведению, обернувшись, спросил: «Картыс, ой, Картыс, ты жив или умер?».

Кара каны кууры= ‘сердиться, гневаться’ (букв.: черная кровь=его свертывается): *«Кара каным куурыза, сөдгинди кара таш эдерим, кара каным куурыбаза, кал корым эдерим»* – деп, *Муус-Каан айдынды* (АБ, 9, 117) – Муус-Каан сказал: «Когда я разгневаюсь, кости=твои превращу в черный камень, когда не стану гневаться, сделаю [из них] курган».

Кара канын жүт= ‘сердиться, раздражаться, злиться’ (букв.: черную кровь=его глотать): *Перфирий орус та, алтай да балдарды көрбөс кижси, торт ло кара канын жүдат* (ШЯ, ÖТ, 114) – Перфирий, человек, не любящий ни русских, ни алтайских детей, сильно раздражается.

Кара кардына болуп (жүр=) ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради черного желудка=своего): *Кара кардына болуп базып жүрген сендий немелерди мен көп көргөм!* (АА, УБТ, 46) – Таких эгоистов, как ты, я видел много.

Кара керек ‘плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление’: *Кара керекке качан да болзо карануй түн болжуп жат* (АА, УБТ, 201) – Черному делу всегда способствует темная ночь.

Кара керек кылын= ‘совершить черное дело, злодеяние, преступление’ (букв.: черное дело делать): *Бир күн Такай Лучыны алганча база ла бойынын кара керектерин кылынарга атана берерде, Камчы, көп лө болор, жииттердин көзинче Мекечини сабарыла бойына кычырып алды* (КТ, КЖ, 209) – Когда однажды, Такай, забрав с собой Дьучы, отправился вершить черные дела= свои, Камчы на глазах, наверняка у многих, у молодежи пальцем помянул к себе Мекечи.

Кара керек эт= ‘поступить плохо, подло; совершить злодеяние, преступление, черное дело’ (букв.: черное дело делать): *Кутус бу кара керегин эделе, чадырдан чыга жүгүргенин бойы да билбей калды* (КТ, КЖ, 80) – Кутус, совершив это злодеяние=свое, сам не понял, как выбежал из шалаша; *Щербаковтын куучынын угуп, Эрден унчукпай барадала, онон мынайда айткан: «Сен карган кижини көкүдүп, кара керек эдиң жадың, Михаил»* (БУ, ЭТ, 54) – Молча слушающая речь Щербакова, Эрден затем сказал так: «Подстрекая старого человека, ты поступаешь подло, Михаил».

Кара колдын күчиле ‘собственными силами, силами своих рук’ (букв.: силами черных рук): *Улус кырага не аайлу өтөк тартатан эди. Атла, кара колдын күчиле* (АА, УБТ, 180) – Люди, бывало, сколько навоза на пашню таскали. На конях, силами своих рук; *Түни-түжиле амыры жок иштеген, кара колдын күчиле камык немени энтерген, төгүнденерге бош кайдан келер база* (КТ, ЭӨП, 213) – Когда работаешь день и ночь без отдыха, соб-

ственными руками переворачиваешь кучу всего, для притворства откуда возьмется свободное время.

Кара көлөткө = ‘необразованный, неграмотный; бездарный, никчемный’ (букв.: черная тень): *Бис эмди эки башка улус ине. Сен бийик үредүлү, а мен карануй кижги, кара көлөткө* (АА, УБТ, 214) – Мы теперь совершенно разные люди. Ты с высшим образованием, а я человек темный, неграмотный.

Кара көлөткө болуп (кал=) ‘приобрести измученный, болезненный вид вследствие физических или душевных страданий; замкнуться в себе’ (букв.: превратиться в черную тень): «*Бу мен кайттым, не болдым не?*» – деп, кара бажын алакадарына салып алган эмезе **кара көлөткө болуп**, чырай-бажы чучурай берген улустарга бис көп жолуккан эмейис (КТ, КЖ, 241) – Ведь мы много раз встречали людей, со словами «Что это со мной, что со мной случилось?» хватающих руками черные головы=свои, или совсем изведенных, с измученными лицами.

Кара көлөткө (эт)= ‘превратить в ничтожество, в ничтожного человека’ (букв.: в черную тень превратить): *Сен жаман кижги, сен кара сагышту, сен ийт ошкош, сени үредер керек, сени кара көлөткө эдип бастыраар керек* (КТ, КЖ, 88) – Ты плохой человек, ты злой, тебя надо проучить, тебя надо превратить в ничтожество.

Кара көс болуп сакы= ‘ждать, не отрывая глаз’ (букв.: превратившись в одни черные глаза ждать): [*Чочконын бажын*] *Кайнаттык ла кайнаттык, жаңыс ла кара көс болуп, сакыдык ла сакыдык* (ЖК, АЛЧ, 7) – [Голову свиньи] варили и варили, не отводя глаз ждали и ждали.

Кара күйүндү ~ күйүни кара ‘злой, коварный, подлый’ (букв.: с черными желаниями): *Күйүни кара кижги жакшы жүргенге качан да болзо күйүнер* (Каташева Г.) – Подлый человек всегда будет завидовать успешному.

Кара күйүн жок ‘без злых помыслов’ (букв.: без черного желания): *Бичиктер шүүшкенде, онын айткан сөстөри жолду, кара күйүн жок, ару ла жалакай болгон* (АА, ЛТЖ, 260) – Когда обсуждали книги, его слова были верными, без злых помыслов, чистыми и добрыми.

Кара кылык ‘плохой, подлый поступок; черное дело, злодеяние, преступление’ (черный поступок): *Кара кылыкты, жаманды эдерге терен санаа керек жок* (НМ, А, 6) – Для того, чтобы совер-

шить подлый поступок, зло, особого ума не надо; *Өштү көөрөп, кара кылыгын тааштаар күйүни жок* (АЕ, КЖ, 20) – Враг, кичась, не хочет бросать свои черные дела.

Кара (ла) жерге 1) ‘зря, впустую’; 2) ‘много’; 3) ‘езде, всюду’ (букв.: черной земле): *Ончозы теп ле тегин. Кара ла жерге* (ЖК, АЛЧ, 118) – Все напрасно. Все впустую; *Сукайры эдер деп кара ла жерге калаш кертеле, отураарымда, улус келип жаткан туру не* (Петпенекова) – Пока сижу, нарезав много хлеба для изготовления сухарей, оказывается, [ко мне] люди идут; *Киске калашты кара ла жерге төгүн салды* (Каташева А.) – Кошка повсюду рассыпала хлебные крошки.

Кара неме эдип сал= ‘делать пакость, вредить; навести порчу’ (букв.: нечто черное делать): *Канай ла мен сени базынарым: айткан сөзгиди укпаачы болорым, жакшы неме этсен – көрбөөчи болорым. А керек дезе, кара туйук неме эдип саларым* (КТ, КЖ, 76) – Я буду унижать тебя, как только возможно: скажешь слово – притворюсь неслышащим, сделаешь хорошее – притворюсь незамечаемым. А может быть, даже сделаю [тебе] вред.

Кара неме эдип турган ‘занимающийся черной магией’ (букв.: нечто черное делающий): *Калганчы өйдө кара неме эдип турган улустын тоозы көптөгөн* (Шукаева М.) – В последнее время увеличилось количество людей, занимающихся черной магией.

Кара немеге туттур= ‘подвергаться влиянию нечистой силы’ (букв.: подвергаться влиянию чего-то черного): *Эне, мен кара немеге туттурдым* (КТ, ТДК, 44) – Мама, я подвергся влиянию нечистой силы.

Кара сагыш ‘зло; злые, недобрые помыслы; злоба’ (букв.: черная мысль): *Онын бу көрүн турган көзгиде канча кире кыйгак, канча кире өчөш, кыйыран ла «Эх, мен сени өскө жерге болзо» дегендиги кекенгени, жазанын, туйук кара сагыш* (КТ, Т, 97) – В этих уставившихся его глазах столько враждебности, столько упрямства, раздражения и точно угрожающее намерение «Эх, если я тебя в другом месте», сплошная злоба.

Кара сагышту ‘злой, коварный, злопамятный’ (букв.: с черными мыслями): *А жаман, кара сагышту улус кайда барат, ол узун жүрүмде канай учурашпады эмиш* (ЖМ, ЛЛ, 166) – А куда денутся плохие, коварные люди, в этой длинной жизни как же не встретились.

Кара санаа ‘зло; злые, недобрые помыслы; злоба’ (букв.: черная мысль): *Јайымын билген албатыны кандый да кара санаа јендеп албас* (ЭТ, К, 101) – Свободный народ никакое зло не одолевает; *Бордомош Карчаганын кара санаазын билетен учун, онон коркып, Совет јаннын оштүзине болужып туру деп бурулабазын деп јалтанып, эки кулагын кызынып ийеле, унчукпай отура берди* (АА, УБТ, 28) – Бордомош, зная о недобрых помыслах Карчага, страшась его и остерегаясь обвинений в том, что помогает врагу Советской власти, «поджав уши», молча сел.

Кара санаалу ‘злой, коварный, злопамятный’ (букв.: с черными мыслями): *Мен мынча јашты јажагалы, сендий јаман, сендий кара санаалу кижии көрбөдим* (АА, УБТ, 330) – Я, прожив столько лет, такого плохого, как ты, такого злого, как ты, человека еще не видел.

Кара санан= ‘думать о ком-либо плохо, желать зла’ (букв.: черное думать): *«Улус сеге јакшы болзын деп сананып јат. Керек дезе тилгерек Јаша да сеге кара сананбай јат»* – деп, *Јаңгар Јинјинин кулагына шымыранып отурды* (АА, УБТ, 94) – Дьанар на ухо Дьинди шептала: «Люди тебе добра желают. Даже языкастый Яша не желает тебе зла».

Кара сөк ‘очень худой’ (букв.: черная кость): *Сенин таайын оорыйла, кара сөк болуп калтыр* (Каташева Г.) – Твой дядя, заболев, оказывается, стал очень худым.

Кара суу ‘мокрый, промокший; сырой’ (букв.: черная вода): *Бастыра бойы кара суу, јүзи кып-кызыл* (ЖК, К, 13) – Сам весь в обильном поту, лицо красное-прекрасное; *Өдүгим кара суу, кургадар керек* (Тадыкина) – Сапоги=мои мокрые, сушить надо.

Кара сууга түш= ‘покрываться, обливаться потом, сильно потеть’ (букв.: опуститься в черную воду): *Эртечи мангаарала, чүрчеде ле кара сууга түжсе берген* (ЖК, ОЈ, 114) – Эртечи, растерявшись, мгновенно вспотела.

Кара табарган ‘нечистая сила напала’ (букв.: черное напало): *«Соктырган турум ине мен, соктыргам»* – дейле, *ого там коркымчылу боло берди* – *«Кара табарган»* (ЖК, КТ, 133) – «Оказывается, задет я нечистой силой, задет» – сказал он, и ему стало еще страшнее – «Нечистая сила напала».

Кара төңгөш ‘одинокий’ (букв.: черный пенёк): *Бодо, сен јангыскан, мен база кара ла төңгөш кыйналып јүредим, кижии эи-јок,*

эи-бараан јок. Незин јажсырар, тегин јерге кайран өйлөр өдүп јат. Сен ондый неме санабадын ба, Мекечи? (ЖК, КЈ, 209) – Подумай, ты одна, я тоже совсем одинокий мучаюсь, никого нет, жены нет. Что скрывать, лучшие годы зря пропадают. Ты об этом не думала, Мекечи?; *Карындаштары јок кижии кара төңгөш ошикош ине. Тен јаманы коркыш* (БУ, Т, 333) – Человек без братьев и сестер очень одинок (букв.: человек, словно черный пенёк). Хуже некуда.

Кара төңгөш болуп (чылап) отурап ‘молча, безучастно; неподвижно сидеть’ (букв.: сидеть как черный пенёк): *Бир катан јажытту санаазын энчигип болбой, чыгара айдып ийген. «Тил билбес, нени де билбес, слердин ортогордо кара төңгөш чилеп сомпойып калган отураптам ба?»* – Однажды свои тайные мысли, не сдержавшись, выдал: «Языка не знающий, ничего не знающий, теперь [я] должен, ссутулившись безучастно сидеть между вами».

Кара түрткүн ‘необразованный, неграмотный’ (букв.: черный крот): *Онын санаазында јангыс Карчага! А ондый болбой база. Мендий кара түрткүн неме эмес. Бийик үредүлү* (АА, УБТ, 177) – А у нее на уме лишь один Карчага! А как же еще. Он не такой темный невежда, как я. С высшим образованием.

Карага алдырт= ‘оказаться во власти темной силы, подвергаться влиянию нечистой силы’ (букв.: черному подвергаться): *Карага алдырткан кижини аргадаарга коркышту күч* (Токоеков) – Человека, подвергшегося влиянию нечистой силы, спасти очень трудно.

Карага бастырган= ‘грешный, увязший в грехе; оказавшийся под влиянием темных сил’ (букв.: черным придавленный): *Јаш баланы ла эмчек энени, «колы-буды уурлай» берген кижини согуп, өнөтийин кинчектегени, өлтүргени – алтай калыктын јангында ол эн јаан кинчектердин бирүзи. Ондый керек эткен кижини «карага бастырган», «кинчегии ажынып калган» деп айдар* (АЈ, 65) – Рукоприкладство, намеренное надругательство, убийство маленького ребенка, кормящей матери, беременной женщины (букв.: человека с отяжелевшими руками-ногами) – одно из самых тяжких грехов в религиозном представлении алтайского народа. Человека, совершившего такое дело, называют «увязший в грехе», «грехи его перевалили через край».

Карага кирген ‘грешный, увязший в грехе; оскверненный’ (букв.: в черное вошедший): *Арчынды он эки јаштан ашапаган кыс бала үзер аргалу. Эр киндиктү карага кирбеген кижжи үзер* (АЈ, 50) – Можжевательник может срывать девочка, не достигшая двенадцати лет. Срывает неоскверненный мужчина.

Кара(н) бастык = ‘испытывать удушье, видеть кошмары во сне (в полудреме); бредить’ (букв.: быть придавленным черным): *Чөөчөйдөк бу көрүлүп турган неме түш јерим деп билип те турган болзо, је ойгонып албай, каран бастыгып, там ла там уурлап барааткан* (КТ, КЈ, 119) – Чёёчёёк, хотя и осознавал, что все видимое им сон, но не в силах проснуться впадал в бред, состояние [его] ухудшалось.

Кара-боро санаалу ~ боро-кара санаалу ‘злой, коварный, злопамятный’ (букв.: с черно-серыми мыслями): *Бокту бойы да боро-кара санаалу неме эмей* (АА, А, 47) – Бокту и сам-то ведь коварный тип; *Оны угуп, Эјен каруузын јандырды: «Кара-боро санаалу Калдан-Ойроттын јурты дөөн уулымды ла келинимди бербезим»* (АКК, 213) – Услышав это, Эдьен ответил: «В местожительство злого Калдан-Ойрота сына=своего и невестку=свою не отправлю».

Кара-Төңөш јаар тус бедреп барар ‘отправиться на тот свет; умереть’ (букв.: к Черному пню отправиться искать соль): *Бистин алтай јоныстын айдыжыла болзо, «ол Кара-Төңөш» деген тала јаар «тус бедреп» арай ла атана бербедим ошкош* (БУ, СӨ, 14) – Как говорят в народе алтайском, [я], кажется, чуть не умер (букв.: чуть было не отправился в то место, называемое «Черный пень», искать соль).

Көдөни кара (букв.: зад=его черный) ~ **кара көдөндү** (букв.: с черным задом) ‘невезучий’: *Көөркидин көдөни кара, јол-јорыгы да келишпес* (Баина) – Бедняга неведучий, и в дороге не везет.

Көк айас ‘мокрый’ (букв.: синее ясное): *А бу баланын алгасы көк айас турбай* (Токтошева) – Оказывается, низ у ребенка мокрый.

Көк јитке ‘лентяй, ленивый’ (букв.: синий затылок): *Јееним мал кабырып болбоды. Көк јитке бала эмтир* (Токтошев) – Мой племянник не смог пасти скот. Ленивый ребенок, оказывается; *Сендii көк јиткени азырабас керек* (Чагышева) – Такого лентяя, как ты, не стоит кормить.

Көк мөөн 1) ‘мокрый; 2) непросыхающий (о пьющем человеке)’; 3) ‘глупый, несообразительный; неумеха’ (букв.: синяя

двенадцатиперстная кишка): *Бастыра бойы көк мөөн кижини соок салкын өткүрө чаап турган* (ЈК, ОЈ, 218) – Человека, полностью промокшего, ветер продувал насквозь; *Өгөөнiм көк мөөн аракызак, балдарымды көрөр, угар – токто деп айдар кижжи јок* (ЧА, ЧУТ, 30) – Мой муж – непросыхающий пьяница, некому присматривать за детьми, воспитывать их; *Городтогы јееним нени де эдип билбес, көк мөөн неме* (Тжинова) – Мой городской племянник ничего не умеет делать, неумеха.

Көк суу ‘совсем мокрый, совсем сырой’ (букв.: синяя вода): *Адазы чөөчөйдү көнкөрө тудардын кажсы ла јанында бастыра бойы јаашка көк суу болуп өдүп калган Нина айылга кийдире јүгүрүп келген* (БУ, ЭТ, 141) – Как только отец собрался опустошить рюмку, в дом вбежала Нина, вся промокшая под дождем; *Көрмөстин оды күйбей јатканын. Үлүш, көк суу, үлүш аспак ине* (АА, УБТ, 38) – Чертов огонь совсем не горит. Сырая, ведь, совсем сырая, сырая липа.

Көк тарыска ‘очень худой, тощий; хилый’ (букв.: синий прут): *Јангы ла ичегеннен чыккан өркөлөр семис. Олордын эдин көдүртип өлгөн уйлардын көк тарыска јажыгына түнгейлейтен неме дейзин бе?* (БУ, СӨ, 28) – Жирны суслики, только что вышедшие из своих нор. Как можно сравнивать их мясо с совсем хилым негодным мясом умерших от истощения коров; *А менен база нени алар: бу јаргак тонымды ба айса ту көк тарыска јабаамды ба?* (КТ, КЈ, 110) – А что с меня еще возьмешь: это поношенную дубленку либо того очень тощего жеребца.

Көк теке ‘водка’ (букв.: синий козел) (АЧС, 151).

Көк тош ‘замерзший, оледеневший’ (букв.: синий лед): *Бу баланын буды көк тош эмтир* (Каташева А.) – Оказывается, ноги у ребенка совсем ледяные.

Кызыл бут ‘босоногий; бедный, нищий’ (букв.: красные ноги): *Кыш удүра кийим јок, кызыл бутта өдүк јок* (СС, Э, 14) – Накануне зимы нет одежды, в босых ногах нет обуви; *Оны кызыл бут база берген деп айдыжат* (Чагышева) – Говорят, что он совсем обнищал.

Кызыл јыланаш ‘без какой-либо верхней одежды, голый; бедный, нищий’ (букв.: красный голый): *Энем мени тышкары кызыл јыланаш сүрүп ийди* (КТ, ТДК, 33) – Мама выгнала меня на улицу голым; *Сени, кызыл јыланаш тербезенди, кижжи айлына кийдирип*

алар. *А сен дезе кижиге – малталу* (ЖК, КТ, 377) – Тебя, нищего бродягу, приютил у себя дома. А ты на меня – с топором.

Кызыл ийди кынзып турар, кара ийди кангылап турар ‘человек с тяжелым характером’ (букв.: Красная собака=его скулит, черная собака=его лает) (АЧС, 142).

Кызыл кардына болуп (jür=) ‘жить ради себя самого; быть эгоистом’ (букв.: жить ради красного желудка=своего): *Кижинин ачап-сыйабы качан токтоор? Айса жүрүминде жангыс ла бойынын кызыл кардына болуп жүретен болуп жайалган ба?* (ЭТ, Кү, 200) – Когда жадность человека исчезнет? Или он сотворен, чтобы жить только ради себя.

Кызыл кол ‘с пустыми руками, ни с чем’ (букв.: красные руки): «*Бу кайткан улус, кайткан албаты?»* – деп, Акуна чын ла жарыла берди. – «Слерлерди кижиге канчазын айдар, канчазын жайнаар? Как куру кызыл кол баскылап келгилеер» (ЖК, ОЖ, 139) – «Что за люди, что за народ?», – взорвалась Акуна – «Сколько можно вам говорить, сколько вас просить? Приходят ни с чем, с пустыми руками.

Кызыл колдын кучиле ‘собственными руками, своими собственными силами; вручную, без всяких орудий, приспособлений’ (букв.: силами красных рук): *Айылдын ичинде нек-сакты кызыл колдын кучиле жуугам, эжигинде турган мал – менийи, мында ол тербезеннин камааны да жок* (ЭТ, Кү, 149) – Все добро в доме собрал собственными силами, скот во дворе – мой, в этом нет заслуги того проходимца; *Ол тушта бис бастыра ишти жангыс ла кызыл колдын, бу ла колдын кучиле эткенис* (БУ, ЭТ, 16) – Тогда всю работу мы выполняли вручную, вот этими руками.

Кызыл колло ‘голыми руками; без какого-либо орудия, приспособления’ (букв.: красными руками): *Бисти кызыл колло тудуп болбозын* (АА, УБТ, 127) – Нас голыми руками не возьмешь.

Кызыл тил 1) ‘болтливый; болтун, пустомеля’; 2) ‘слух, сплетня; злые языки’ (букв.: красный язык): *Мыны бастыра бойы кызыл тил неме Куук көргөн болтыр* (ЖК, ОЖ, 166) – Оказывается, это увидел чересчур болтливый Куук; *Нези болбойтон, кызыл тил Кызыл-Артты ажа берерде, эмди канайып токтодотон эди, калак* (ЭТ, К, 8) – Боже, что только не случится, когда слух уже пронесся за Кызыл-Арт, теперь его не остановишь; *Бистинг Айсулу кижиге барган деп, деревнеде та кем де кызыл тил божоткон эмтир* (Шукаева М.) – Оказывается, в деревне кто-то пустил слух

о том, что наша Айсулу вышла замуж; *Кызыл тилдин коронынан жалтанып турган болдыс* (ЭТ, К, 58) – Не страшимся ли мы яда злых языков.

Кызыл тилдү ‘красноречивый; языкастый, язвительный’ (букв.: с красным языком): *Балыр тилдү Бабаашка баш ла болзын, туштаарга. Кызыл тилдү, кыл өчтү, калак ла де жайнаарга* (СС, Э, 33) – Не дай, боже, встретиться с Бабаашем, у которого развязный язык. Язвительный, с тонкой трахеей, упрашивать [его] очень трудно.

Кызыл тилле ‘одним лишь языком, на словах’ (букв.: красным языком): *Je кижиге жангыс кызыл тилле де база нени эдип* (ЖК, ОЖ, 157) – Да что может сделать человек одним лишь языком; *Кезиктери бастыра немени кызыл тилле эдер эмес беди* (БУ, Т, 47) – Ведь некоторые все делают только на словах; *Кызыл ла тилле канайып айдайын деп? Бир де керечизи жок* (Чапыев) – Как ты хочешь доказать лишь на словах? Без свидетелей.

Кызыл тын ‘жизнь’ (букв.: красная душа (красное дыхание)): *Бастыра улус кызыл тынын кысканбай, канду өштүлө согуужып жат, а жангыс Леекен-Бала каат коркыдып, тоноп, тайга-ташка жажынып, уйалбай да жортуп жүрөт* (ЭЯ, ÖТ, 78) – Все люди, не жалея жизни, воюют с проклятым врагом, а только один Дьеекен-Бала пугает женщин, грабит их, скрываясь в тайге, нисколько не стесняясь, ездит на коне.

Кызыл тын бойы ‘сам (живой)’ (букв.: сам со своей красной душой): *Качкан кептү келгенис. Кызыл тын бойыс ла базып ийгенис* (ЖК, ЭÖП, 552) – Мы пришли как беженцы. Пришли только сами живые.

Кызыл тын, кыл өч ‘еле-еле душа в теле’ (букв.: ‘красная душа (красное дыхание), с волосинку трахея’) (АЧС, 141).

Кызыл тыны үзүл = ‘умереть, лишиться жизни’ (букв.: красное дыхание=его обрывается): *Ада болгон алтайыма айланып ойто келейим. Кызыл тыным үзүлбезин, кылду бажым базылбазын* (ЖК, АЖ, 337) – Пусть я вернусь на родной Алтай. Пусть я не погибну, пусть я не умру (букв.: голова=моя волосатая не будет придавлена).

Кызыл тыны кыйыл = ‘умереть, лишиться жизни’ (букв.: красное дыхание=его обрывается): *Кажы бир тушта оозы чечилзе – кызыл тыны кыйылар* (ЭТ, К, 33) – Если однажды проговорится – лишится жизни.

Кызыл тынын алып (jүр=) ‘спасаться от смерти; спасти свою жизнь (душу); заботиться о своей душе, о своем благополучии’ (букв.: красную душу=свою беречь). Примеры:

Коркышту жеткерден айрылып, кызыл тынын алып, качкан (Петпенекова) – Миную страшную гибель, спасая жизнь=свою, бежал; *Албатыга шок этпей, кызыл тынын алып жүрген кижси* (АА, УБТ, 234) – Человек, который, не причиняя людям вреда, живет ради своего блага (букв.: живет, заботясь о красной душе=своей).

Кызыл тынын божот= ‘убить, прикончить’ (букв.: красную душу выпустить). Например: *Кызыл тынын божоткон, колында онын не де жок* (СС, Э, 18) – Жизнь=свою кончил, ничего не имеет (букв.: в руках его ничего нет).

Кызыл тынын кый= ‘убить, лишить жизни’ (букв.: красное дыхание=его оборвать): *Ол тужында меге эрдин кызыл тынын кыйып, каныла кылыжымды уймаарга келишпес эди* (АР, АА, 55) – Тогда мне не пришлось бы убивать мужчину, не пришлось бы мारать его кровью свою саблю.

Кызыл тынын кысканбас ‘не жалеть жизни, рисковать своей жизнью’ (букв.: красную душу=свою не пожалеет): *Бастыра улус кызыл тынын кысканбай, канду оштүлө согужып жат, а жангыс Леекен-Бала каат коркыдып, тоноп, тайга-ташка жажынып, уй-албай да жортуп жүрөт* (ЭЯ, ÖТ, 78) – Все люди, рискуя жизнью, воюют с проклятым врагом, а только один Дьеекен-Бала пугает женщин, грабит их, скрываясь в тайге, нисколько не стесняясь, ездит на коне; *А мен сенин ордынга жууга барган болзом, айса болзо, герой до бол айабас эдим. Ук турун ба, ге-ро-ой до бол айабас эдим. Эмезе кызыл тыным да кысканбас эдим* (КТ, КЈ, 36) – А если бы я вместо тебя отправился на войну, возможно, героем стал бы. Слышишь, ге-ро-ем стал бы. А может даже жизнь=свою не пожалел бы.

Кызыл шалдан ‘абсолютно голый, обнаженный; бедный, нищий’ (букв.: красный обнаженный): *Огош балдар ондый эмей: кызыл шалдан жүгүрерин жакшызынар* (Тижимеева) – Маленькие дети ведь такие: любят бегать абсолютно голыми; *Тура тутканыс. Эмди кызыл шалдан артып калдыс* (Кыйынова) – Дом строили. Теперь совсем обнищали (букв.: остались красными нагими).

Кызыл чий ‘слабый, неокрепший’ (букв.: красный сырой, неспелый): *Бала чыкса, оны «кызыл чий бала» дежер. Баланы јунган кийинде, он кјн öткөн сонгында ондоло берет* (Тижинава) – Когда ребенок только рождается, его называют «неокрепший ребенок». После того, как ребенка моют, по истечении десяти дней [он] входит в тело; *А бугул тарткан аттар онду болгон болзо кайдар. Аркаларына кижси отурып болбос. Кызыл чий* (КТ, Т, 26) – А хоть бы кони, возившие копна, были нормальными. На спины-то [им] не сядешь. Неокрепшие.

Ноль кара бок ‘глупый, ничего не знающий; безграмотный’ (букв.: ноль черный кал): *Мен ол тушта колхозто иштегем, үредү жок, ноль кара бок* (Кыйынов) – Я тогда в колхозе работал, без образования, ничего не знающий.

öзöк-(бууры) карар= ‘проголодаться’ (букв.: нутро=его чернеет): *Председательдин эки кып туразына кирип келерде, каарган эттинг, быжырган калаштын јыды тумчугына јаба согордо, бош ло торолоп калган Эжердин бажы айланып, öзöгi карарган* (АА, УБТ, 113) – Когда он зашел в двухкомнатный дом председателя, в нос ударил запах жареного мяса, испеченного хлеба: у совершенно изголодавшегося Эжера закружилась голова, он еще острее почувствовал голод; *А јанбаганча болбос: азык-түлүк божогон, öзöк-буур карарган, танкы база түгенген* (ЈК, ЭÖП, 339) – А не возвращаться невозможно: продукты закончились, желудок проголодался, курево тоже закончилось.

öзöк-бууры саргар= ‘проголодаться’ (букв.: нутро=его желтеет) [Чумакаев 2005: 119].

Тырмактын каразынча ‘мало; маленький, короткий’ (букв.: с ногтевую черноту): *Тырмактын каразынча да болзо, кажы ла кижсинин жүрүми башка* (КТ, КЈ, 25) – Жизнь каждого человека отлична, хотя бы чуть-чуть.

Тырмактын каразына да турбас ‘не стоит и ломаного гроша’ (букв.: не стоит и черноты в ногте): *Тырмактын каразына да турбас немеге болуп, кижси канча катап кубулбас деер* (КТ, КЈ, 240) – Ради того, что не стоит и ломаного гроша, человек ведь сколько раз будет ухищряться.

Научное издание

Аржана Николаевна Майзина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ)

Монография

Отвественный редактор
д.ф.н., проф. *А. Т. Тыбыкова*

Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6

Подписано в печать 15.12.2008. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л. 15,34
Тираж 300 эк. Заказ №08793

Отпечатано в типографии ИП Высоцкая Г.Г.
г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 199.